

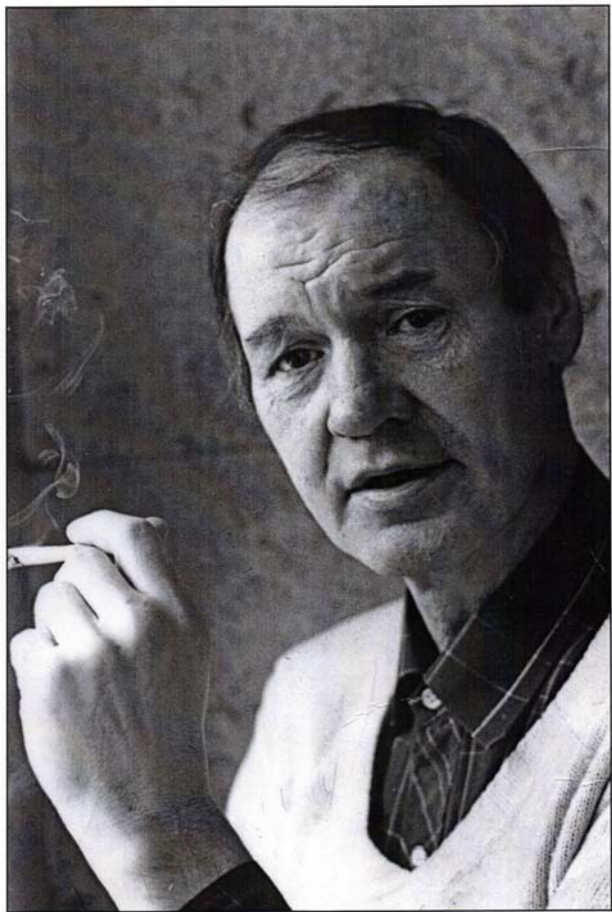
ВИТАЛИЙ ТОШКОВ

памяти художника

Виталия Пескова

**ВИТАЛИЮ
ОТ
ИРИНЫ**

*памяти художника
Виталия Пескова*

*Mir Collection
New York
2007*

ВИТАЛИЮ ОТ ИРИНЫ
Памяти художника Виталия Пескова

To Vitaliy from Irina
In memory of the artist Vitaliy Peskov

Publisher Mark Chernyakhovskiy
MIR COLLECTION Publishing House
8700 25th Avenue, Suite 6G
Brooklyn, NY 11214
Tel./Fax: (718) 449-6245
E-mail: mir8700@yahoo.com

Proofreader: Nataliya Malisova
Design and layout by Boris Budiyanskiy

Copyright © Irina Korshikova

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced, stored in retrieval system, or transmitted in any form, by any means, including mechanical, electronic, photocopying, or otherwise without the prior written permission of the Author.

Library of Congress Control Number:
2007929380

ISBN: 1-893552-50-0

Printed in USA

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках необычную книгу, книгу памяти замечательного русского художника-карикатуриста Виталия Пескова, где рассказ о его жизни ведется не только словами, но и рисунками самого художника. И все это вместе складывается в биографию всего поколения, в рассказ о целом этапе в истории России.

К сожалению, архив, находившийся в московской квартире, был разграблен. Многие ранние рисунки находились именно там. Когда в интернете появился сайт памяти Виталия Пескова (www.peskov.org), где рассказывалось об этом, многие читатели сайта, когда-то сами собиравшие и вырезавшие из газет работы этого великого мастера российской карикатуры, разыскали свои старые папки и прислали рисунки. Далеко не все они оказались технически хорошего качества. Тем не менее издательство приняло решение о публикации и таких рисунков, чтобы донести до читателя хотя бы идею и замысел произведений замечательного русского художника, никогда не бывшего членом Союза художников, никогда не имевшего званий и чинов, но, безусловно, самого знаменитого и любимого в народе художника-карикатуриста Виталия Пескова.

Бывают крылья у художников,
Портных и железнодорожников.
Но лишь художники открыли,
Как вырастают эти крылья.
А вырастают они так:
Из ничего, из ниоткуда.
Нет объяснения у чуда.
И я на это не мастак.

Г. Шпаликов

Ты не был знаком с Геннадием Шпаликовым. И кому он посвятил эти стихи, я, честно говоря, не знаю. Но почему-то в моем сознании они сообразуются с тобой.

Шпаликов покончил с собой в 1974 году. Его близкая подруга была моей сотрудницей и входила в состав комиссии по наследию и изданию книги, поэтому сборник его стихов и сценариев я увидела отпечатанным на машинке задолго до того, как появилась книга. Именно эти строчки поразили своей пронзительностью и трагической шутовщиной. Как будто о тебе. Но это я пойму позже. Тебя я еще не знала. Нет, знала, конечно, как художника. Я привыкла, как и миллионы моих сограждан, каждую среду вынимать из почтового ящика очередной номер «Литературной газеты» и на последней странице выискивать твои рисунки — неутомимый чистяга-носатик попадал в очередную переплет. И многие, очень многие могли бы сказать о тебе: мой любимый художник. Но только мне выпало судьбою называть тебя просто мой любимый... И мой любящий...

Твою книгу мы должны были делать вместе.

Как-то заговорили о том, что пора подводить первый итог. Ты собирался готовить выставку — не карикатуры, а новых рисунков, совсем других по стилистике, и был увлечен этой работой. Мне особенно нравились две из них. Одна изображала женщину-монстра,

сильную в своем животном облике: она ни в ком и ни в чем не нуждается, она сама себя удовлетворяет, она хищна и коварна в своей бесплодной примитивности и... все равно прекрасна как женщина. Другой рисунок — кроткая женственность, просматриваемая в нагромождении груди камней, женственность высокая, одухотворенная, которой можно было молиться, — и все это словно замурованное, угадываемое на фоне камней. Эту серию работ ты пока не хотел выставлять, готовил новые, мы думали делать из них выставку к твоему 60-летию. Я ныла: «Пожалуйста, работай поменьше, не уставой», и ты уверял меня, что работаешь только в охотку, понемногу... И как всегда повторял: «Не волнуйся». Готовые рисунки мы пока сложили на шкаф. Их оказалось совсем немного.

«Другой Песков!» — характеризовал ты сам себя.

На самом деле в подобной манере рисунки уже были и раньше. «Неореализмики» — называл ты их. Но теперь эти полуфантазии-полуреалии стали значимей и трагичней, что ли. И хотя ты уверял, что ничего общего с теми давними рисунками нет, я нахожу какие-то ниточки, тянущиеся к ним. В этой манере ты когда-то нарисовал и мой портрет, который принес мне на день рождения.

«Это я?» — «Конечно, неужели не видно?»

– «Как же, видно, сразу видно», – торопливо заверила я. «Ну подожди бежать к гостям. Нравится?» – «Нравится!». Рисунок мы прозвали со слов нашей подруги Марины Сергиенко «Поленом по лицу» – чем не название для портрета любимой девушки, даже уже невесты в то время? – деревянные сучки образовывали букву «И». Тебя, правда, такое название несколько шокировало, и потом мы изменили его на другое, тоже литературное, но менее экстравагантное – «Портрет жены художника».

А фоном служили какие-то символы нашей веселой молодежной жизни конца 70-х. Вглядевшись, можно было даже узнать угол моего арбатского дома.

На следующий день мы большой компанией отправились на какой-то модный концерт. Рефреном звучали со сцены слова песни: «Моя любимая N». Ты тихонько наклонился ко мне:

– В твоем портрете буква И, как латинское N...

Я не ответила, только чувствовала, как твоя рука сжала мою.

– Наше И похоже на латинское N, – сказала Марина, сидевшая по другую сторону от меня.

– У них палочки в разные стороны, – добавила Наташа, редактор с телевидения, сидевшая за Мариной.

– Но вообще они похожи, – заметил кто-то сзади.

– Ну как же похожи, если в противоположные стороны наклоны! – возмутился еще кто-то из сидевших рядом.

– Письменные похожи, – не сдавалась Мариша.

Спор продолжался – мы молчали.

Этот рисунок через много лет я забрала с собой в Америку, в Москве оставила ксерокопию. «Давай лучше наоборот, пусть у меня оригинал хранится, а копию ты заберешь. Мало ли что в дороге...». «Нет, – ответила

я. – Я буду его хранить. Он вернется к тебе со мной». Сейчас этот рисунок публикуется впервые. В правом нижнем углу, возле подписи – дата: ноябрь 1979 года. Впереди были еще более двадцати лет... Как же это мало!

А за карикатуры ты посадил меня – отобрать рисунки для книги и ни в коем случае не делать «полного собрания сочинений»:

– Ты сама знаешь, какие картинки у меня самые любимые. Все основное есть у тебя в Америке, я все тебе отсылаю, – руководил ты.

Потом, уже когда я звонила из Нью-Йорка, давал новые указания: без текста неинтересно. Я пробовала спорить: твои рисунки и без всякого текста великолепны. Но попробуй тебя переспорить! Я решила: если текст, то что-то биографическое. В веселом стиле. Хотя почему только в веселом? Есть ли что мудрее, смешнее

и трагичнее образа шута?.. Такого великого и доброго, такого свободного шута, как ты.

Однажды, встретив меня в аэропорту, ты еще по дороге домой сказал, что я первым делом должна вычитать текст – надо сразу отдавать в редакцию. Текст ты написал к своим рисункам – как бы кусочки автобиографии в юмористическом стиле. Я подправила пару запятых – просто показать, что не зря на свете живи, ты и сам грамотный. Но одна фраза меня задела: «Холост, не в центре не предлагать».

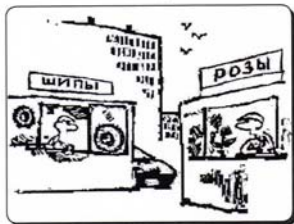
– Так и знал, что заметишь только эту фразу, – хитро прищуриваясь и пытаюсь спрятать улыбку, говорил ты, разбирая чемодан. – Не для тебя ведь написано. Твое дело – вычитать.

– А-а-а, догадалась я, – для меня ты женат, а для всех остальных холост.

– Вот, понял наконец, – хмыкнул ты.

Вообще-то неплохо устроился. Но эту фразу специально написал для меня – а то я тебя не знаю. Попробовала бы я сказать: «Не замужем, не в центре не предлагать!»..

На самом деле ты старался уберечь меня от сплетен и косых разглядываний. И да притится мне уже ставшее пошлым в своей назойливости сравнение: розы славы оборачиваются вблизи весьма острыми шипами.

Надо было бы убрать эту фразу, но затоптался с моим приездом: ты разбирал привезенные вещи, я ринулась в кухню вымыть грязь и готовить обед, а потом устало рухнула на диван: расстояние Москва – Нью-Йорк у нас измерялось не в километрах, а в часах – 8 часов, тяжелая разница, не сразу перестраиваешься на нужное время.

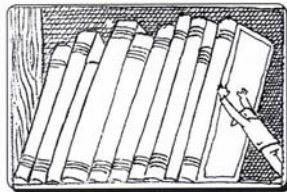
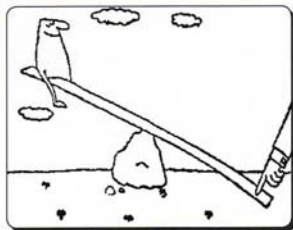
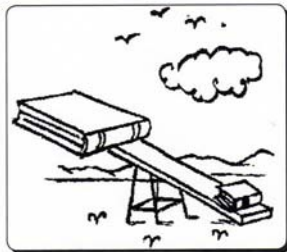
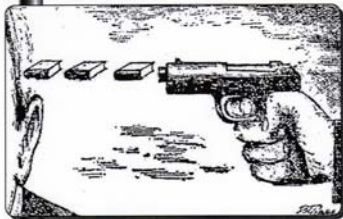
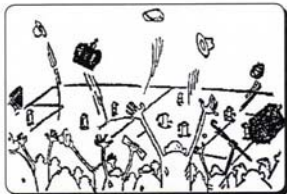
Так эта фраза и осталась.

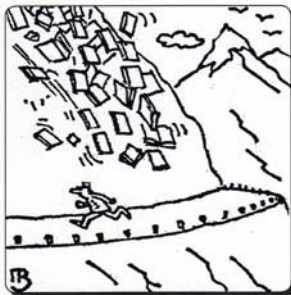
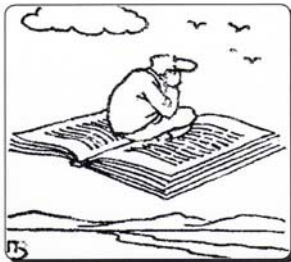
В общем, в подобном стиле и планировала делать книгу.

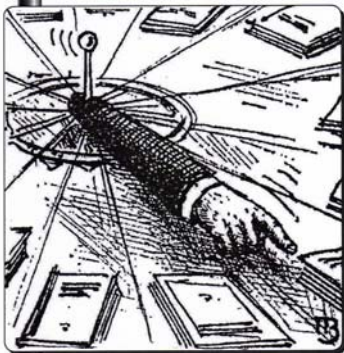
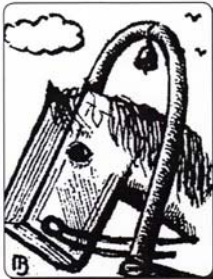
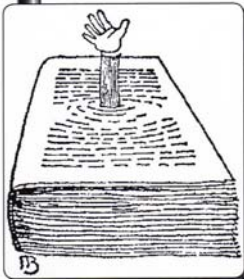
Эта книга должна была стать первой твоей – только твоей и только о тебе – и в рисунках, и в словах: родился в Москве, рано остался без отца. Он был убит вскоре после твоего рождения, во время перемены в военном училище, где преподавал. Причина для убийства вполне резонная – дружил с Василием Сталиным. Официальная версия – самоубийство. Но в данном случае это одно и то же... Детство, часто проводимое у бабушки на Киевской, куда вместе со старшей сестрой Любей отправляла мама. (Мы много говорили, что истоки у нас одинаковые – я росла и почти всю жизнь провела на старом Арбате, на Смоленской, совсем рядом с Киевской, по сути – один район.) Потом – Суворовское училище, откуда чуть ли не бежал, устроил матери скандал, что туда не вернуться, потому что твердо знал: станешь не военным, а художником. И школу ты заканчивал уже обычную, московскую, хотя оказался несколько старше одноклассников. Первая большая любовь: ты пришел к ней домой, а девушка оказалась замужем. Через много лет она, одинокая и уставшая, разищет тебя, позвонит, и ты сразу поедешь на встречу с ней и, посидев за философской беседой о скоротечности времени, вернешься домой – к назначенному часу ждал моего звонка (пусть уж она не обижается). Потом – армия, новая любовь, и твоей маме удалось забрать тебя домой. Именно с места службы ты впервые стал посылать свои рисунки в редакцию. Вернее, первый раз это сделали ребята, с которыми ты вместе служи: собрали несколько картинок и отправили в «Смену». Их напечатали и даже прислали гонорар – прямо в военную часть. А когда, отслужив, ты пришел в редакцию, буквально оторопел – тебя встречали как профессионального художника-кариатуриста. То, что было для тебя поначалу просто смехачеством, вдруг обрело какой-то огромный смысл, определивший всю дальнейшую жизнь... Редактор выбрал рисунки. Ты решил, что остальные не годятся. Почему не годятся? – удивился тот и посоветовал показать в другие редакции. В какие? – ты растерялся, пошел к дверям. Но редактор, все поняв, сразу окликнул и, раскрыв записную книжку, тут же, при тебе начал называть кому-то, объясняя, что направляет

молодого карикатуриста – очень талантливого и застенчивого, ни наглостью, ни нахрапистостью не обладающего – нечастое качество, поэтому принять велел дружелюбно. Я забыла фамилию этого прекрасного человека, увидевшего и разглядевшего тебя – а ведь ты называл...

Потом о тебе напишут, что первая твоя карикатура появилась в 1967 году («Литературная газета» № 48 за 29 ноября 1967 г.). Так ты и сам мне продиктуешь, когда я буду срочно давать статью в американскую прессу.

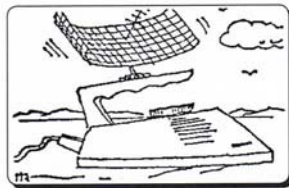

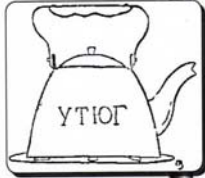
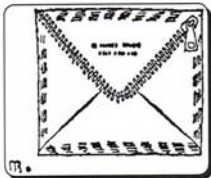
Мы не успели сделать книгу – твою книгу. Мы очень многого не успели. Теперь все, что мы не успели, я должна доделать одна. Я не могу вспомнить то, что было только с тобой, без меня. Я могу написать только про нас. О тебе еще напишут другие: как о художнике, о карикатуристе, о мультипликаторе, о твоём социальном видении, о чем-нибудь еще... И о том, что, наверное, будущие поколения именно по твоим картинкам будут изучать нашу такую грустную и такую смешную жизнь.

Но это – первая карикатура в «Литгазете», которой ты так и оставался верен до конца жизни, верность и надежность – вообще черты твоего характера.

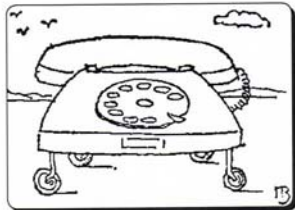
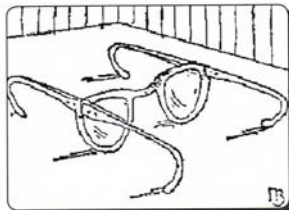
А рисовал ты всегда – еще в военном училище спасался от казенной армейской муштры и садизма, без которого не обходится наша «непобедимая и легендарная», книгами и собственными рисунками. Они помогали тебе выживать. Наверное, с тех пор и пошло у тебя свойственное именно русской интеллигенции особое уважение к книге. Ты был сам книжником и требовал от меня следить, что и как читает мой сын, даже когда я оказалась в Америке.

Готовя книгу, я разбирала рисунки разных лет, восстанавливая по датам, а порой по памяти время их появления. Ранних рисунков у меня оказалось очень мало. Они оставались в Москве, в большой картонной коробке на кухне – другого места в однокомнатной квартирке им не нашлось. Мы уже собирались возвращаться в Москву, и пересылать их в Нью-Йорк не имело смысла. Считали: я вернусь – тогда и отберем, успею. Получилось так, что не успели. Пришлось для подготовки книги довольствоваться тем, что осталось у меня. Я обратила внимание, что в ранних работах часто встречается тема игры в обиходные предметы, некая абстракция,

Иванов изобразил бутылку водки с припаянной ко дну с внутренней стороны рюмкой, сам Вагрич нарисовал надувной топор с прилагаемым к нему насосом, ты – молоток в форме цепочки, которой были оснащены в то время бачки туалетов (этого рисунка у меня нет)... А как-то пришел в редакцию человек с явно военной выправкой, представился: майор Алекс Ковалев. И изложил свою идею. В его подчинении работает бригада, которая может сделать полный комплект необходимых для Евг. Сазонова предметов по эскизам художников клуба ДС. Веселовский, которому и было это изложено, тут же привел майора

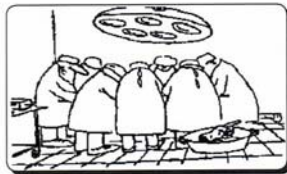
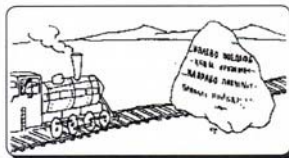
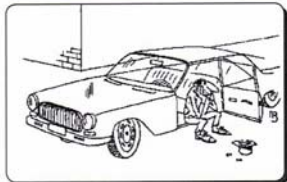
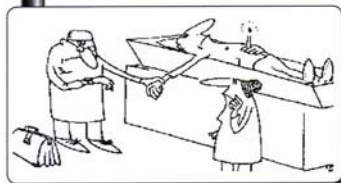
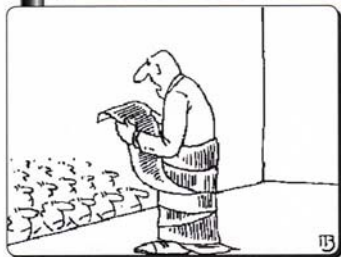
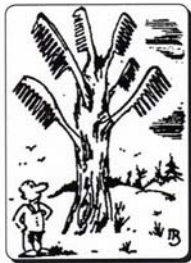
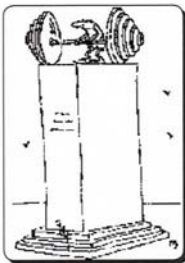

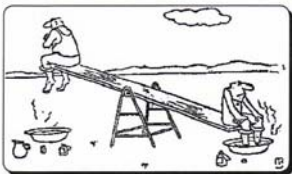
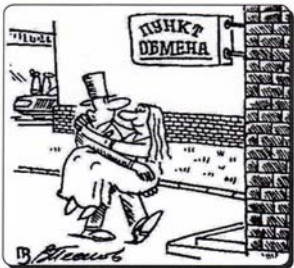
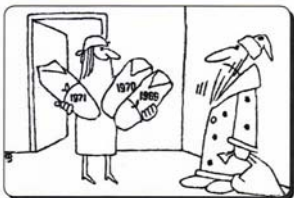
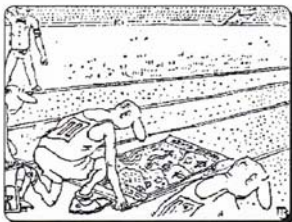
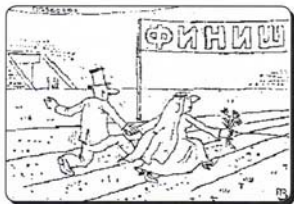
смешная несуразность.

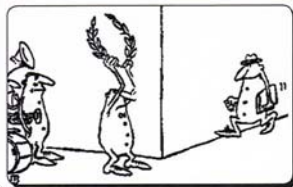
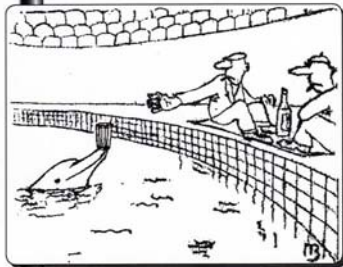
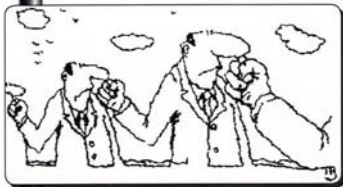
Объяснение этим рисункам дал Вагрич Бахчанян, рассказав, что у него возникла идея создания идиотских вещей для придуманного (теперь сказали бы – виртуального) персонажа Евгения Сазонова. Было это на второй год существования ДС, году в 1968-м. Все четверо художников неистово взялись за дело. Владимир

к художникам. И работа по созданию эскизов закипела с новой силой. А честный майор приносил в редакцию готовые образцы. Правда, далеко не все задуманное и нарисованное художниками смогло воплотиться в жизнь. К слову сказать, надувной молоток Вагрича подручным майора сделать так и не удалось, о чем Вагрич до сих пор сожалеет.

Мы с тобой не могли не встретиться – так много оказалось общих «точек», как будто Господь на всякий случай предопределил нам запасные варианты – если один провалится, останутся другие. Не так давно, когда ты уже был болен, а я отчаянно моталась между Москвой и Нью-Йорком, одна умная подружка моей подружки поэтессы Леночки Григорьевой объяснила, что мы с тобой и в прошлых наших жизнях были вместе. Эти слова не вызвали ни смеха, ни удивления. Значит, правда про прошлые жизни. И вот, значит, почему, какие бы акробатические кульбиты ни проделывала с нами жизнь, мы все равно оказывались вместе.

Ты взошел – нет, взбелал – на Олимп совсем молодым и так и простоял на нем всю жизнь, открытый чужим взорам поклонения или зависти. А я попала прямиком в твои объятия, и твои руки вознесли меня на такую высоту – высоту твоего роста, даже выше – твоих поднятых рук, высоту любви и преклонения, откуда земля казалась лишь светлым муравейником, и я привыкла опираться не на собственные ноги, а на твои руки, и видела перед собой только твои глаза, полные смеха, разудалой веселости, страдания, отчаяния, любви и искорок того пламени, который берется «из ничего, из ниоткуда», а в просторечье называется талантом. Я знала одно: Виталик... Виталик поможет, Виталик сделает, Виталик устроит, Виталик что-нибудь придумает, Виталик выручит, Виталик спасет. И в те редкие мгновения, когда я по какой-то причине, по нелепой случайности жизненных коллизий оказывалась без тебя, лицом к лицу с этой жизнью, я, как ребенок, бессильно проигрывала, не имея, наверное, тривиальных понятий об умении выживать.

А остальные твои любимые пусть меня не судят, все те, кому суждено было встретиться на твоем пути и которые называли себя твоими женщинами... В каждую из них ты был влюблен (зачем тебе нелюбимые?) – искренне, у каждой из них было свое время и каждая занимала свое место в твоей душе. Любовь каждой и к каждой из них ты сохранил навсегда. Но это была другая влюбленность. А та, большая любовь, любовь-судьба, у них другая – встреченная или, к сожалению, так и не встреченная, или по каким-то обстоятельствам прошедшая

мимо, но она обязательно есть, потому что иначе и не имело смысла рождаться... Влюбленность – это как охота, азарт, но это и полет, и вихрь... Любовь нельзя сравнить ни с чем, это – как Жизнь и Смерть.

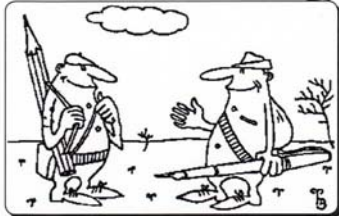

...Я обожаю смотреть, как ты рисуешь. Ты уверенно водишь по листу ручкой с прикрученным к ней ниточкой перышком – орудием труда лучшего карикатуриста страны, а мы – я с моим маленьким сыном – восторженно следим за твоей рукой и волшебством, рождаемым на бумаге. Ты рисуешь самозабвенно, словно и не видишь нас, а потом вдруг поднимаешь глаза и неожиданно смеешься:

– У вас сейчас абсолютно одинаковые взгляды!

Ты откладываешь незамысловатое и одновременно великое в своей неожиданности орудие труда и, перегибая через стол, обнимаешь нас обоих. Я чувствую, как ты прижимаешься к моей щеке, как дотрагиваются твои губы до моих волос, я тоже смеюсь и... просыпаюсь. Просыпаюсь, еще неся в себе это состояние простого нашего счастья, понимая и одновременно не понимая, что тебя нет. Подоткнутое одеяло – словно твоя рука, обнимающая меня во сне, и я лежу тихо-тихо, чтобы не разбудить тебя, потому что ты спишь очень чутко, и кажется – если я пошевелюсь, тут же услышу твое обычное: «Ты что не спишь, Ирришка? Спи. Все нормально – я же с тобой». И я боюсь обернуться... и увидеть пустоту.

Этот сон когда-то был явью... Но как же давно!.. За окнами бушевал декабрь, я возилась на кухне, мой маленький сын

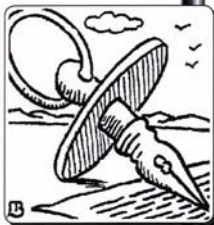
размахивал настоящей саблей – наследством от твоего отца, а ты, следя за взмахами сабли – все-таки настоящее оружие, – рисовал подборку новогодних рисунков для журнала. Позвал нас – первых судей.

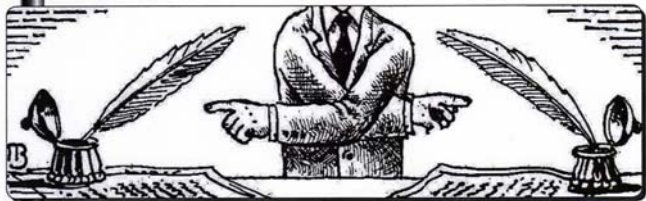
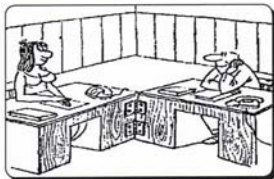
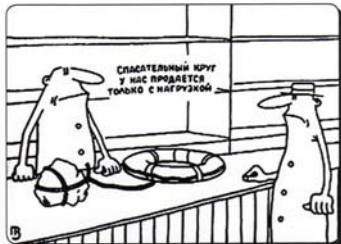
– Что не так? – Ну, ты нашел, кого спрашивать! И, не дожидаясь ответа: – Да вот же... – и, хватая перышко на ниточке, подправляешь скакуна, во весь опор несущего сани с Дедом Морозом. Такими перышками когда-то учились писать первоклашки. У тебя их было два, по очереди привязываемых ниточкой к ручке. Одно потерялось. Через много лет, я, пользуясь тем, что у тебя был большой выезд по редакциям, и делая основательную уборку, разыскала это маленькое стальное перо под батареями, за плинтусом, уже проржавевшее, и положила его на подоконник.

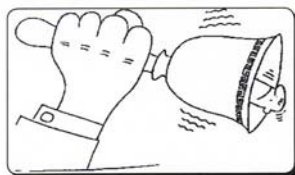
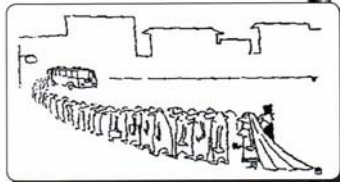
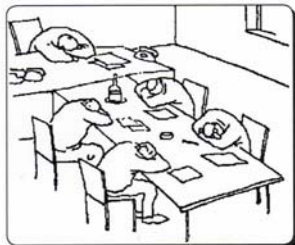
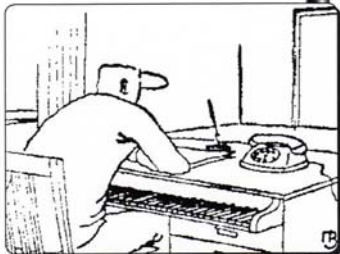
– Где ты нашла его? Оно же потерялось еще несколько лет назад!

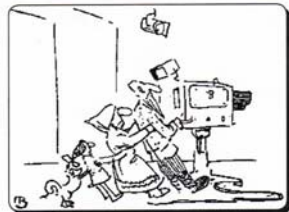
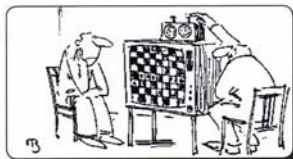
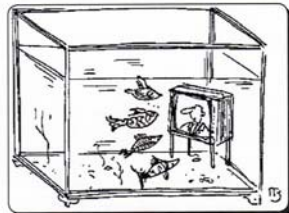
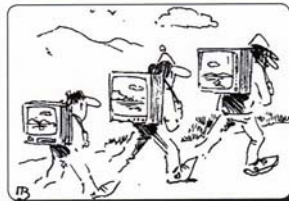
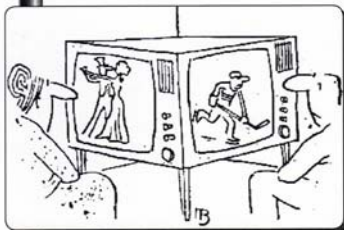
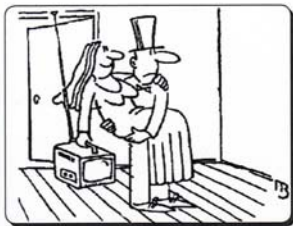
Ты долго разглядывал его, обрадованный, а потом протянул мне:

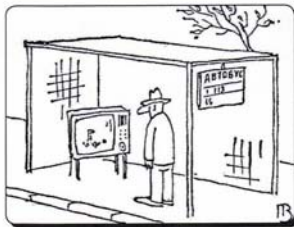
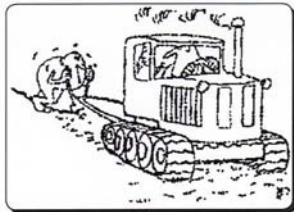
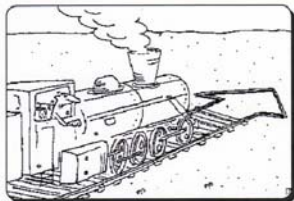
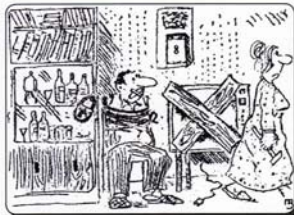
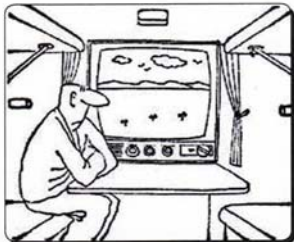
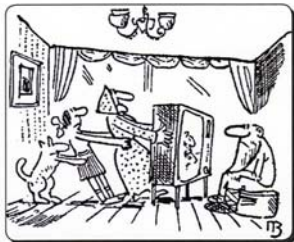
– Выброси! Оно уже не годится.

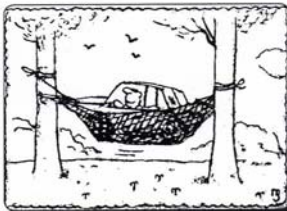
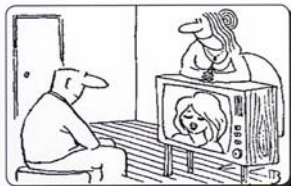
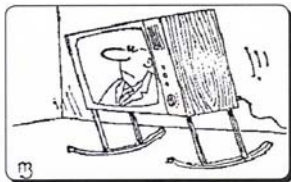

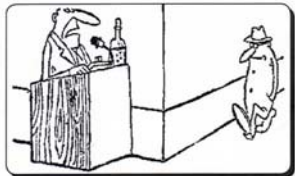
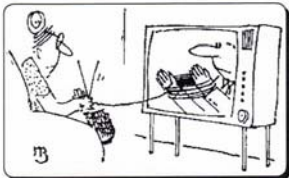
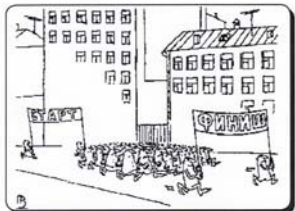
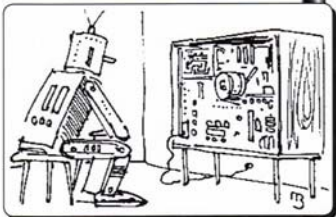
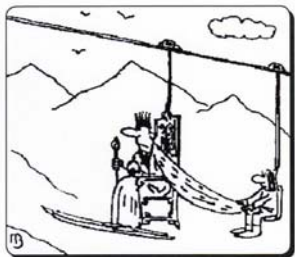
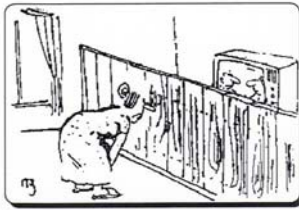
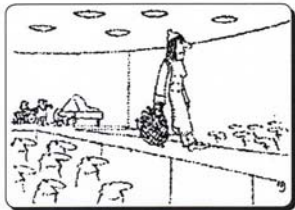

...Я стояла у твоего гроба, боюсь отойти хоть на секунду, чтобы еще побыть с тобой, еще хотя бы миг... И потом, в автобусе, мы тоже ехали вместе: ты – лежа в гробу, я – рядом сидя на специальном месте, приготовленном возле тебя. Кто-то подходил, какие-то люди что-то говорили: что надо держаться, что надо жить дальше. Наверное, так положено. А я все пребывала в полном шоке. Я не знала, что отвечать на эти слова...

– Он очень тосковал один, – это сосед по даче Володя Нагоев. – Говорил: вот построил дачу – и неизвестно для кого.

Что я могла сказать... Мы так мечтали вместе жить на этой даче – и вдвоем, и всей большой семьей, с детьми... Почему-то подумалось: хорошо, что именно они, эта семья, оказались нашими ближайшими соседями – ты очень тепло говорил о них...

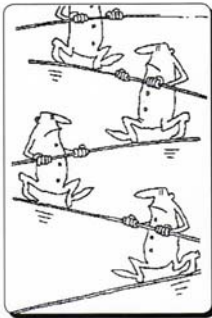
– Вы, конечно, Ирочка? Крепитесь, Ирочка. Примите искренние соболезнования. Я – Петина мама. – И тут же предложила выпустить твою книгу в ее издательстве, даже подарила что-то из собственной продукции – показала качество работы.

Осталась в памяти красивая милая женщина:

– Я – Наташа, – сказала она тихо, обнимая меня. – Он вам говорил про меня. Я узнала вас по фотографиям. Он очень любил вас. И очень тосковал... – и повторила: – Я – Наташа.

Под гнетом каких-то усложненных, и так-то в шоке, я не понимала слов. И лишь потом, спустя месяцы, в оцепенении бродя по улицам Нью-Йорка, вспомнила: Наташа! Она же повторила, что она – Наташа!

Однажды ты мне сказал про нее, когда я звонила из Нью-Йорка. Сказал, что нашел для меня подругу, свою старинную приятельницу, жену твоего товарища (ты, собственно, их и познакомил). К моим подругам еще с моих молодых лет ты относился критически: боялся, чтобы меня не предали, не позавидовали б

поймем такого удачного жениха (что они знали про эту удачу!). Мужчины завидовали тебе, твоему искрометному, феерическому таланту, женщины пытались удержать – вот ты и боялся за меня. Я тогда еще не знала, что у гениев друзей не бывает. Бывают завистники, бывают собутельники, бывают поклонники, даже фанатики – только не друзья.

Эту Наташу ты выбрал мне сам.

– Вот вернешься – будешь с ней дружить.

Так это же она и была – Наташа! Как же теперь ее разыскать? Даже фамилии не знаю.

Блиzkих подруг у меня нет. Может быть, потому что ты заменял все.

– Вот это – твоя подружка?! – гневно выговаривал ты мне лет двадцать назад, а то и больше, заехав ко мне на Арбат и встретив там мою институтскую подружку, с которой готовились к экзаменам. – Она же тебя готова предать в любую минуту. Пока ты на кухню выходила за чаем, я с ней поговорил, она же готова лечь под меня тут же, хоть при тебе! А виновата ты – трепала: сейчас приедет мой жених, известный карикатурист Виталий Песков!

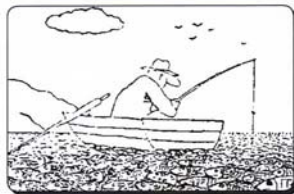
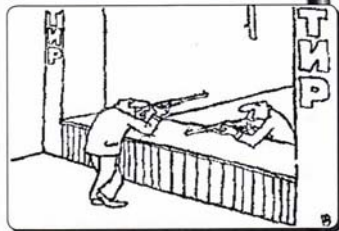
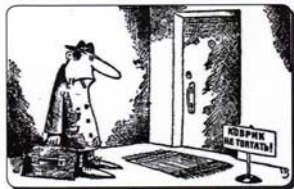
– Ничего я не трепала!

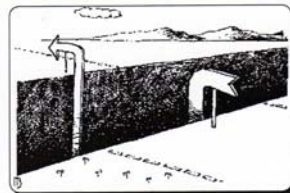
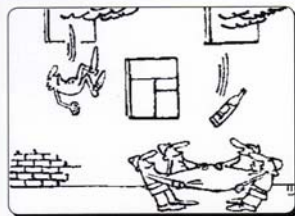
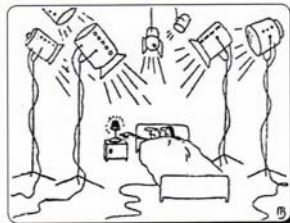
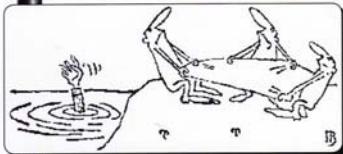
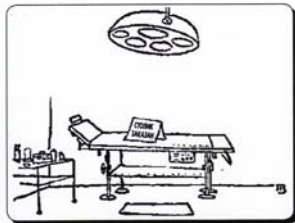
– Но я-то вижу! Короче, чтоб ее больше не было!

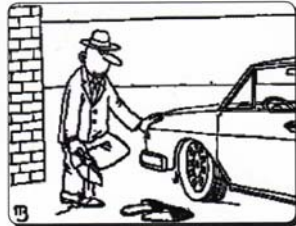
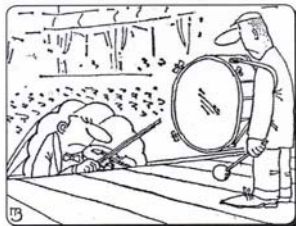
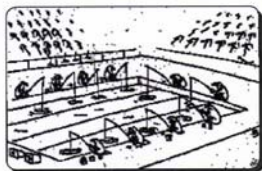
– Виталь, но у меня же так вообще никого не будет!

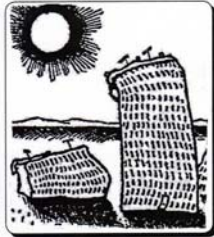
– Ну и не надо! Я у тебя.

Так ты увидел знойное лето 1972 года, когда от непривычной жары загорелись торфяники вокруг Москвы, а в официальных прогнозах синоптиков это изысканно называлось «дымной мглой»:

Наверное, правильное всего сказала мне моя школьная подружка (подружка или так – приятельница, теперь уже не знаю), поэтесса Леночка Григорьева: «Зато в твоей жизни была любовь. Да еще такого человека. Любовь бывает не в каждой жизни. За это надо платить. За все надо платить». Она права – за все. Твоя смерть – моя плата за твою любовь. Любить дано не каждому, это – какая-то высшая степень дара, что ли...

Я стояла одна у твоего гроба. Мы так и были всегда – вдвоем. Мне почему-то не дали побыть с тобой наедине. За моей спиной стояли люди. Но я их не видела. Никто из моих родственников не пришел. Из твоих – только твой сын Петя (на него и Игоря Смирнова легла вся организация похорон, пока я летела из Нью-Йорка) и сестра Люба, без Бориса, без Алешки. Боря болен, почти не выходит – это она объяснила мне позже, когда я с ней и приютившей меня приятельницей ушла с поминок – ушла с одной лишь мыслью: Господи, дай мне доделать то, что мы не успели. И только, большего не хочу!

На поминки Андрей Бильжо предоставил свой ресторан. Новые веяния страны – художники зарабатывают бизнесом, а не рисунками. Не так давно ты рассказывал о посещении «Петровича», цены там оказались такими, что у первого карикатуриста страны не нашлось в кармане суммы оплатить бокал вина. Меня в этом рассказе волнует свое.

– Ты пил? Тебе же нельзя!

– Совсем чуть-чуть, только вино. Не волнуйся.

Андрей позвонил тебе на следующий день с тактичными уверениями. Вообще-то это не первый раз, когда он помогал тебе. Вот и сейчас предоставил свой ресторан, изрядно спасая наш с тобой кошелек. Нахормить эту ораву незнакомых людей я была бы не в состоянии. Так что спасибо Андрею Бильжо, с которым я, кстати, почти не знакома. Не его вина, что собрались какие-то странные люди, не имеющие к нам отношения. Я и ушла – ушла после особо циничных слов известного московского поэта, никогда не бывшего ни твоим другом, ни даже приятелем. И твоя сестра ушла со мной – чтобы быть со мной, а не с ними. Других родственников не было. Двоюродная сестра Рита – в Америке, в Филадельфии, а с Ильей ты никогда не был особенно близок; кажется, я с ним даже и не знакома, знаю о нем от тебя. Почему-то мы оба – и ты, и я – оказались среди своих родственников не то что чужими, нет, конечно, но и не близкими. Рита, приезжая изредка из Филадельфии, собирала родню. Прошлым летом наши приезды в Москву совпали, думали пойти к ней в гости вместе, но я по какой-то причине оказалась занята. Ты решил: и ладно, Рита собирается решать вопрос с памятником на могиле родителей, там надо что-то привести в порядок, собрать деньги. Да и с живущей в Москве родной сестрой почему-то общался нечасто. Помню, ты встретил меня в Шереметьево в мой очередной приезд и привез домой, и я, как обычно, повозившись на кухне, устало рухнула спать. Ты, чтоб меня не будить, поставил телефон к

стола, за которым работал, – телефон буквально разрывался звонками в тот день. Накануне по телевизору прошла передача «Дог-шоу», в которой ты снимался, и знаковый народ, сразу вспомнив о твоём существовании, названивал, радостно сообщая, как ты выглядишь. Я ту передачу не видела – летела к тебе на крыльях любви в прямом смысле этого слова. Крылья были «озрофловские» или «финнэировские». Среди звонивших была и Люба.

– Представляешь, – говорил ты возбужденно, когда я встала, не выдержав мук сна под постоянный трезвон, – Любка позвонила! Посмотрела вчера передачу – и вспомнила про брата! За все время, пока ты в Америке, ни разу не звонила!

Ты не звонил ей тоже. Почему так получилось, не знаю. Не ссорились, не обижались – просто светлая жизнь вела каждого своей дорогой.

В той передаче ты снимался вместе с Андреем Росточкин. В перерыве разговорились. И Андрей сказал, что он, популярный актер и режиссер, которого знает вся страна, сейчас бездствует. По сути дела, семья живет на заработки жены.

– На заработки жены?! – усмехнулся ты. – Я через несколько дней свою жену встречаю из Нью-Йорка. Она там пока живет и оттуда присылает деньги. На это и существую. Все то же самое. Сейчас встречаю, прилетает на пару недель.

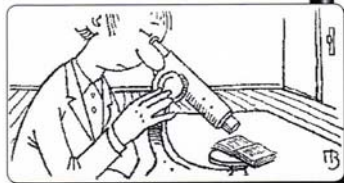
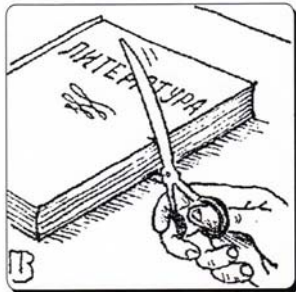
Так разговаривали два популярных в стране человека – актер и художник, приглашенные подзаработать в телепередаче «Дог-шоу».

– Понимаешь, интеллигентнейший парень, он фильмы умеет делать, а жить по этим новым законам не умеет: не наглый, не подлый, не пробивной... А сейчас властвует плевб, шелупоны!

«Плевбс» ты ненавидел отчаянно – с его поп-культурой, которую правильнее было бы назвать «культурой поп».

– Все изменилось, – говорила мне моя подружка. И рассказала: она теперь зарабатывает тем, что переводит заново «Приключения Тома Сойера» Марка Твена. Я по наивности напомнила, что в свое время это уже сделал Чуковский, и даже неплохо сделал. Но подружка опять объяснила мне, наивной, что

тот текст слишком сложный для современных детей, нуждается в упрощении. Я опять удивилась: вот уже сколько поколений во всем мире читают книгу на разных языках в разных странах – и никто не умер от умственного перенапряжения. «Ты не понимаешь, теперь положено попроще». Считается, что это по-американски. Конечно, если изучать Америку по каналам российского телевидения. Ты на этот мой рассказ махнешь рукой: деградация во всем. «Шелупоны!»

Кто мог знать, что вы с Андреем Ростоцим покинете этот мир почти одновременно. Он погибнет, сорвавшись в горах при съемках нового фильма. А может быть, тоже не выдержав властвующей шеплуни.

Самое страшное – терять самых близких. Кажется, я закричала. Кажется, кто-то бросился ко мне. Кажется, это были Марина и кто-то из твоих приятелей. Кажется, Игорь Смирнов.

Тобой не только восхищались, тебе завидовали. Те, кто не понимали, что Господь знает, кому сколько давать.

Сам Андрей Бильжо из своего же клуба ушел – извинился: юбилей у жены. Ко мне подсел Коля с воспаленными заплаканными глазами – среди чужих людей ему не с кем было даже слова сказать. Твоих друзей и приятелей, очевидно, даже не пустили в элитарный клуб. А может, они сами ушли, увидев происходящее. Зато полно каких-то неизвестных, чьих-то подружек и дружков. И тех, кто не имел к тебе никакого отношения, но спустился прямо с экранов телевизоров. Как я понимаю, все – за счет Андрея. Известный московский поэт, эквилибрист слов и рифмы, вкушал ресторанный поминальную трапезу и смотрел на меня холодно и ясно. А мы-то с телевизором думали, что он и сам талантлив – как же телевизор укрупняет! Он нежно и с равнодушным пафосом, как наспех заученную роль, призывал своих издателей к изданию твоих рисунков, значит, знал: и рисунки, и деньги, и вещи, и фотографии, и масса семейных мелочей, никому не нужных и не интересных, кроме нас, – все уже вывезено из квартиры. Говорил громко – рубил, чтобы я слышала. Показывая, что теперь тут главные они, не имеющие к тебе никакого отношения, а мне, мол, тут нечего делать... Я и ушла с поминок именно тогда. Всем хорош наш мэр – только пропуску не упразднил... В том мире, куда я шагнула за

тобой, потому что в этом без тебя меня действительно нет, в том нашем новом мире другой смысл, там каждый значит только то, что он значит сам. А рубитель своей собственной правды – пусть продолжает «плить со свалочами и приглашать мерзавцев в дом». Не бороться же мне, в самом деле, с этими серыми стройными рядами карикатуристов-юмористов, так смело говорящих по телевизору о беззаконии в России и столь же смело ринувшихся поспешно поделить до моего приезда твои рисунки, славу, вещи, деньги – все то, что им не принадлежит. Я же прекрасно понимаю – у

них схвачено все: от милиции, судов и газет до депутатов, министров и президента. Говорить вслух о беззакониях – это надо заслужить! Ты часто повторял, что не успеет захлопнуться крышка твоего гроба, как за твоими картинками ринутся все, кто не имеет к тебе отношения. Вот увидишь, – пророчествовал ты, – как они сбегутся! И добавлял: как же ты будешь без меня? «Не увижу, – резонно успокаивала я. – Меня без тебя не будет». А ты лишь грустно улыбался. Как же ты оказался прав!

Через несколько месяцев я набреду в Интернет на статью того поэта, посвященную тебе. Русские школьники, привезенные учиться в Нью-Йорк, лазаящие по Интернету, как кошки по забору, оповестят о том, что меня разыскивают, и пояснят, как выйти на сайт русской карикатуры, о котором я и не слышала. В графе Address, проинструктирует меня юный компьютерщик, сын сослуживцев, надо набрать yandex.ru. Потом, в открывшемся окошке – твое имя: Виталий Песков. И все само откроется, как по волшебству. А там – анонсы обращения ко мне. Туда и кликать мышкой! Кликать я умею. Кликать – совсем не значит бегать по всей квартире за серенькой мышкой с возласом: «Ау!». Это компьютерный термин, обозна-

политическую карикатуру, – уверял не известный мне автор со знанием дела. Какая ерунда, неправда! Рисовал. И в архивах «Литгазеты» наверняка хранятся эти рисунки. Рисовал и давно, еще в советский период, и потом, в пост-перестроечный.

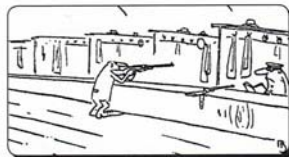
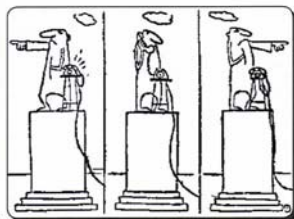
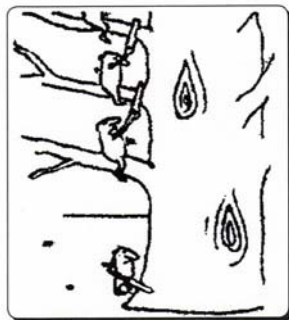
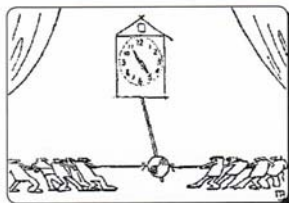
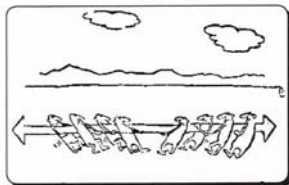
Помню, в мои регулярные приезды уже из Америки – на столе были разложены аккуратно

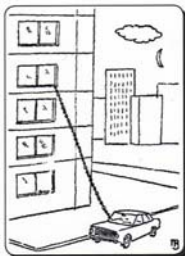
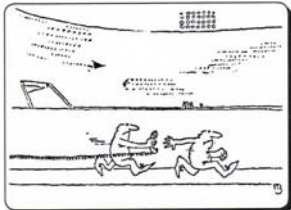
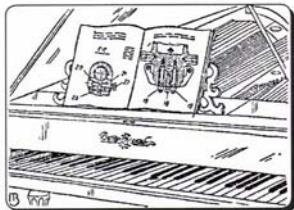
чающий нажатие кнопки на бандуре с шариком, которую сначала надо еще изловчиться установить на нужной строчке. Таким образом великий yandex.ru приведет меня в сайт карикатуры. «Ирине, вдове Виталия Пескова» – это мне. Потом главный бригадир сайта, узрев сию крамолу, не входящую в его коммерческие планы, поспешит стереть обращенное ко мне послание. А мир, открывшийся при помощи великого Яндексса, доставит к статье известного поэта, зачем-то пришедшего на твои похороны. «Никого не бичевал», – напишет он про тебя. Это ты-то – шелковый и пушистый?! Да ты бичевал их всех – от самых властных верхов до самых низов, до люмпенов, угодливо пасущихся в ожидании прописки, квартиры, издающихся книг и всех остальных благ. Бичевал с первых же рисунков.

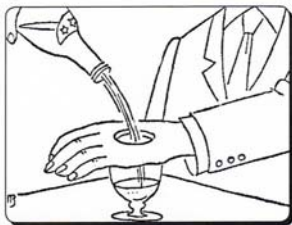
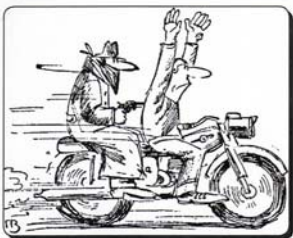
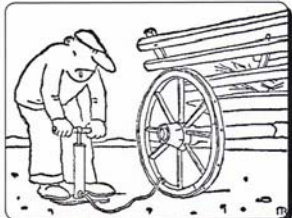
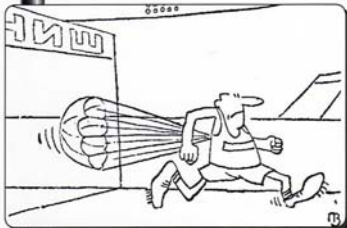
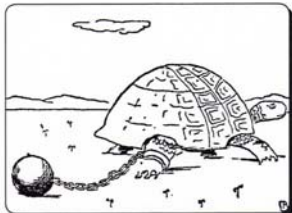
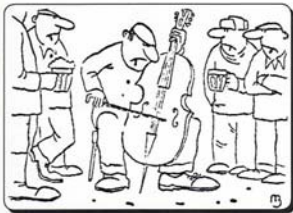
Сколько же всего надуманного, придуманного вычитаю я про тебя! Никогда не рисовал

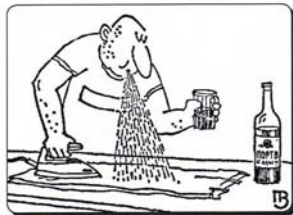
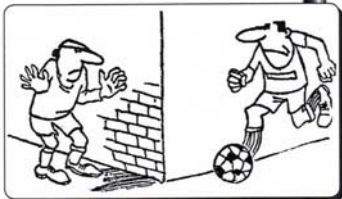
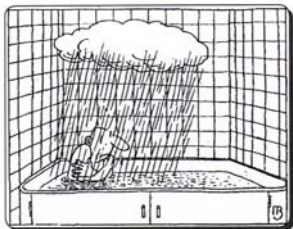

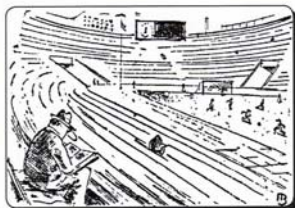
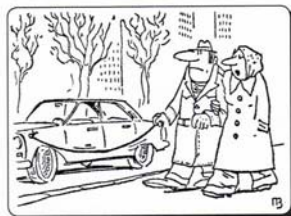
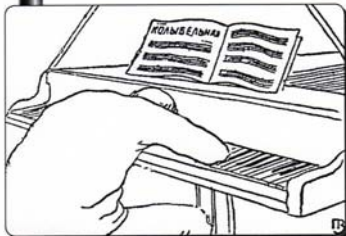
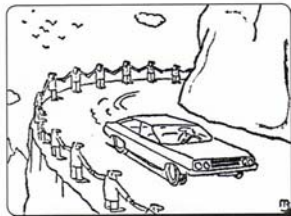
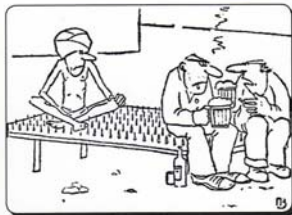
ные стопочки вырезанных из газет фотографий Ельцина, Черномырдина, Немцова, Чубайса и других наших деятелей того периода. Ты велел к галерее высокопоставленных особ отнестись с уважением и случайно не смахнуть в мусорное ведро. Фотографии ты перерисовывал, старательно уродая знакомые по телевизору черты – такова работа карикатуриста. «Нарисовал 50 000 рисунков, но большинство потеряно!» – повторяют наперебой разные газеты. Ну хоть бы удосужились посчитать, сколько всего-то дней отпущено Богом человеку! Для такого количества надо с ясельного возраста рисовать по две с половиной карикатуры в день! Откуда, из какой ошибки, опiski, оговорки взялась эта цифра, гуляющая из одной статьи в другую, переписываемая людьми, ничего не знающими про тебя, да и мало интересующимися тобой. Нет, рисунков твоих приблизительно 15 тысяч – точно подсчитать невозможно. И это очень много! Подышать за оригиналами в редакции не всегда хватало времени – особенно, когда я оказалась в Америке. Многие рисунки так и оставались там. Ничего – сохранялись публикации, ты рисовал копии, это было быстрее, чем специально ездить по редакциям забирать рисунки. То, что считал для себя главным, ты перерисовывал, повторял, дополнял. Думали нанять помощников, тем более, что могли платить им в долларах, – нам это было без разницы, когда я стала присылать деньги из США. Но ни один из курьеров, которых ты старательно нанимал, не подходил: никто из них не мог заменить меня для тебя, в этом нет их вины. Только новых хозяев жизни, как и прежних, это все мало интересует. Они даже не поняли, как ты их бичевал всю жизнь – просто своим существованием!

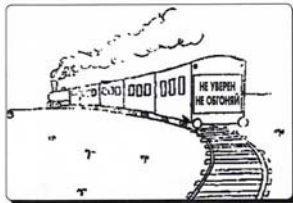
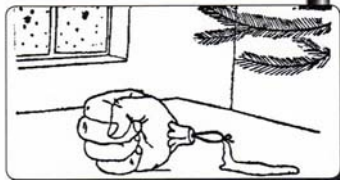
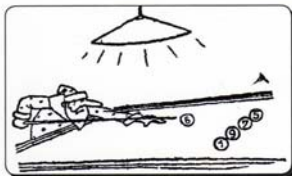
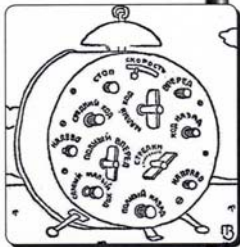
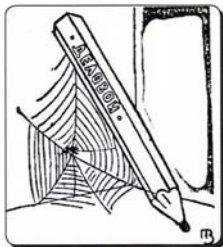
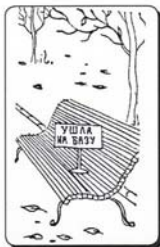

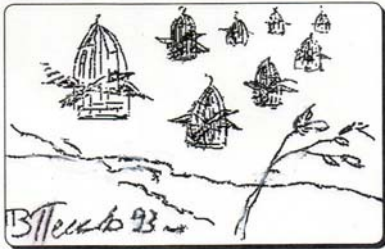
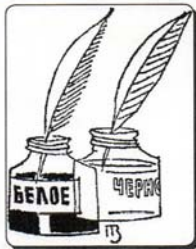

У вас в «Литгазете» когда-то давно была игра, придуманная Ильей Суловым. Играют вдвоем. Один называет не глядя страницу и строчку в толстенной книге списка членов Союза писателей, попадая в имя советского литератора. Если можешь назвать хоть одно его произведение – рубль твой. В таком клубе не бичевать их, хозяев жизни, было нельзя, невозможно.

Ты бичевал их собственной свободой, нежеланием жить по их законам, собственной чужью, собственной личностью. Господи, сколько же всего надо было перенести за это! А вызовы в большие кабинеты к большим начальникам, таким большим, что не умещались в собственных креслах, распыляясь во всеохватнических инстинктах...

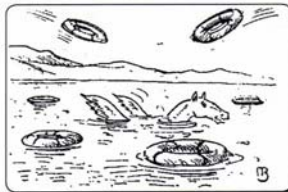
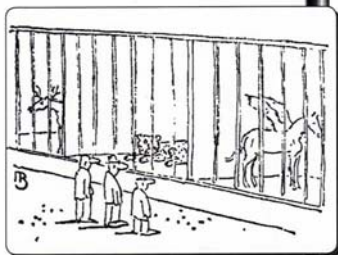
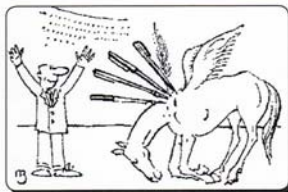
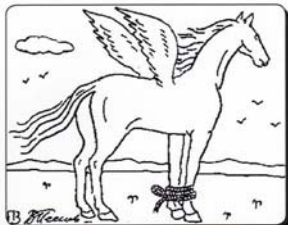
Когда в «Литературной газете» появилась твоя картинка с изображением стаи птиц, летящих в клетках (моя любимая картинка, ты пов-

торил этот рисунок для меня. Нарисовал на темной бумаге – другой у нас не было. Вернее, немножко было – ее тебе для работы доставал в специальном магазине старейший карикатурист Борис Ефимов – но не тратить же ее на нас!), совсем высокого начальство позвонило меньшему и по телефону изрекло: баланс

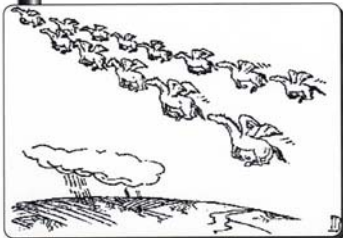

надо соблюдать! Если публикуете такое, то рядом должно быть и другое, балансирующее...

А когда в 70-х годах тебя пригласили на конкурс карикатуры за рубеж – на твое имя было прислано приглашение, высланное по адресу «Литгазеты», – «высокая инстанция» на твоих глазах разорвала это приглашение (я обнаружу оставленный тебе анонс через много лет, разбирая твои бумаги) со словами: «Вы понимаете, какому народу принадлежит ваше творчество?». Увы, пришлось понять. Хотя почему надо лишать какой-то другой народ твоего таланта, совершенно непонятно. Чем тот, другой, народ хуже нашего, советского?

Картинки поехали без тебя – с грифом «художественной ценности не представляет», без такой печати рисунки нельзя было вывозить за границу, – завоевывать первые премии на международных конкурсах. А тогда мы думали: как тебе, с твоим даром, оставаться в этой клетке...

Не так давно, в середине 70-х, в Америку уехал твой близкий товарищ. Сказать, что мы всерьез думаем об отъезде, нельзя, но все-таки... На эту тему думают все. Ведь понятно, что в нашем государстве должны когда-то закончиться продукты – их все меньше и меньше, ощущение такое, что новых не поступает.

По Москве ходила шутка – переименованная фраза классиков об автомобиле: жена-еврейка – не роскошь, а средство передвижения. Америка в те годы представлялась нам каким-то чудом совершенства, а ведь на самом-то деле мы толком ничего про нее не знали. Это был какой-то свой мир, своя Америка, к которому – очень может быть – реальная страна никакого отношения не имела. Честно говоря, я абсолютно не готовилась к такому повороту. Я и английского языка не знала – закончила арбатскую французскую спецшколу, и специальность у меня имела прямое отношение только к русскому языку и литературе, иначе говоря, я человек без специальности.

Поэтому твердила лишь одно:

– Я – только с тобой. Ты решаешь. Я без тебя там даже не прокормлюсь.

– Это понятно. Я на хлеб заработаю и в Америке, и не только на хлеб, но и на масле.

У нас выработалась постоянная шутка.

– Ты даже не представляешь, как тебе со мной повезло! Я тебя материально обеспечу выше головы – если, конечно, все не пропью – вот одной этой... – Ты выставял руки, переводя взгляд с одной на другую. – Вот... Какой?

– Вот этой, – старательно подсыказывала я, принимая серьезную игру и указывая на левую руку.

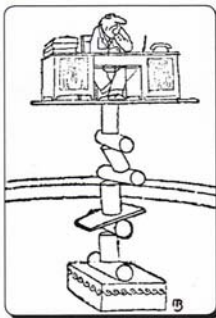
– Да нет же... Вот этой тоже... – показывал ты и на правую руку.

Любимая игра: ты рисовал симметрично обеими руками сразу. Два абсолютно одинаковых, зеркально противоположных «носатака» (не знаю, кто первый придумал так называть твоего постоянного персонажа – не мы) рождались одновременно. В этот момент хохота и визга вокруг не оберешься.

Ты бичевал смехом. Тем, что не был членом их партий – никаких, ни раньше, при советской власти, ни потом; не был членом ни творческих

союзов, ни – уже много лет – коллективов. И воевал не потому, что боролся с ними, – ничего подобного. Просто с высоты твоего роста то, что для других было верхом стремлений, для тебя казалось мелочью где-то далеко внизу, не слишком важной. Ты бичевал тем, что жил по собственным законам! Тем, что не был ими! Тем, что ты – Виталий Песков! Да разве это прощается?

В Союз художников попытался вступить совсем недавно, да и то по моему настоянию, – чтобы получить дачный участок в поселке

под названием «Палитра», тут же, естественно, переименованном в «Пол-литра». Но с общественной жизнью не задалось – уж очень не хотелось проходить через сообщество жажущих распря, хотя Игорь Смирнов и обещал всяческую поддержку. «Там чего-то делать надо, какие-то взносы платить, а ты в Нью-Йорке», – объяснял ты мне по телефону. На связь с общественностью была брошена я. В общем, ты опять «не прижился». И только журнал «Лица» упорно называет твое имя в числе самых значимых людей, вызывая лишь очередной приступ зависти дружок-приятелей. А призы – за рисунки, за карикатуры, как твой «Золотой Остап» у нас на шкафу, с которого я регулярно вытирала пыль. Не знаю, какой он там золотой, но тяжеленный – это уж точно!

Помню, я сказала:

– Лучше бы квартирой дали.

Но ты был рад призу:

— Нет, на квартиру сами заработаем, без них.

Сколько же их там стояло на твоих похоронах, за мной, — правильных, сбалансированных, не бичевавших и «не бичевавши будете»? Где они все были, когда ты гордо умирал в одиночестве, а я, вот уж действительно, как последняя идиотка, вкалывала в Америке, зарабатывая на твою операцию? Где они были тогда, когда надо было сходить в магазин и аптеку — и все, больше ничего, только это! Нет, на самом деле надо было отнести документы в поликлинику, поехать в налоговую инспекцию. Но ты никого не хотел просить. «Вот вернешься в Москву, — говорил ты мне по телефону, — и сама все сделаешь». Ты ждал моего возвращения, ждал и боялся — я должна была привезти деньги на операцию. Какие-то деньги я оставляла нашей приятельнице, чтобы она съезжала к тебе; я назвала список продуктов — рыба, фрукты, овощи, курага, как мне назначили твои врачи. Но приезжал с сумками только редактор «Литгазеты» Евгений Обухов. Ты был верен «Литературной газете» всю жизнь. И Женя — администратор клуба «12 стульев» — не подвел, он тоже ока-

злся верным. Он приезжал не за рисунками — рисунки ты отправлял по факсу, он приезжал, часто сам больной, простуженный, откуда-то из подмосковного городка, куда даже не проведен телефон — это в наше-то «мобильниковое» время! Ты назовешь мне только его, привозившего тебе продукты и лекарства, и добавишь свое обычное: не волнуйся. Мы решили: я приезжать в Москву пока не буду, с моими бесконечными и бессмысленными полетами туда-сюда мы не то что на операцию не наберем, а вообще все растеряем. И я, как в омут, бросилась в Америку в круговорот ловли долларов. Только названивала:

— Может, все-таки прилететь?

Ты раздражался:

— Ты прекрасно знаешь, мы не можем сейчас впустую тратить деньгИ! Я жду тебя в мае! Не волнуйся, все нормально. Тебе же врачи сказали: время есть.

Обещал чуть что — сразу вызывать «скорую». И я запрещала себе думать о том, как ты там один, совсем один, хотя, конечно, думала только об этом... И так до той самой секунды, когда я, возвращаясь с работы вечером, в восемь вечера по нью-йоркскому времени, не почувствовала вдруг тяжеленную пустоту, накрывшую полностью, с головой, с плечами, черную пустоту, от которой подкосились ноги, и голос внутри отчетливо объяснил: всё не имеет никакого значения. В Москве было четыре утра того страшного 12 марта 2002 года. Мне назовут именно это время. Но тогда, в ту минуту, я не пойму, что обозначает эта навалившаяся чернота, я механически сложу документы для твоего приезда в Нью-Йорк, на долечивание после операции.

...Разоренная, развороченная твоя квартира... К моему приезду почти ничего уже нет. Ни наших вещей, ни книг, которые собирал еще мой дедушка. Да не все ли равно теперь... Потом, через много месяцев, какие-то знакомые каких-то других знакомых рассказали, как к подъезду подвезжали машины, чужие люди выносили коробки и мешки, и кто-то из соседей узнавал знаменитостей с телеэкранов... Подруга сразу потихоньку предупредила: домой мне нельзя; там засели какие-то художники, разбирают рисунки и собираются в квартире открыть музей. При моем появлении предупрежденная

милиция меня сразу задержит как лицо без прописки, отправит в каталажку, оттуда еще и не выйдешь – в стране беззаконие, судиться бессмысленно, да и не до того сейчас, перед похоронами. Она и ее мама настояли, чтобы я оставалась у них. Домой я попала с Петей только через несколько дней – вся квартира была разворочена. Пропали не только рисунки. Помнится, мне почему-то сразу захотелось взять нашу игру «Эрудит» и постельное белье. Игру Петюшка нашел сразу, а простыни и пододеяльники уже исчезли. Маленькую коробочку с украшениями – память от твоей мамы – надо бы отдать Любе, но ее вряд ли допустили сюда. Взгляд ухватил одиноко висящую в прихожей твою кожаную куртку. Я купила ее в маленьком бруклинском магазинчике за полцены – она была последней твоего размера, и хозяин магазинчика честно показал заедающую молнию. Цена покупки возвеличивала ее в наших глазах. А молнию я решила починить сама древним способом намаливания. В результате произошло именно то, что и должно было, – молния сломалась.

– Не трогай мою куртку! – возмущался ты мной по телефону, о кожаной куртке ты мечтал давно. – Привози как есть, Нонна Михайловна исправит.

Нонна Михайловна – мама нашей общей подруги, женщина потрясающей красоты и потрясающих талантов, кандидат всевозможных наук, работавшая в научном институте, шила она профессионально, и со всеми пошивочными сложностями мы привычно обращались к ней. Нонна Михайловна оглядела куртку, похвалила, но специальной машинки для кожи у нее нет, и отвела меня в обувную

мастерскую возле Маяковки.

Американская куртка за полцены, оснащенная молнией из обувной мастерской с Маяковки, была тут же признана любимой и в первую же поездку оправдала присвоенное звание.

– Иришка, представляешь, – влетев домой, тут же сообщил ты, – сейчас в метро мужик устался...

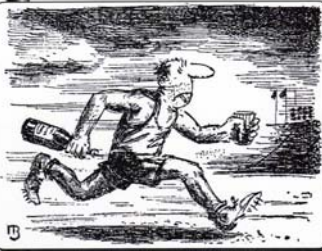
Ты решил, что он устался на тебя – вот какая знаменитость в том же вагоне, – надвинул глубже на глаза кепочку-неузавалочку. Оказалось, тот завистливо разглядывал куртку, а потом кивнул приятно рядом: вот такую бы... Тот насмешливо ответил: посмотри, мол, кто в этой куртке – и зашептал: карикатурист... известный... конечно, у такого человека такие деньги на такую куртку есть...

Как же мы смеялись тогда – и грустно, и весело...

Теперь, в опустошенной квартире, эта куртка, уже изрядно поношенная, оставалась еще на вешалке. На полу – клочки бумаги, в углу – коробки, токи, очевидно, с не подошедшей никому скромной одеждой – моей или твоей, не все ли равно... На тумбочке, где стоял недавно купленный телевизор, – пустота... Рисунков уже не было... Только оторванные обои...

Разобраться в твоих рисунках никто, кроме нас с тобой, не смог бы. Их почти полтора десятка тысяч, а многие – в нескольких экземплярах! Они лежали, расфасованные по разным пакетикам, конвертикам, папкам, коробкам и коробочкам... Их становилось все больше, и места они занимали тоже все больше. Помню, я купила сразу много прозрачных папок – не в магазине, а возле метро, по дороге в кокую-то редакцию, куда ездила «сбрасывать картинки» – так ты называл развоз очередной порции твоих рисунков по редакции – и получать деньги за опубликованные. Была зима, хлопья снега залепляли глаза, и бабуля-пенсионерка, приторговывавшая этими папками, отсчитывала мне их, перебирая покрасневшими на морозе руками, – последнее время я старалась все покупать вот у таких бабулек, стоящих возле станций метро. Сначала ты сказал: «Куда столько папок?». А когда мы переложили рисунки, выяснилось, что я купила мало. В ход пошли опять те же коробочки и конвертики. Потом часть этих папок ты отправил мне в Нью-Йорк (у нас по-

лучилось два архива – в Москве и в Америке) – мне было удобнее раскладывать рисунки в них, а тебе больше понравились американские желтые конверты. Они так и называются в Америке: «желтые конверты» и сделаны из особо прочной бумаги. Порядок ты любил и ценил до скрупулезности. На самом деле он действительно был необходим и в разборе картинок соблюдался неукоснительно – иначе ты не смог бы работать. Ты всегда знал, где какие твои рисунки лежат: оригиналы, ксерокопии, вырезки из газет и журналов, где давние работы, где последние... Неразобранной оставалась пачка на тумбочке с прислоненной к ней моей матерчатой черной сумкой возле дивана – эта кипа терпеливо дожидалась моего очередного приезда... В этот раз я опоздала...

Последние годы мы больше были врозь, чем вместе, и я привыкла сочинять тебе письма – по дороге на работу или с работы, в метро, в автобусе, просто в бесконечной беготне по Нью-Йорку, – а потом, прибегая домой,

уже записывать. Письма получались иногда длинные, в несколько страниц, мне хотелось как можно подробнее рассказать тебе про Америку, потому что в телефонных разговорах всего не расскажешь. И я складывала их в конвертики, надписывая: «Виталию от Ирины». И получала такие же конвертики от тебя – только с надписью «Ирине от Виталия». Бог мой, сколько же этих моих писем скопилось у тебя! Как-то, в очередной раз приехав в Москву и разбирая ящики, тумбочки и шкафчики и пытаясь навести там порядок, я хотела выбросить старые свои письма, но ты не разрешил. Я и не тронула. Они так и валялись всюду – по всем ящикам, читанные и перечитываемые тобою – вместе с документами, рисунками, набросками, списками тем очередных карикатур, записями словесных шуток, которые потом обретут жизнь на странице «Литгазеты»: «Н.Е. Пойман – не вор». И еще частая запись на разных листочках бумаги: «Эра Иры»...

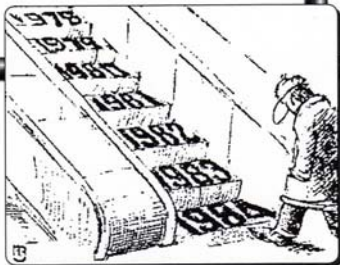
Эра Иры... Я последний раз подержала в руках эти листочки и свои письма. Я сожгла их – чтобы не попали в чужие руки, чтобы чужие равнодушные глаза не видели нашей тоски и отчаяния. Тех моих писем к тебе больше нет. Как нет ушедшей с тобой эры Иры.

Мы давно решили, что похоронены будем вместе (хоть там-то вместе!), да по-другому и быть не могло. Ты – с большим памятником, с местом для возложения цветов к надгробию от будущих твоих почитателей. Я – рядом, незаметно – как и было всегда при жизни, только для своих. Ты смеялся:

– До смерти еще дожить надо!

Почему-то думалось, что никогда не доживем.

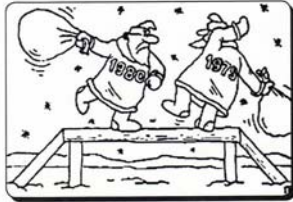
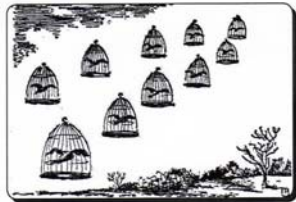
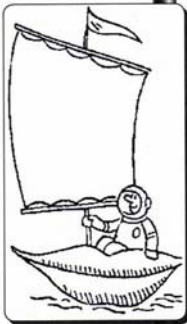

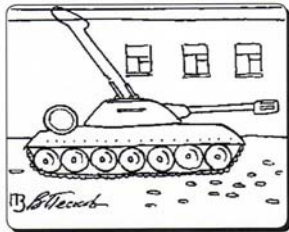
В последнюю нашу встречу мы все вспоминали, когда, в каком году, познакомились, так и не могли вспомнить. Конец 70-х...

В то время в квартире на Арбате, пока родители на даче, у меня часто собирались компании: танцы, песни под гитару, бесконечные

разговоры о судьбах России... Все это теперь, в наше время, кажется таким романтическим — анекдоты про советскую власть, умные разговоры про не менее умные книжки велись в таких милых компаниях, под громкую музыку и бутылки водки. Теперь те наши беседы, происходившие на самом деле в каждом доме, в каждой квартире, прозвали «разговорами на кухне».

Оба эти рисунка родились давно: один – на события в Афганистане, идея другого – еще раньше, в 1968-м, – на ввод советских войск в Чехословакию, но символический их смысл будет актуален еще долго.

А сколько анекдотов того времени ты сочинишь! Сидели как-то в гостях за столом, и вдруг ты наклонился ко мне:

– Забыл тебе сказать, я вчера придумал слово!

– Боже мой! Что ты еще придумал? Мне сухари сушить?

– Конечно, еще спрашиваешь! Знаешь, как я назвал машину, которая возит членов Политбюро? Членовоз!

Слово это так быстро проросло в народ и укрепилось, как будто было всегда. Сколько раз потом на улицах, когда проезжали длинные черные «Чайки», слышалось от прохожих: вон членовоз! А слово придумано в 1980-м или 81-м году!

Дом на Арбате старый. В стенах трещины, идущие через все здание. Трещины я – под твой смех – закрываю твоими картинками. Каждую весну с началом тепла начинается снеготаяние, причем начинается оно с нашей квартиры, в результате чего комната-кухня сразу выходит из строя. Собственно, плита уже давно перенесена в маленький чуланчик, а холодильник стоит в коридоре. И мама в отчаянии призывает работников жэка и городских начальников прийти посмотреть на ее квартиру. Иногда ей это удается – суровые чиновники приходят, с любопытством разглядывают наш потолок, напоминающий Ниагарский во-

допад, про который они слышали, но никогда не видели, поскольку в нашей стране все сплошь — невыездные. Но лобопытству и восхищению все равно нет предела. А летом приходят комиссии и рассказывают жильцам, что в доме этом жить не рекомендуется, поскольку деревянные перекрытия давно сгнили и могут рухнуть в любой момент.

Жильцы, будучи опытным населением Арбата, прекрасно понимают, куда клонит высокая комиссия, и в один голос заявляют, что они родились и выросли на Арбате и здесь же собираются умереть, а если их посмеют выселить отсюда в какое-то Бабушкино, Бутово, Беляво или подобное, они немедленно уезжают в Америку и Израиль одновременно, независимо от национальной принадлежности. Слова

«Америка» и «Израиль» в то время воспринимались не только как бранные, но и еще хуже, записывать их в официальных отчетах нельзя было ни в коем случае, и все разговоры на том прекращались.

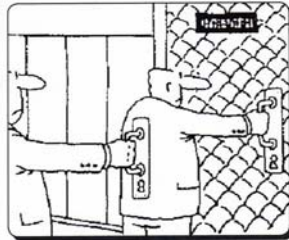
Но однажды утром какая-то дама из комиссии столь красноречиво рассказала о сгнивших перекрытиях, что я поняла: дом упадет вот-вот, ждать он просто больше не может. А вечером, пока родители на даче, я жду гостей. Что делать? Все отменять? Но ведь люди уже договорились, придут. И я мудро решаю:

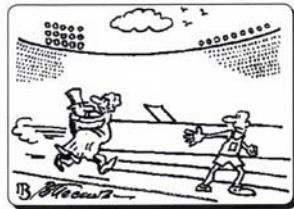
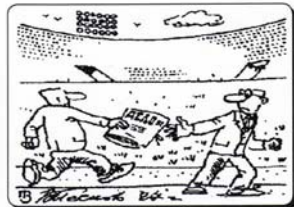
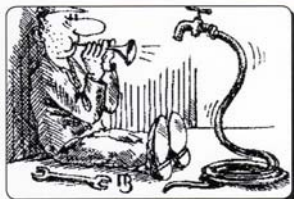
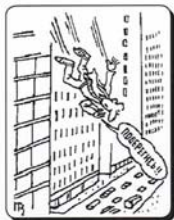
никому ничего не скажу, а если дом рухнет, объясню, что я заранее ничего про это не знала. Я даже представляла себе, как это будет выглядеть: вылезу из-под обломков, сделаю удивленные глаза, а ты, конечно, как всегда, сможешь, не подведешь...

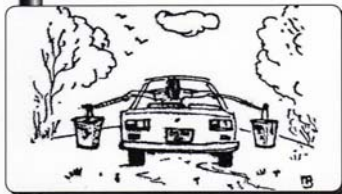
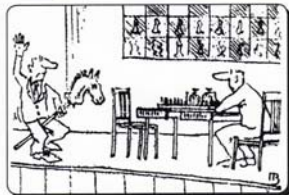
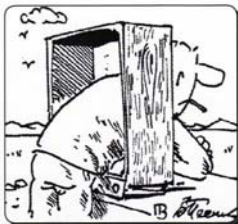
Так что гости собрались на анекдоты о советской власти, выпили, закусили, потанцевали, а про обрушивание как-то даже забылось. Я вспомнила об этом, когда все разошлись и мы с тобой вдвоем, перебив посуду и убрав остатки блюд в холодильник, снова их вытащили и сели за стол – моя привычка садиться за еду, когда гости ушли. Ты уже к этому привык. «Да этот дом, – смеешься ты, – так и будет рассыпаться, но стоять. Он и нас с тобой переживет!» Наш арбатский дом был построен еще до революции для служителей церкви, потом советская власть вселила туда сразу несколько рабочих семей, превратив большие удобные квартиры в коммуналки, а в 1941 году, перед самой войной, были надстроены два верхних этажа – первые советские отдельные квартиры для крупных министерских работников. Квартиры планировались как однокомнатные, но по ходу строительства большую комнату поделили стеной пополам – получились две комнаты, потом во вторую комнату сделали отдельный вход, отчего часть

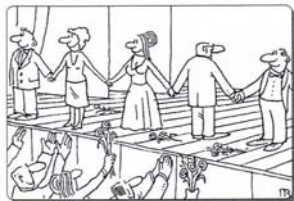
ее ушла на коридорчики с поворотами. Так и получилась наша двухкомнатная квартира на Арбате, где я жила со своими родителями и куда ты постоянно приходил, постепенно перевоза вещи, – груда дисков твоих любимых «битлов» и книга уже лежала у меня.

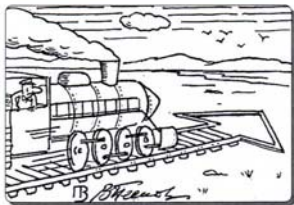
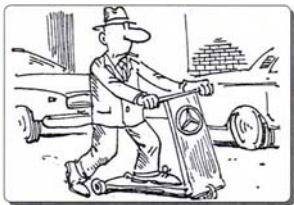
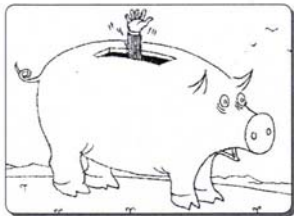
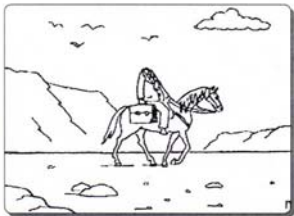

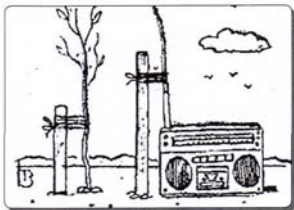
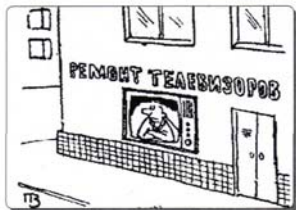
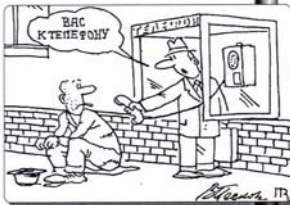
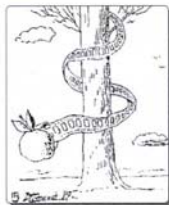
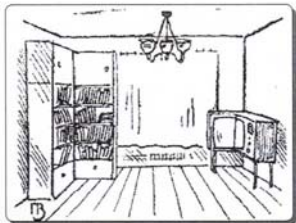

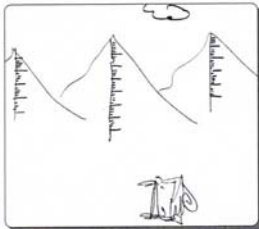
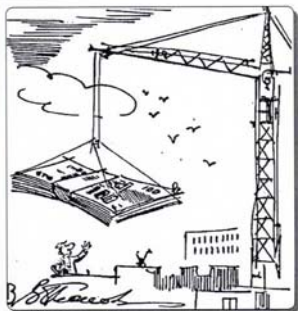
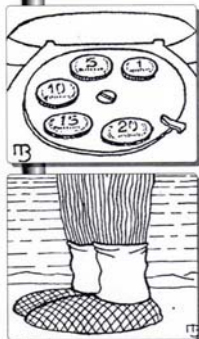

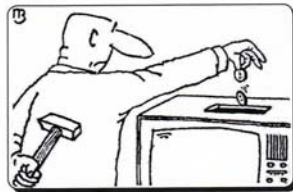
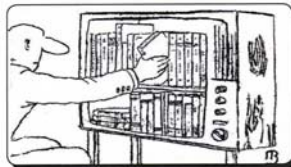
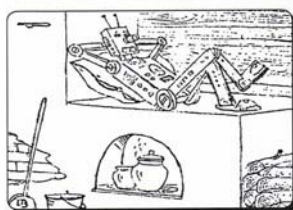
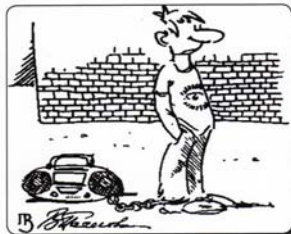
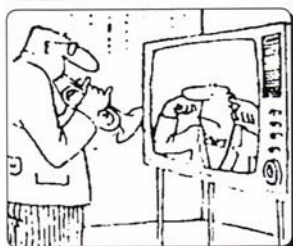
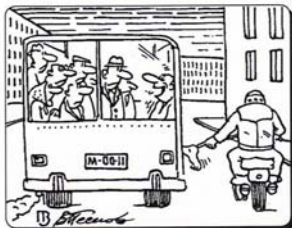

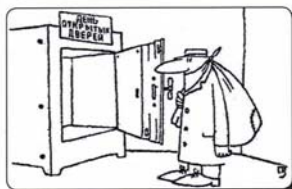
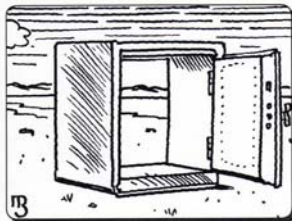
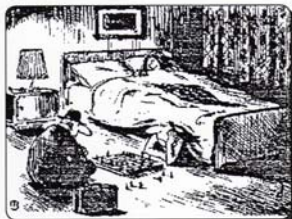

Помню, как мы самозабвенно играли в модную игру «Эрудит». Ты записывал очки, а пока я раздумывала над очередным ходом, конечно, рисовал, благо ручка и бумага в твоём распоряжении. Это картинка того времени, конца 70-х, родившаяся из цифры 11 – набранных мной очков, – и ставшая глазами твоего извечного человечка, оказалась среди вороха бумаг, которые я взяла с собой в Америку. Вот и сохранилась.

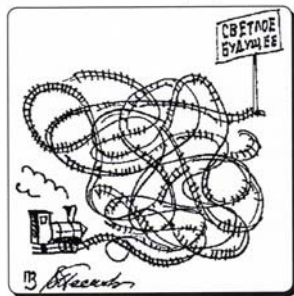
Однажды ты забежал ко мне на Арбат сообщить, как о тебе отзывался Ролан Быков! С каким пиететом и восхищением он говорил о тебе! Ты был счастлив: от такого мастера услышать хвалу!.. Ты отвечал, что это ты восхищаешься им, а тот только приговаривал: «Виталенька, да ваш дар куда значимее и моего, и еще скольких других мировых талантов. Трудно вам будет...»

Это было уже во время съемок мультфильма «Пиф-паф, ой-ой-ой!», когда ты работал в «Экране». До этого была «Литгазета» – самые счастливые твои годы. Вас было четверо – четыре мушкетера – четыре билта – четыре художника-карикатуриста. Наверняка в то время были и другие хорошие художники, но Ее Величеством Судьбой были избраны четверо... Вы навсегда остались вместе, даже когда жизнь развела в разные стороны. Первым ушел Володя Иванов. Он ушел навсегда – осталась его жена Тоня. Чуть раньше уехал в Америку Вагрич Бахчанян. Ты попросишь разыскать его, когда я окажусь в Америке, – и я разыскала. Уже в первую же неделю моего пребывания в Нью-Йорке мне назвали номер его телефона и предупредили: он нелюдим, разговаривать со мной не будет. Я набрала номер. Женский голос автоответчика на английском языке... Как же говорить: по-английски или можно по-русски? Я заговорила, я сказала: Вагрича Бахчаняна разыскивает Виталий Песков... Больше ничего сказать не успела, меня прервал взволнованный голос: «Да! Я слушаю!!!». Умница и остролос Вагрич, оказалось совсем не нелюдим просто он, как и ты, терпеть не может дружбу и невежество – то, чем так гордятся наши полуамериканизировавшиеся соотечественники, в большом количестве населившие сегодня Новый Свет. Половина русской Америки повторяет его шутки, и для него это куда важней и интересней, чем завоевание и отработка «американских ценностей», не его это дело.

Ах, ваше «литгазетовское» братство! Илья Петрович Суслов, сам талантливый человек, вместе с Веселовским собрал таланты чуть не со всей страны. Это было единственное место, где ты чувствовал себя «равноправным» – там не завидовали, там все были талантливы, каждый по-своему. Это особый мир, со своими законами. Там разрешалось то, что немислимо

было в другом месте. И ты оставался верен ему до конца своих дней. Хотя из штата ты давно ушел. Сначала – в мультипликацию, в созданный телеотдел «Экран».

Не все, что приходилось делать в мультипликации, делать хотелось. Были определенные правила игры: сначала нужно было сотворить «паровоз», за который уже дозволялось цеплять что-то по-настоящему интересное.

Помнится, подобным твоим «паровозом» был мультфильм «Дима отправляется в путешествие», – кажется, таково мудреное название. Премьеру дали аж в Даме кино, но ты сам посмеивался... Уж таковы были реалии жизни.

Перед премьерой мы, как водится, поссорились «на всю оставшуюся жизнь», поэтому привести меня в Дом кино ты попросил Марину, что она и исполнила:

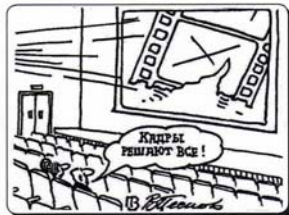
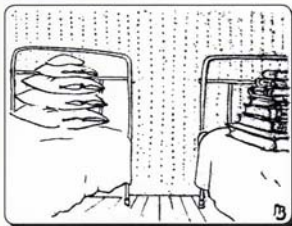
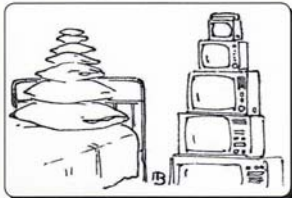
– Песок нас с тобой приглашает.

Ты не любил, когда тебя так называли – Песок. Есть в этом прозвище что-то похожее на попытку принизить, коли не получилось дотянуться до тебя, а быть на равных хочется. Но не объяснять же всем, чтобы так не говорили; пробовал сказать, но кто будет слушать.

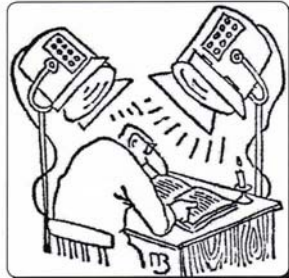
На премьеру я пришла в чем-то легком и воздушном, потому что хотела выглядеть легкой и воздушной. В результате замерзла и весь вечер просидела в твоем пиджаке. В итоге то, что сейчас называется презентацией, а тогда просто «посидеть-отметить», прошло в хорошем бодром темпе.

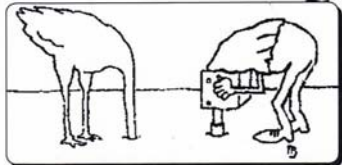
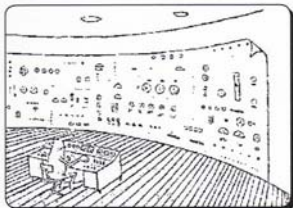

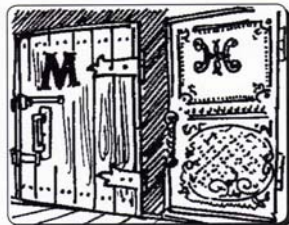
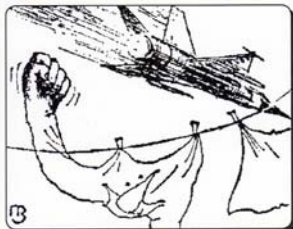
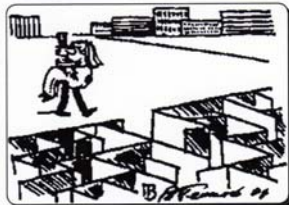
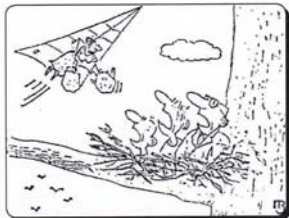
отдельно – вполне начитанный, претендующий на интеллигентность индивидуум, а вместе превращаются в улюлюкающую толпу, орду. Говорили: «Выпендривается. Нескромнен!». Бог мой, это ты – нескромнен?! Если бы знали они, какова эта ноша, близость к Богу! Но этого они знать не желали! А ну их всех куда подальше, действительно! Индивидуальная работа на «вольных хлебах» тебе, безусловно, оказалась куда больше по нутру. Хотя на самом деле уходить из мультипликации тебе не хотелось – столько было идей... Часть из них в какой-то мере воплотилась в карикатуре... Но далеко не все.

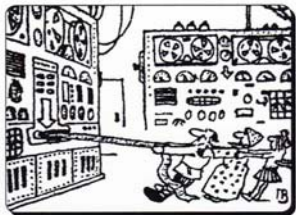

Когда кто-то из твоего телевизионного начальства вскользь сказал, что Пескову можно то, чего не разрешается другим, этих слов, естественно, не простили, и при новом руководстве демократия победила, а ты, чертыхнувшись, вообще ушел из «Экрана». С мультипликацией было покончено. Зато было покончено и с «трудовыми коллективами» завистников. Ведь в самом деле несправедливо: одному Бог нес – не донес, а другому – за четверых перепадает. Человечество равно только в своей бездарности. Это была травля – обычная мерзкая, гнусная травля, она и не бывает иной. Когда каждый

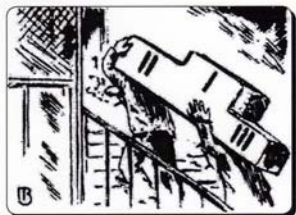

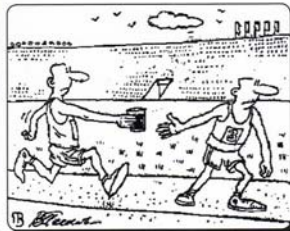
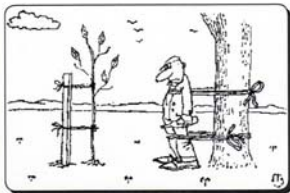
Последний раз я забирала твою трудовую книжку из редакции «Труда», где она томилась в ожидании моего очередного приезда из Нью-Йорка в Москву. Засидно на Горького подобрала свою школьную подружку поэтессу Леночку Григорьеву, хоть увиделись. Так вместе и пошли в редакцию.

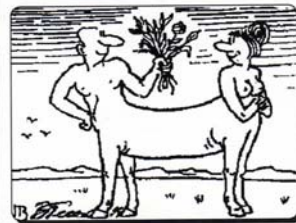
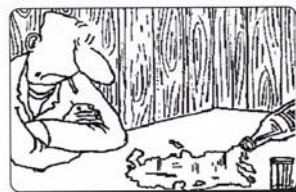
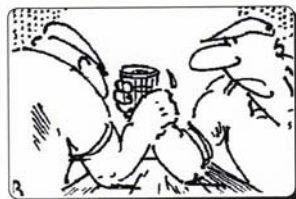

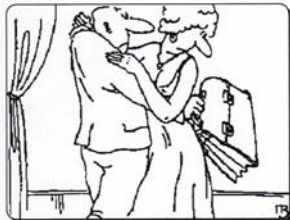
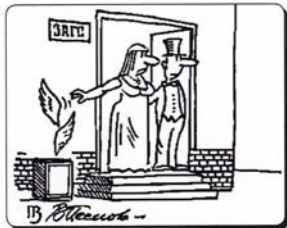
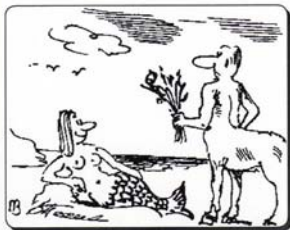
— Распишитесь его подписью, — шепнула кадровичка. — Вы же знаете его подпись, не первый раз...

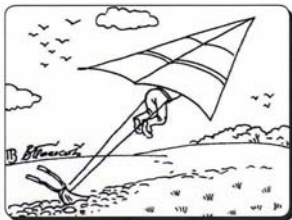
Но это было потом, совсем потом, через много лет... А пока шумели и шутили веселые, дикие годы конца 70-х — начала 80-х.

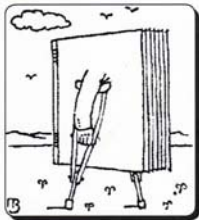
«Оступился – и сухой треск» – делился ты собственными впечатлениями по поводу перелома ноги. А возвращался, между прочим, от любовницы. Помню, как в Доме кино ты ковылял на костылях, а я за тобой следом тащила сумку – выдали новогодний продуктовый заказ-пакет, и тебе было неудобно: уж больно не по-мужски выглядело, что я тащу сумку.

Но приспособиться держать одновременно и костыли, и сумку так и не смог. Я шла следом за тобой и подхихкивала – не зло, конечно, а так

вать – только расстраиваться. Бывало, что твои гулянки переходили все границы, ты плохо себя чувствовал, а я, несмотря на то, что вообще-то девочка тихая, время от времени ворчала: не хочу переходить из невест сразу во вдовы.

– Как это – не хочешь? А придется... Ну, не сейчас, пока еще поживем... – успокаивал ты.

И потом опять приходил – с таким виноватым взглядом где-то наверху, на высоте твоего роста, такой смущенный, такой талантливый, заканчивающийся где-то там, у Бога... Ну что ж я буду попрекать тебя...

– от глупости, от веселья, от того, что мне было хорошо и беззаботно рядом с тобой... Ты оформлял ресторан к празднованию Нового года. И тебя, в силу твоей абсолютной непригодности для городского транспорта, подвозил и увозил на машине твой друг Андрей Меньшиков. Про твои (и до перелома ноги, и после) пьянки и гулянки с ним легенды ходили по всей Москве. Ходили-ходили и доходили до меня. И не только до меня. Понарассказывалось многое. Но ты требовал, чтобы я никого не слушала, кроме тебя, и я, надо сказать, с удовольствием это выполняла: ну что мне, действительно, выслуши-

Веселые, разухабистые годы конца семидесятых... Мы гуляли по парку ВДНХ большой компанией, и я безбоязненно пропускала занятия в институте. По дороге встречали еще знакомых и еще. В конце концов какой-то огромной толпой бродили по аллеям между павильонами, останавливаясь у кафе-териев и киосков с пивом и лимонадом. Все пили пиво, а я пиво не люблю, и мне ты, под общий смех, покупал стаканчик детского напитка – «Буратино», «Колокольчик» или «Саяны»...

...Мы сидим на скамеечке в парке ВДНХ, оторвавшись от остальной компании, и весело смеемся. Разговор идет о выгодах нашего брака. Ну, я-то – понятно, получу в качестве мужа известного талантливого художника, а зачем тебе вся эта петрушка нужна?

– А, вот! – вспомнил ты. – Я еще прост в обращении, в еде неприхотлив. Ем все, кроме молочного киселя. Киселем меня перекормили в Суворовском училище.

– Так это же опять моя выгода.

Снова задумываемся.

– Квартира есть на Арбате, – робко высказываю я предположение. – Но с родителями. Правда, с другой стороны, хоть покормят.

– Вот! – обрадовался ты. – А говоришь, какая выгода!

– И дача в Переделкине. Но там тоже родственники. И вообще это все не мое.

– Но там покормят?

– Покормят.

О моих кулинарных способностях ты всегда был определенного мнения, но на самом деле просто привычно ворчал. Не виновата же я, что, пока мы играем в «скрэбл», все подгорает и переваривается!

– Да с такими родственниками, которые покормят, ты богатая невеста, тебе бы какого-нибудь знаменитого...

– Так я за такого и выхожу, за знаменитого. Я же такого мужика нашла!..

Ты иронично кривешь губы и вздыхаешь, и в твоей улыбке читается столько всего: и моя наивность, граничащая с полной дуростью, и понимание того, сколько всего предстоит мне вынести, вытерпеть...

– На что я тебя обрекаю... Ведь сожрут... Ван уж и стая приближается, – смеешься ты. И ободряюще: – Но со мной ничего не бойся!

К нам подходит остальная компания, и разговор обрывается, переключаясь на что-то иное – такое же смешное, веселое, шумное, как все, что бывает только в молодости.

Странное это было время, вроде все работали – не работать было нельзя, это каралось Уголовным кодексом, но в рабочее время весь советский народ, как правило, стоял в очередях, пил, гулял.

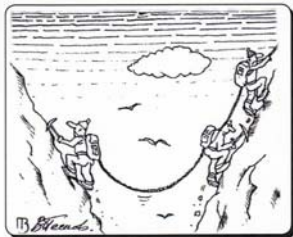
У тебя была картинка того периода: парень и девушка танцуют на вечеринке, и парень спрашивает: «Что вы делаете завтра на работе?» Не «после работы», а именно «на работе!» Эта картинка была опубликована в «Литгазете». Вот она: «ЛП» за 23 января 1980, № 4.

Помню, я, как приличная невеста, стала вырезать твои рисунки, но ты сказал, чтоб я не занималась ерундой, потому что все важное у тебя есть. Когда через много лет я разобрала коробку со старыми рисунками, этого так и не обнаружила... Да и еще нескольких, которые помнила, тоже не нашла.

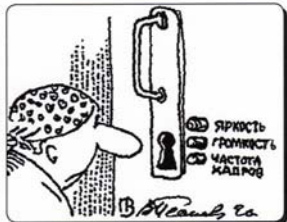
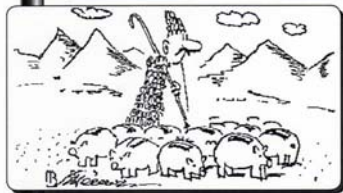
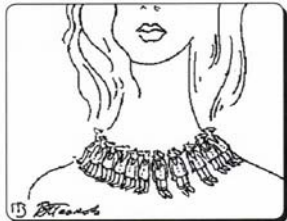
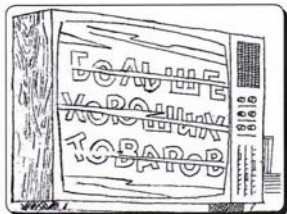
— Что-то такое было, — вспоминал ты. — Где-то есть. Но это ерунда, — тут же подытоживал ты.

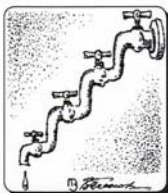
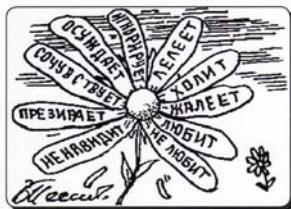
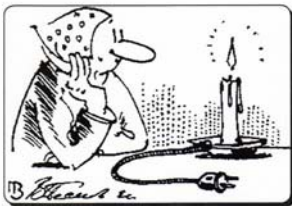
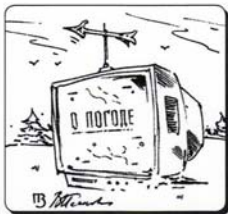
Самые важные свои рисунки ты не терял никогда. Сколько раз, уводя из гостей, я пыталась собрать и забрать твои рисунки, разбросанные на столе среди тарелок и бутылок. Ты останавливал: оставь. Знал: их соберут и заберут другие — ты словно спешил поделиться

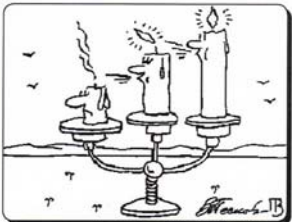
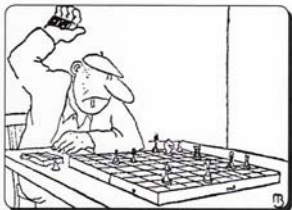
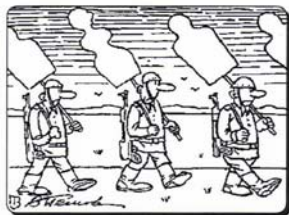

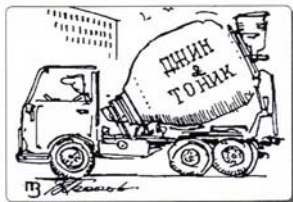
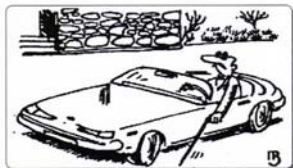
ся со всеми переполнявшим тебя, бурлящим даром Божиим. А они не понимали, насмешливо пожимая плечами: разбрасывается, не бережет!

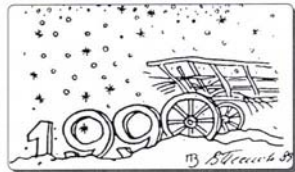

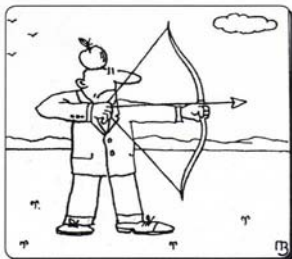

Както по дороге – куда-то мы направлялись – говорю, что мне понравилась одна карикатура, опубликованная недавно в «Литгазете», – какого-то другого автора, абсолютно теперь не помню, какого, да и вообще, чем именно она меня прельстила. Но вместо хвалбы: вот ведь какая у тебя невеста – интересуюсь прессой, общественной жизнью, не замыкаюсь на личном, – услышала холодный чеканный тон: я должна знать одного художника, тем более среди карикатуристов, никаких других для меня существовать не должно. Урок пошел на пальцу – больше подобных оплошностей не происходило. Меня поставили на место, зато место это – о, как высоко! Но если кем-то по наивности задавался вопрос о моем мнении о каком-либо художнике, – естественно, кроме одного, – я всегда уходила от ответа под одобрителный твой взгляд, а ты тут же сам вступал в разговор, заслоняя меня. В общем, к моему семейному статусу меня готовили основательно. Я тоже подходила к вопросу серьезно: записывала в

блжотник различные кулинарные рецепты, что попроще. Блжотник подарила мне родственница, она же и написала туда первый рецепт, крупно надписав его название: «Кура». Речь там шла о каких-то специфических соусах, в которых надо было выдерживать несчастное пернатое. Увидев эту «куру», ты долго хохотал, а потом сказал, чтоб я этого блюда не готовила – слишком сложно для меня: «Ты все перепутаешь и всех перетравишь».

В результате меня стало занимать, как вообще должна вести себя жена гения и что ее ожидает. Я поняла только то, что на первых – и даже на вторых – ролях мне не бывать никогда. Перебираю известные примеры. Гала Дали – в просторечье Елена Дьяконова... Как выглядела Констанция Моцарта, узнать мне не удалось, ее портретов я не нашла. Зато портрет Натали Гончаровой, одаривающей всех юных дев комплексом неполноценности, начатчан чуть ли не во всех томах сочинений Пушкина. Про Натали – известное дело – ничего хорошего в народе не говорят, и главное ее преступление – «профессиональная непригодность» по части русской словесности. А то, что это была любимая женщина самого почитаемого на Руси человека и только потому достойна особого уважения, – об этом ничего найти не удалось. Даже в школе изучают перечень ее грехов и совершенно неправильных поступков. Ощущение такое, что великий поэт, весьма, между прочим, разборчивый в данном вопросе, выбрал какого-то монстра, только он про нее сказал: «чистойшей прелести чстейший идеал»... Все остальные знали про нее нечто такое, чего он – самый близкий человек – явно не предполагал. Оклеветанная, оговоренная вчерашними подружками по балам и журфиксам, а позавчерашними – любовницами собственного мужа, потеряв единственного защитника, да еще такого великого, да еще такого любящего, она осталась одна со своим горем, потеряв и другого близкого человека – старшую сестру, вынужденную выйти замуж за убийцу: по критериям того времени и того общества, так было положено – мода на одиноких матерей еще не подоспела. Только один деспот русский царь оказал помощь – оплатил все долги. А не то услали бы Наталью Николаевну в долговую яму – то-то радость была б в свете! Такова на Руси

расплата – быть любимой женщиной российского гения. В общем, я поняла для себя одно – ничего хорошего меня не ожидает.

Еще Марина Влади... Ей придется немало проглотить обид... А она будет только беспомощно оглядываться и спрашивать на не родном для нее языке, растягивая слова: «За что?». Наверное, неуважение – это такая наша национальная черта.

Близкий друг Владимира Высоцкого и хороший товарищ моего отца сценарист Артур Макаров рассказал, что Марина попросила приготовить ей место возле могилы мужа, но крупные сановники (казалось бы, причем тут они – самые близкие люди и после жизни должны оставаться вместе) отказали ей. Просто, чтобы показать, какие они главные. Через несколько лет они – или такие же, все равно безымянные – присвоили Высоцкому посмертно звание (звание в советские времена обозначало повышение зарплат), – наверное, чтобы смешнее было. И чтобы показать, что могут все.

С Владимиром Высоцким ты давно хотел познакомиться. Даже не так – вы оба очень хотели познакомиться друг с другом. И возможностей было полно, и общих знакомых – сколько угодно. Однажды какие-то родительские приятели попросили мою маму – она работала врачом в больнице – организовать одиночную палату для Высоцкого, Марина Влади должна уезжать и боялась, что он сорвется. Она сама привезла его и тут же уехала в аэропорт. Посмотреть на звездную пару выпал, естественно, весь персонал больницы. Вердикт наших нянечек и сестер оказался неожиданным: до чего же несчастная баба – и этого страшно оставлять одного, и во Франции дети без матери, и за всех душа болит! Владимир Семенович пробыл тогда в больнице около месяца.

Ну, не иди же знакомиться в больницу! Успеет!

Почему-то не получилось, не успели. Уж, казалось бы, давно пора понять, что надо торопиться со всеми делами, а все кажется – жизнь долгая и столько времени впереди...

Мы стояли в июльскую жару 80-го года в толпе на Таганке. Встретили много общих знакомых, несколько раз теряли друг друга, несколько раз находили в этой толчее, при-

шедшей проститься с великим поэтом. Неожиданно появились отряды конной милиции. Что за умник придумал их вызвать, так и осталось тайной. Москвичи, не очень хорошо зновшие правила коневодства, бросились гладить лошадок. Наездник в милицмейской форме – трудно представить себе что-то более нелепое – в ужасе орал: «Остойдите от лошади!». Ты объяснил: ни в коем случае не подходить к лошади сзади – прибьет копытом. Да и вообще лошади могут испугаться таппы и понести. Откуда ты, всю жизнь проживший в Москве, так хорошо все это знал, – я уже не удивлялась. Я давно поняла одно: я должна тебя слушаться – тогда все будет в порядке. У тебя феноменальный ангел-хранитель, он тебя и ведет по жизни. Собственно, ты мне это и сам объяснял не раз.

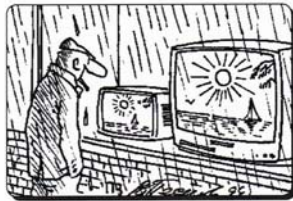
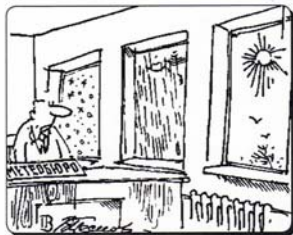
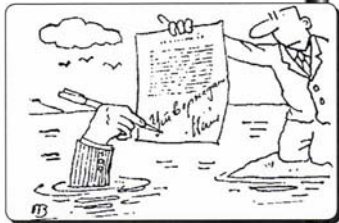
Стоя голубей, вдруг взлетевшая, когда из дверей театра вынесли гроб... В этом было что-то символичное. Кажется, не было поэта, не посвятившего хотя бы строчки этому странному совпадению, да и совпадению ли?

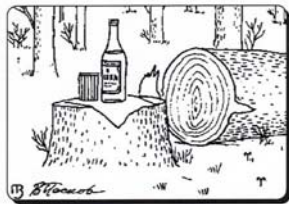
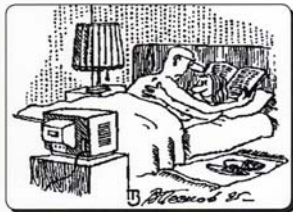
«Я пойду с ребятами помянуть, – ты отвел меня в сторонку и отдал кошелек и большой желтый пакет, на дне которого бультыхалась маленькая книжонка. – Завтра подъеду к тебе...»

По уровню дарования – дара Божьего – многие сравнивали вас, Высоцкого и тебя. Однажды я разговоривала с одним актером из «Таганки» и задала вопрос про Высоцкого. Красивое одухотворенное артистическое лицо тут же окрасилось гримасой презрения:

– Ну при чем тут Высоцкий?! Почему все спрашивают про Высоцкого? Да кто он такой? Обычный актер, без званий!..

Ты тоже «обычный художник, без званий». Звание у тебя так и осталось одно – гениальный художник-карикатурист. Уже в постперестроечное время мы смотрели передачу памяти Высоцкого. Кто-то рассказывал, как товарищи по сцене недолюбливали его, даже ненавидели. Вернее, нет. Ненависть – это открытое чувство. А то была улыбка ржавая зависть, усмешка. Я подняла на тебя глаза, и ты ответил молчаливым кивком, чуть скривив губы. Как все похоже! Как трудно, как нелегко трудно быть лучшим, быть единственным! Посредственность собирается в группы, чтобы вместе, поддерживая друг друга, ненавидеть. Талант всегда одинок.

– Видела мою картинку в «Литгазете»?
– спросил ты еще у двери – забежал прямо из редакции.

– Видела, видела.
– Всё, закрыл тему!

Но я лишь скептически пожала плечами – тема легаса вечна...

...Со всеми твоими житейскими проблемами ты потерял комнату в коммуналке, причем вместе с московской пропиской, и несколько лет прописаться не мог даже к маме, где ты на самом деле жил, пока не вмешался добрый человек – участковый милиционер. Он-то и водил тебя буквально за ручку по всем жэкам и паспортным столам, чтобы прописаться к маме, в малюсенькую однокомнатную квартирку в Новых Черемушках, и растерянно разводил руками: если даже такие люди в этой стране ничего не могут!..

Эта квартирка через много лет станет и моим домом. Именно сюда буду я возвращаться из Америки. Буду прислоняться к дверному косяку, вдыхая особенный, ставший родным запах. И ты, внося чемодан, наполовину забытый чужими вещами – неписанный закон соотечественников за рубежом прихватывать с собой okazji, – понимающе улыбеешься:

– Дома?

Чувство дома можно осознать, только оказавшись вдалеке от него.

Того милиционера ты часто будешь вспоминать в последние месяцы жизни: тот, чужой человек, помог тебе, а сколько, казалось бы, близких, восхищающихся тобой, не пришли помочь – хотя бы сходить за продуктами. Ты

оставался один. Лишь взшедший во весь экран рыбий глаз телевизора – бразильско-мексиканские страсти попеременно с национально-патристическими окровавленными трупами, да книги, да сканворды, которые я буду присылать тебе из Америки из русских газет, чтоб хоть чем-то занять в этом одиночестве, – вот и все, что будет у тебя в твои последние месяцы, пока ты будешь ждать моего возвращения. Выпалили дни, когда не с кем было даже словом обмолвиться, – это с твоим-то остроумием! Только редактор «Литгазеты» будет привозить продукты и лекарства – чтобы тебе не выходить. Я – далеко. Надя перестала приезжать – врачи посоветовали нам собирать деньги на операцию, а не тратить на модные альтернативные препараты, платить ей нам стало тяжело; машина так и оставалась у нее, пусть – решил ты. У Пети свои дела, да он почти не знает тебя – твой сын познакомился с тобой уже взрослым, на 23-м году жизни, даже женатым; я к этому времени уже буду в Америке, и мы с ним сначала будем переписываться по Интернету, а уж потом познакомимся. Я горюливо буду объяснять, что не надо сравнивать меня с мамой, мама – это другое, ее никто не заменит. А мы – просто одна семья. И он ответит сразу, в тот же день, что все понимаем и очень счастливы, что обрел еще одну родную семью – семью отца.

Однажды, как-то году в 1992-93, я вошла вечером на кухню в квартире в Черемушках, ты сидел в комнате перед монотонно журчащим телевизором. Раздался телефонный звонок, ты снял трубку. А через несколько минут до меня долетел твой телефонный ор:

– Какая жена, мою жену зовут Ира!

Выяснилось, что мама Пети, открыв свой издательский бизнес, потерпела убытки, а теперь ходила по различным инстанциям в поисках спонсоров. В качестве документа брала с собой свидетельство о браке: вот кто у меня муж! Свидетельство о разводе не показывала.

– Да не неравной ты, – пробовала успокоить я. – Любой суд определит, что вы не имеете отношения друг к другу – общего хозяйства не ведете, живете давно не вместе... Ясно, что глупость и наглость...

Но именно примитивную наглость и подлость ты ненавидел до отчаяния. Опять пошел

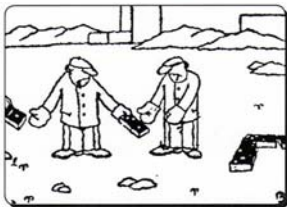
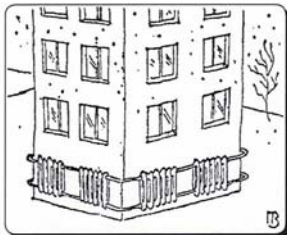

в ход зеленый змей, заботливо упрятанный.

— Не трогай, мне так надо... Ложись спать, уже поздно... Я все равно сейчас не засну... Еще судиться мне с ними не хватало... Понаделал Песковых, к которым отношения не имею...

С Петей ты познакомишься только через несколько лет.

Внука, родившегося почти за полгода до твоего ухода, ты так и не увидишь, хотя он получит имя, выбранное тобой, — Димка. Твоего отца звали Виктор Дмитриевич, и ты хотел, чтобы эти имена сохранились в семье. Поскольку Виктор в семье есть — мой сын, внук стал Дмитрием. Ведь молился по именам. Димку я увяжу уже без тебя. Петюша настоит, привезет меня, чтобы я увидела родного маленького человечка, несущего в себе часть тебя. О его рождении Петя меня оповестит по Интернету, дав полный родственный отчет — вес, рост. Вот так, ты стал дедом. А я тогда кто? Я же не совсем бабушка, а на-

половину. Значит, полубабушка, а Димка мне полувнук.

Бог мой! Разве думали мы о том, как сложится наша жизнь, тогда, на стыке 70-х и 80-х! У вас в «Литгазете» была такая рубрика — «Что бы это значило?». Публиковалась какая-то несурзная фотография, а читателям предлагалось придумать остроумные подписи к ней. Читатели охотно включались в игру, и рубрика пользовалась огромным успехом. И тогда в народе появился анекдот про эту рубрику. Анекдот такой. Фотография — пара занимает

ся сексом на Красной площади. Один читатель прислал огромное количество остроумных подписей. У него спросили: «Как вы придумали столько смешных подписей?», на что тот честно ответил: «Беру любую советскую газету, и все заглавия всех статей годятся на эту подпись». Анекдот по тому времени был очень смешной. Надо еще добавить, что слово «секс» было чуть ли не запрещенным, что придавало определенной смелости в интерпретации «фиги в кармане». Мы уткнулись этим анекдотом, и какую бы газету ни брали — тут же начинали

жутко хохотать: действительно, подходили все заголовки всех статей.

Москва пестрела плакатами об угрозе превращения ее в коммунистический город, но что это такое, никто не знал и поэтому не боялся. К тому же был обозначен срок – к 2000 году! Но это так не скоро, когда он еще будет!

Очереди в магазинах казались бесконечными. За чем стояли, трудно даже сказать: в стране был дефицит всего – от хлеба до одежды. Фабрика «Мосшвейя» выдавала товар на-гора – по моде, утвержденной десятилетия назад.

Одежду, как правило, покупали импортную – у специальных «спекулянтов».

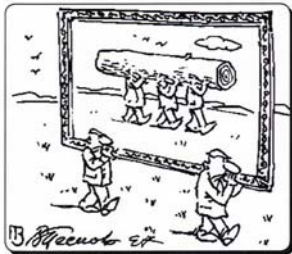

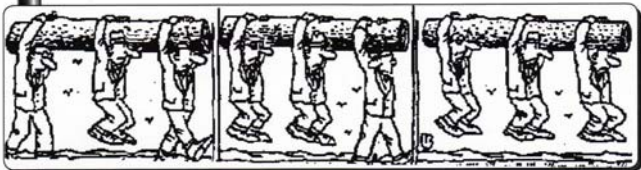
Книги издавались одной направленности: классиков марксизма-ленинизма и советских реалистов, появился даже литературный термин «социалистический реализм» – незатейливое восхваление советской жизни и коммунистической партии. То, что эти книги были никому не интересны, никто их не читал, не имело никакого значения.

И нетрезвая страна пела веселые и торжественные песни о Родине, дружно ездил на овощные базы перебирать и раскладывать в пакеты гнилой картофель и выходила на субботники – ежегодный трудовой подвиг с целью большого спайвания коллектива.

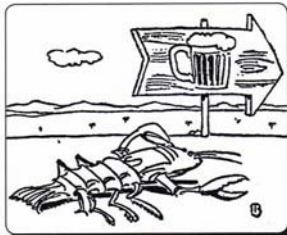
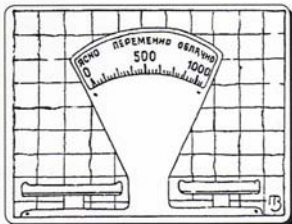
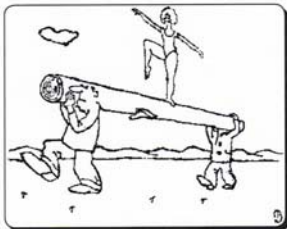

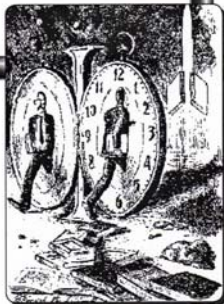
А по ночам читали взятые у знакомых томики Солженицына, Оруэлла, Набокова, «Доктора Живаго» Пастернака... Мы просто жили, просто знали, что когда-нибудь все-таки поженмся. Весь вопрос только в жилье – о покупке квартиры в то время и думать было нельзя, квартиры тогда не были личной собственностью и выдавались за особые заслуги перед партией и правительством. Лакействовать, уподобляться бездарности и необразованности – о, это не твоя сфера! А жить в квартире,

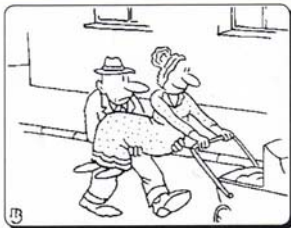
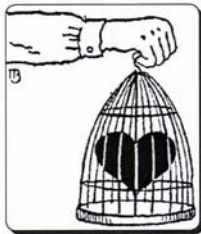
где хозяин не ты, это попеременно ощущать себя то Муму, то Герасимом. И потому пока гулялось, пилось, смеялось... Да разве молодость думает о старости и болезнях? Нет, конечно, и неприятности, и болезни – все это появлялось. Но ты не хотел об этом говорить – ты всегда боялся меня волновать, ты всегда все брал на себя, освобождая меня от любых передраг и просто неудобств. А когда я, разозлившись, понаделаю очередных глупостей, решишь потом, что сам виноват: не сказал, что ложишься в больницу – не хотел волновать.

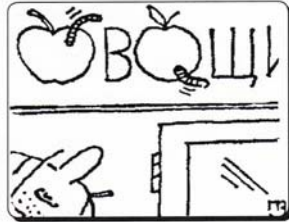
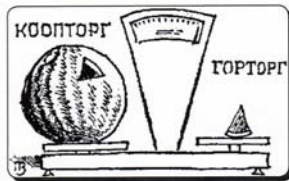
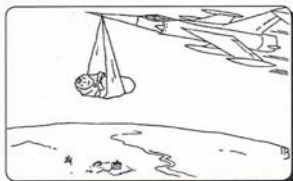
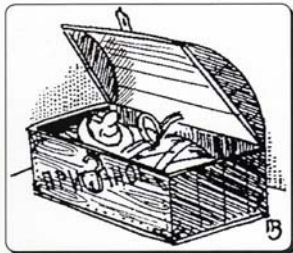
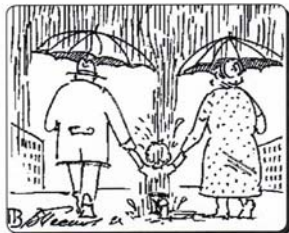

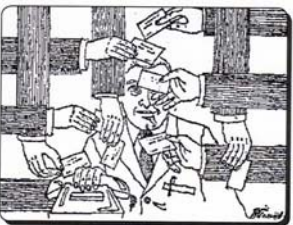
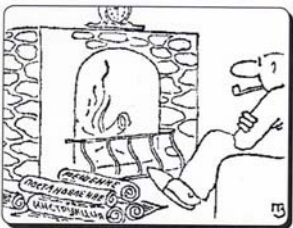
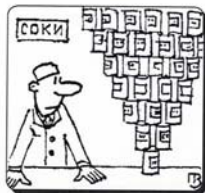
...Мы гуляли по Арбату, как раньше. Только теперь по Арбату не ездит троллейбус 39, не ездят машины. Теперь тут полным-полно худож-

ников, обосновавших свое сообщество. Гуляем долго, вечер теплый. Не помню, осень это была или весна. Вышли на улицу, когда по Арбату

ходила толпа, на перекрестках пели, читали стихи, потом постепенно все стихало – поэты и их почитатели расходились, разъезжались по своим районам, художники убирали мольберты. Оставалось уже немного людей. Шумная, гудящая пешеходная улица постепенно затихала, гул голосов приглушался, но пустым Арбат не становился никогда – даже ночью тут шла своя жизнь. Многие художники тебя знали, то и дело останавливали нас, показывали свои работы, спрашивали твое мнение... Так мы и ходили с тобой, держась за руки...

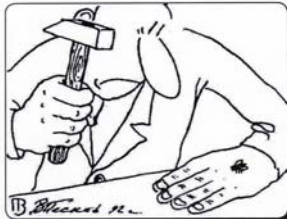
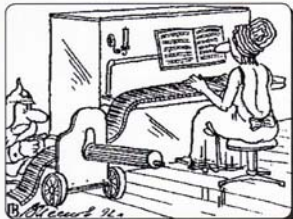
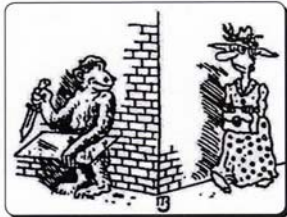
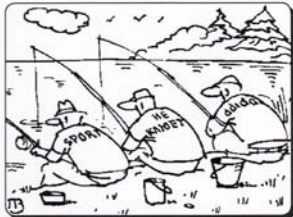

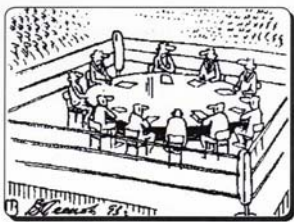
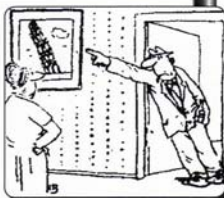
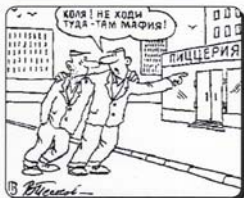

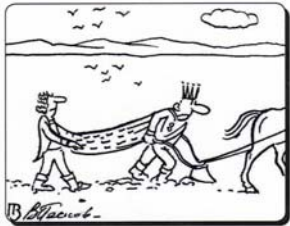
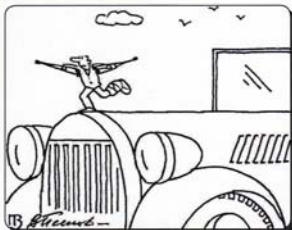
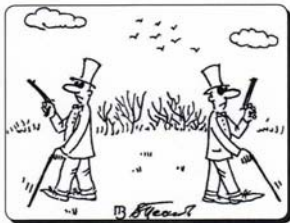
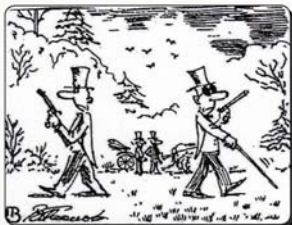
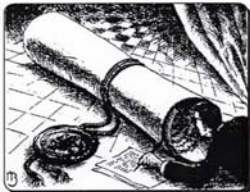
В ночном магазинчике как-то после твоего большого гонорара купили шампанское и жвачку для Витюшки. А дома пили шампанское, смеялись, и я, как всегда, подкладывала тебе не кусочек повкуснее, а пачку бумаги и ручку...

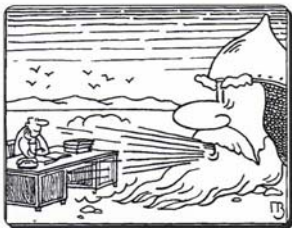
— Родители еще не спят? Пригласи их...

А утром ты торопишься — быстрее домой, к маме: она после инсульта почти не встает.

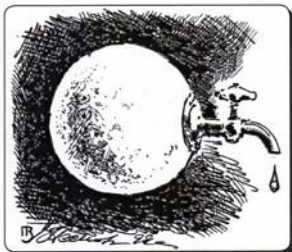

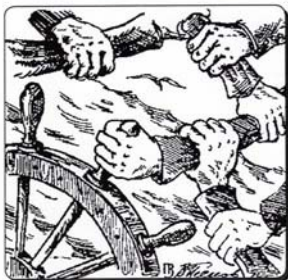
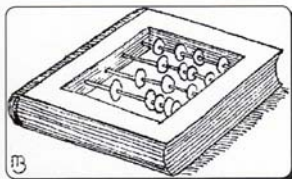

С Перестройкой на экраны телевидения вернулась когда-то всеми любимая передача КВН – «Клуб веселых и находчивых», где команды соревновались в юморе. И тебя опять, как давно когда-то, пригласили в жюри. Жизнь в стране возрождалась. Но в одной из передач все самые острые шутки победившей команды одесситов вырезали. На экраны к миллионным телезрителям вышла весьма пресная, серая игра. За что присудили победу – неясно. Несколько членов жюри решили больше не принимать участие в программе. Ты был, конечно, среди них – не прельстившись ни легкой славой, ни обещанными богатствами.

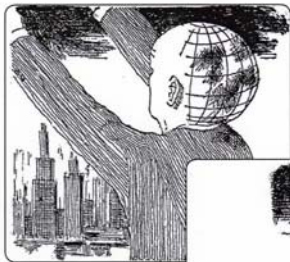
Страна же тем временем жила своей напряженной жизнью. С Перестройкой и Горбачевым появилась какая-то радостная уверенность, что теперь все будет хорошо и правильно – и в стране, и в жизни каждого из нас. Что значит «хорошо», каждый представлял себе по-своему, а точнее – никак. Но все были довольны.

Только постепенно романтический пафос стал заметно блекнуть на глазах.

Со всеобщим счастьем как-то опять не получалось: цены росли, кто-то не желал поступаться принципами, кто-то, напротив, желал, кто-то организовывал путч, политическая и экономическая образованность народа росла день ото дня, все учили

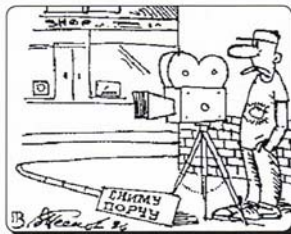
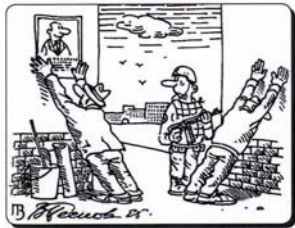

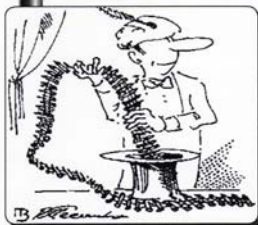
да и как-то неожиданно выяснилось, что за рубежом, тем более в Америке, живут нормальные люди, а не сплошь враги человечества и прогресса. И оказывается, это не самый тяжкий грех – иметь родственников и друзей за границей.

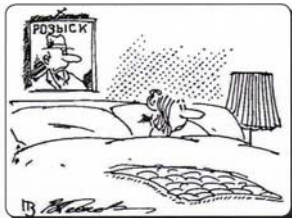
А уж что касается районов, некогда пострадавших от гитлеровской оккупации, то и там

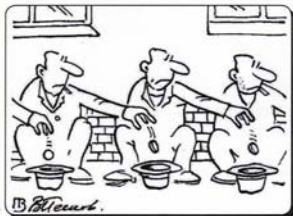
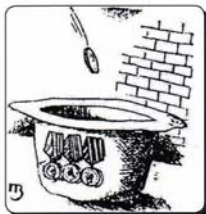
не сплошь жили все это время враги и предатели, – во всяком случае, их можно принимать на работу, вреда они не нанесут – ну кто бы мог подумать; жаль, что они к этому моменту в основном уже перемерли – кто от болезней, кто в лагерях.

правительство, как надо работать и какие именно реформы проводить, все всех разоблачали, вывели на чистую воду, книги писателей начали издавать не только за рубежом, но и на родине,

Свободу каждый понимает по-своему.

Однажды тебе позвонили из одного нового журнала, не помню, из какого города, не из Москвы, предложили сотрудничать. Ты спросил: какие темы, что именно их заинтересовало бы? Ответ был потрясающий. Оказывается, тебя пригласили к сотрудничеству не за талант карикатуриста, а за... русскую фамилию. Кругом столько жидовни и армяшек! — объяснили тебе. Этим открытием ты был искренне удивлен — все-таки привык людей оценивать по иным качествам. Но какой-то «добрый человек» сообщил этим милым ребятам-черносотенцам, что ты — ярый антисемит, и они решили тебя пригласить в свою компанию. Кто, как, откуда это взял — история, как водится, замалчивает. Все твои шуточки! Сколько раз говорила: до твоих шуток дорости надо, не все поймут! А может, кто-то просто болтал...

Конечно, женясь на еврейке, нельзя уж совсем не быть антисемитом. Но это специфический антисемитизм, по отношению только к одной еврейке — и только в особых случаях. Причем национальность в данном случае даже

Памяти художника Виталия Пескова

не упоминалась. Но я все равно цедила: «антисемит» — чем еще объяснить недовольство незапланированными тратами или незначай засорившей мойкой?

Помню, мы сидели в гостях у одного писателя-юмориста, и вы оба хохотали, вспоминая, как на творческой встрече, проходившей однажды в Переделкине, ты оказался единственным русским и как все тебя с тобой поздравляли! Смеху и выпито по этому поводу было, естественно, немало!

— Представляешь, мне еще только с черносотенцами не хватало иметь дело! — ужасался ты и сам же смеялся нелепости ситуации. — Страна, которая победила фашизм, принимает четко ту же политику! И прокуратура молчит, более того: позволяет выпускать такой журнал! Это значит — кто-то будет читать! Кому-то на мозги будут капать! Ну, страна! Она же создана для меня — тут же темы на каждом углу!

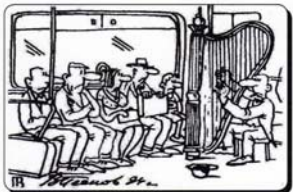

ся, узнав: до чего дошел прогресс! Впрочем, нет – удивляются не очень. Наших людей уже ничем не удивишь. А покупать – все равно у большинства населения денег нет. Обицавшие учреждения зарплату выдают не каждый месяц, многие вообще закрываются, а те, что могут, – срочно перестраиваются на выпуск иных товаров.

На каждом углу, действительно, тем полно – именно на каждом углу открываются ларьки, в которых продается все: от ананасов и детских сандаликов до презервативов и даже искусственных мужских органов. Прохожие, тогда еще не избалованные подобными зрелищами, с интересом рассматривают новые товары, прицениваются, узнают, что это, собственно говоря, такое выставлено, и очень удивляют-

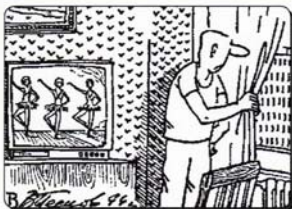
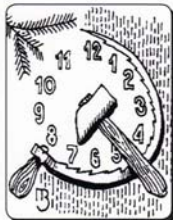
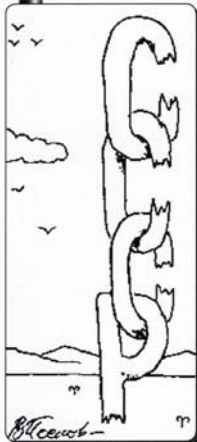

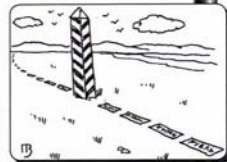
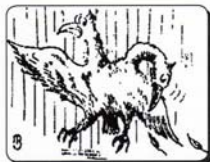
Возле станций метро, рядом с собирающимися в стаи бездомными собаками – хозяевам самим нечего есть, вот и выгнали породистых некогда дорогих друзей человека (человечество давно поняло, как поступать с теми друзьями, которые больше не нужны) – просят милостыню такие же бездомные и никому не нужные дети (бывшие ответственные квартиросъемщики превратились в полноправных хозяев приватизированных квартир и выгнали опостылевших родственников с детьми), создаются стихийные самодельные рынки, на которых по дешевке продают собственную одежду и семейные реликвии – лишь бы получить деньги на еду и лекарства. В аптеках рецепты не обеспечиваются – открываются специальные коммерческие отделы, где продают жизненно необходимые для больных лекарства. Чтобы купить упаковку на пару недель, надо заплатить пару месячных пенсий. В магазины теперь заходят, как в музей, – посмотреть, себя показать. Купить нечего. Или вообще нет ни-

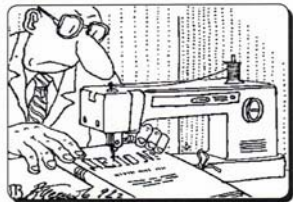
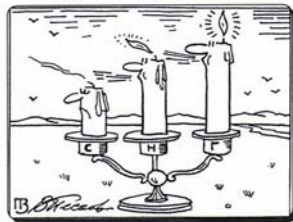
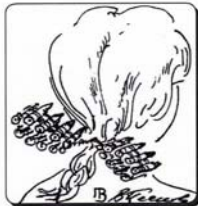
каких товаров, только пустые полки; или такие цены, что только и остается издали смотреть. Озверевшие от нищеты, обманувшиеся в реформах люди готовы на все, лишь бы поесть, не умереть от голода и холода, не переломать руки-ноги в темноте незажигаемых фонарей... А из Афгана тем временем возвращаются изуродованные, давно потерявшие понимание разницы между понятиями жизнь и смерть, никому не нужные мальчишки, со своими правилами выживания: или ты – или тебя.

Как-то ты получил гонорар мелкими купюрами, а как раз на следующий день очередной глава финансового ведомства Павлов (очень удачно сравниваемый с закромами родины) объявляет о недействительности 100- и 50-рублевков. Люди возмущаются, но привычно безропотно: так, себе под нос: вот заработали деньги, которые государство неожиданно объявляет недействительными, все всегда у нас так! Но нам с твоими мелкими деньгами и менять-то нечего – несколько моих «бумажек». Когда я приехала в свой кооператив менять разрешенную сумму, мне даже подсунули чужие деньги – кого-то оштрафовать. Все-таки потрясающий у тебя англехронитель – работает парень не покладая рук!

Правительство честно сказала: спاسяйся кто как может! – и рьяно занялась собственным спасением.

И вот во всей этой суматохе, когда страна фактически катится ко дну, американская фирма приглашает тебя на работу в США – по контракту. Там у нас появится, наконец-то, свое нормальное жилье. Но, честно говоря, я не знаю, что сказать. Ты же не бросишь умирающую маму. Есть, правда, твоя сестра Люба... Но ты сам не уедешь. Взять маму с собой? Ты только отрицательно мотаешь головой – она не перенесет перелет, ведь практически не встает. Как тут быть? Конечно, контракт с американской фирмой – дело заманчивое.

– Ума не приложу, что же делать! – говорил ты и смотрел на меня. Ну что могла я сказать?! Поедем за большими деньгами, а твою маму бросим?! Тем более – новая напасть: помимо инсульта у нее обнаружили рак, а это обозначает одно – еще несколько месяцев жизни. Врачи говорят, что надо делать опера-

цию, – так положено. Но кто-то подсказал: не мучайте ее напрасно – ничего не поможет, да и операцию она не перенесет, потом не протрите себе. Теперь надо решать: класть ее на операцию или не надо. Принимать подобные решения – не приведи Господи!

– А что Люба говорит?

– А что – Любка? Смотрит на меня и ждет, что решу я. Не могу решить, только об этом и думаю. А мне надо еще картинки веселые рисовать. Мне сейчас только до картинок. Веселых.

От контракта пришлось отказаться. Все так и осталось: ты приезжаешь время от времени по вечерам и уезжаешь рано утром – нервничаешь, торопишься домой:

– Витя! Ты готов? Сегодня я тебя отвожу в школу. Портфель собрал? Все проверил? Сам проверил или с мамой? Настоящий мужчина должен сам проверять свой портфель. Идем быстрее. – Чмок-чмок – это со мной и мне же: – Не забудь отвезти картинки в редакцию и деньги получить. Доверенности у тебя.

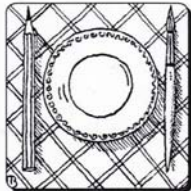
И, надрывнув по самые глаза кепку-неузнавалочку, по которой тебя все и узнают, с моим сыном за руку исчезаешь в лифте.

Как-то повел моего ребенка утром в школу, а я помчалась на работу. Ты позвонил мне туда.

– Все нормально, отвел в школу. Твои родители заберут его.

А дальше началось «пропесочивание». На этот раз выяснилось, что я не так воспитываю ребенка: «Ты отдала его в хорошую школу – это правильно. Но у парня не должно быть комплекса неполноценности».

Где ты нашел в моем ребенке комплекс неполноценности! В общем, чтобы он чувствовал себя уверенно по сравнению с другими – детьми знаменитостей, ты объяснил ему, что и он может хвастаться одноклассникам: он – член семьи знаменитого карикатуриста. Переулок, где находится школа, носит название Спасопесковский – по церкви Спаса на Песках, которая тут стоит. Тысячи раз я проходила мимо – не обращала внимания, ты не заметишь не мог.

– Вот видишь, – объяснял ты моему сыну. – Спасопесковский переулок! Песковский! Спас! Это же в честь меня! Меня беречь и спасать надо!

Честно говоря, мне на работе некогда было все это выслушивать. Спросила, как мама. Хотя ясно, что улучшений не будет.

А поздно вечером, когда я пришла с работы, звонит мама одноклассника.

– Витю иногда приводит в школу высокий мужчина в кепке. Это художник Виталий Песков?

Та-а-а-а! Опять мою жизнь будут просвечивать носком...

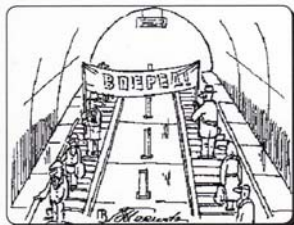

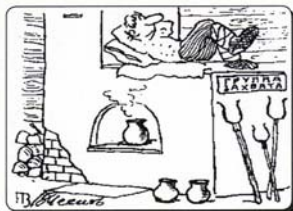
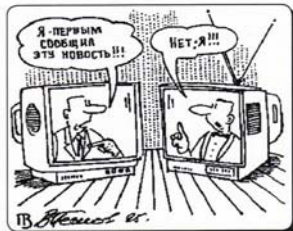
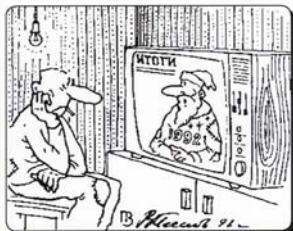
– А что такое? – спрашиваю я.

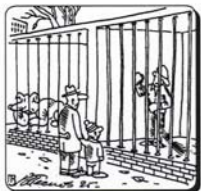
– Нет, нет, ничего особенного. Но вот мой Саша сегодня сказал, что у Вити есть свой знаменитый художник, такой знаменитый, что даже переулок назван в его честь... И они всем классом обсуждали это... Но переулок назван так не поэтому... А весь класс считает, что в честь Виталия Пескова!

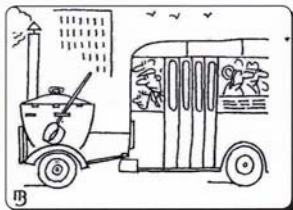
– Так я же пошутил, – объяснял ты сквозь смех.

Какие уж тут шутки: таких, как ты, беречь и спасать надо. Да вот только не получается.

А в октябре ты ложишься в больницу — опять плохо с глазами. Накануне утром ты отвозишь маму к сестре, а вечером я приезжаю собирать вещи для больницы по списку, который тебе выдали вместе с направлением. Список длинный, один из пунктов гласит: взять с собой еду.

— Понимаешь, сказали, чтобы обязательно кто-то проводил в больницу: какие-то новые правила — там все объяснят, — говорил ты, как бы оправдываясь, что вынужден беспокоить меня. Ох, этот твой характер!

— Ну, слава богу, что хоть сообщил, — ответила я, помня иную историю.

Ты снял с полки книжку-буклет — сборник рекламных картинок, которые ты рисовал для американской фирмы, открывшей свой офис в Москве. Последний экземпляр. Естественно, как это всегда бывает, раздарил всем знакомым, кроме меня.

— А чего тебе дарить? — искренне удивлен ты. — Все и так твоё. — Ты обводишь взглядом нехитрую обстановку комнаты, где живешь

вместе с мамой. – Ну, возьми себе... Подожди, давай я надпишу... Что бы тебе написать?

Так ничего и не придумав, что бы такое написать, – естественно, каверзное, но с любовью, под мое «Некогда сейчас, уже поздно, давай складывать, рано вставать...», – ты сущес так и не надписанный буклет мне в сумку.

Один из этих буклетов фирма подарила Горбачеву, и тот вроде бы даже сказал, что ты его любимый художник.

– А что это он лезет в мою личную жизнь? – возмутилась я. – Почему это ты у него любимый? А я?

– Вот так, – подхватываешь ты. – За мной глаз да глаз нужен...

И разговор опять переходит на глазную клинику. Утром едем. Больница та же, в которой ты лежал несколько лет назад.

В приемной очередь. В связи с выхлестом уличной преступности вход в больницу только по паспорту, с направлением, но меня с тобой пропускают – как в Кремль или в мафиозную тусовку. В кабинет же проходит только пациент; я жду за дверью. Буквально через минуту ты выходишь совершенно растерянный: мест нет.

– Как – нет? У тебя же направление! – и, недолго думая, достаю из сумки тот самый, последний экземпляр рекламной книжки, сую его тебе в руки и разворачиваю к кабинету с в общем-то не свойственной мне решимостью, которая порой на меня нисходит: – Иди, подари, скажи, что специально для него захватил авторский экземпляр.

– Последний...

– У Горбачева заберем. Он – мужик нормальный, отдаст.

Следующее твое появление происходит через несколько минут: выдали двухместный бокс, палату-люкс (как в отеле!). Все-таки поразительная у нас страна, ну как ее не любить! Рядом с тобой в очереди, рассказывал ты мне, пока поднимались и искали отведенный бокс, оказался пожилой человек тоже по фамилии Песков, но тот Песков не сумел подарить врачу приемного отделения авторскую книжку, вот и остался он без места в больнице. Доходим до нужной палаты. Молоденькая медсестра сбрасывает с кровати постельное белье и стелет свежее, обращаясь при этом к старику, собирающему вещи:

– Давай, давай, дедок, побыстрее! Выписывают тебя! У старшей сестры получишь рекомендацию, что тебе дальше делать!

Старик что-то недослышал, переспросил.

– Да быстрее иди уж! – покрикивает девица, продолжая свое дело.

Мы останавливаемся в дверях, оглушенные этой сценой. Значит, чтобы принять тебя, этого старика вышвыривают вон. Ты пытаешься что-то сказать, по крайней мере, урезонить эту служительницу сферы милосердия, возможно, когда-то дававшую клятву Гиппократу, но она твердо знает свое дело:

– Вы – Песков? Сейчас займете это место! У меня распоряжение вас сюда положить! – и, подхватив тук с грязным бельем, девица уходит.

Медленно, хотя старается как можно быстрее, собирается старик. А пока входит уже другая медсестра – в таком же серо-белом застиранном мини-халатике и с бумажкой, отпечатанной на машинке.

– Новые правила нахождения в больнице в связи с экономическим положением! – объявляет она.

Очевидно, мы должны вытянуться «во фронт» и выслушать «свод новых правил» стоя. Но девица в застиранном мини – при исполнении и браво продолжает, обращаясь ко мне:

– Жена Пескова?

Такого прямого вопроса я не ожидала и слегка растерялась, но ты приходишь на выручку:

– Жена... Но мы еще официально не зарегистрированы... Имеет значение?

– Это ваше дело! – и девица обернулась ко мне. – Значит, так. Сестры-хозяйки у нас нет. Поэтому всю одежду вы, жена Пескова, должны забрать с собой.

– А здесь нельзя оставить?

– Нельзя! Такие правила! Не перебивайте, жена! Вся одежда и обувь увозите с собой. – Мини-халатик углубилась в принесенную бумажку. – Тапочки взяли? Мы без тапочек не принимаем!

– Взяли, взяли, – подобострастно закивали мы оба.

– Ложку, чашку?

– Все взяли, по списку, – продолжали мы кивать.

– Хорошо, – похвалила мини-халатик и продолжила, подглядывая в спасительную бумажку: – При выписке приедете за мужем с одеждой. Продуктами питания лечебное учреждение не снабжает, – заявила она следующим пунктом. – Еды в больнице нет, – пояснила она уже нормальным тоном, решив, очевидно, объяснить нам содержание этой официальной фразы на более понятном для нас языке. – Мы снабжаем больных только кипятком. Вы, жена больного, еду приносите сами. В связи со создавшейся в стране криминогенной ситуацией вход в больницу только по пропускам. Вы, жена больного, получите пропуск на круглосуточное посещение. Если кто-то еще захочет посетить больного, вы обязаны предупредить на вахте возле лифта и заказать специальный пропуск, а ваши гости должны явиться с паспортами.

– А когда и где я получу пропуск?

– Не перебивайте, жена больного. Следующее. Лекарств в больнице нет. Вы должны принести лекарства и все, что потребуются, сами.

Ты, естественно, тут же спросил, не надо ли приводить с собой и врачей, но холодный взгляд знающего свое дело строгого работника медицинского фронта поставил тебя на место. Разговор вообще шел со мной. Тебя вроде бы и не касался.

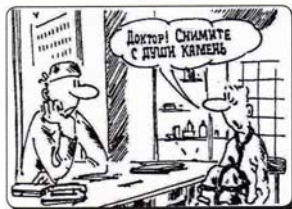
– Вот теперь можете задать вопросы, – разрешила мне «мини». – Пропуск получите сейчас на выходе из отделения. Паспорт у вас взяли?

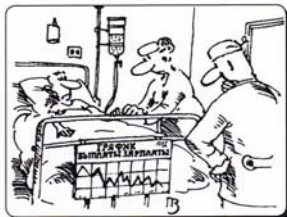
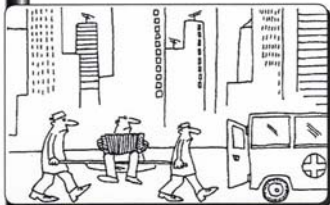
– Взяли.

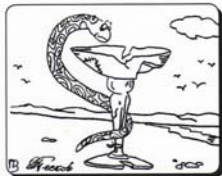
– Вот вместе с паспортом и получите. Есть еще вопросы?

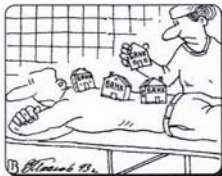
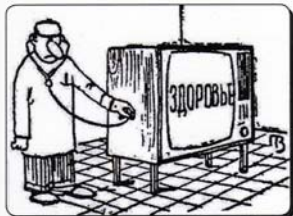
– Никак нет!

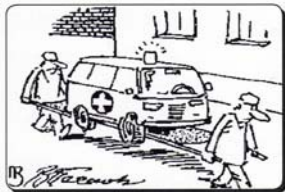
Девиды все-таки засмеялась. Да уже через пару дней выяснилось, что работают тут нормальные люди, нормальные врачи, нормальные медсестры – кто-то кому-то приносит лишние бинты, оставшиеся лекарства, а при выписке тебе даже выдали из неприкосновенных больничных запасов несколько упаковок с нужными глазными каплями. Но что они могли поделать, эти девочки, работающие за крохотную зарплату, которую еще не каждый месяц им выдавали, в стране, где кончилось все разом: ни лекарств, ни продовольствия, ничего... Вот и придумали сразу оповещать о «новых правилах», чтобы потом докучливые пациенты не лезли с расспросами, где взять бинт или йод и что подадут на ужин.

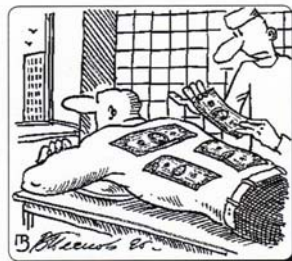
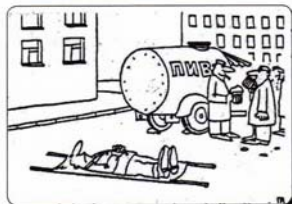

Старик, место которого ты занял, потихоньку тоже выдали какие-то упаковки. А я забрала тук с одеждой и обувью и, получив пропуск, исчезла – я уже опаздывала в школу за сыном. Ты проводил меня до лифта.

– Значит, завтра я работаю. Приеду послезавтра. Еды тебе хватит.

– Коле Лагутину позвони, не забудь ска-

зять, чтобы взял паспорт, когда придет, — он развезет картинки. Ты не успеешь, а он на машине, он все делает.

Таким же манером — с током твоей одежды — я забираю тебя из больницы. Выданные потихоньку из закровов лекарства кончаются очень быстро, в аптеках вообще ничего не найти, и я перехожу на народную медицину — откармливаю тебя сырой морковью, которую ты, по твоим же словам, «терпеть ненавидишь», как и вообще овощи. А между прочим, напоминаю я, сам же говорил, что прост в обращении — ешь все, кроме молочного киселя. Слава богу, хоть морковь еще есть в этой советской стране! Или российский? Как ее теперь называть-то?

— Не знаешь, как назвать? Объяснить?

— Можешь не объяснять, без тебя знаю, — парирую я.

— Любишь морковный салат? — слышу я твой голос во время завтрака, пока я вожусь на кухне.

— Не-а, — честно заявляет мой ребенок.

— И я не люблю. А если б ты любил, я бы тебе отдал мою порцию.

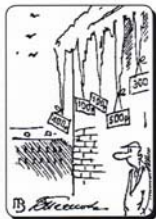
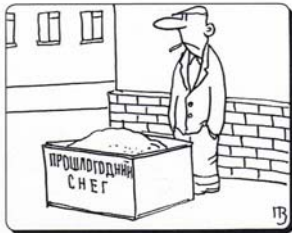
— А я сам не люблю. Я бы, если бы вы любил, вам дал бы свою.

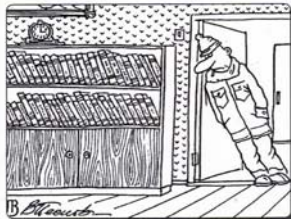
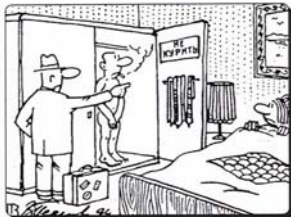
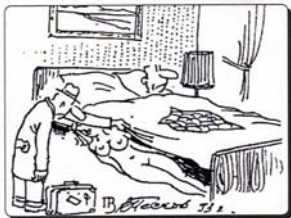
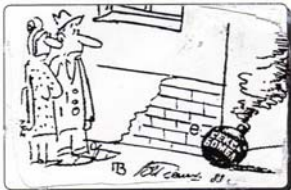
— И я не люблю, — вздыхаешь ты. — Но мама сделала, придется есть. Она же старалась.

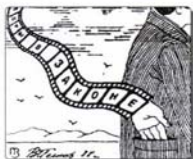
— Придется, — вздыхает Витка, — раз уж она сделала...

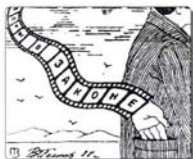
Кажется, с той самой поры мой ребенок возненавидел морковь, и по сей день, когда приходится ее есть, он морщится, тяжело и обреченно вздыхая.

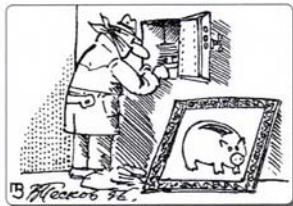

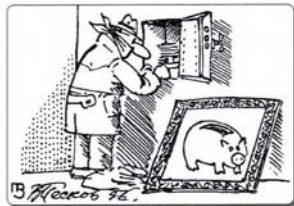

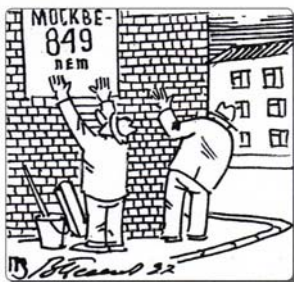
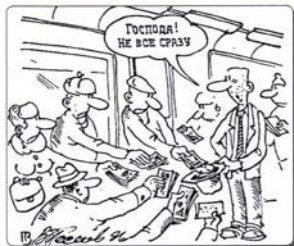
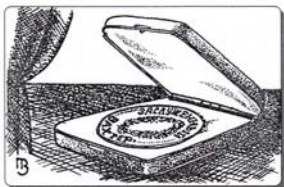

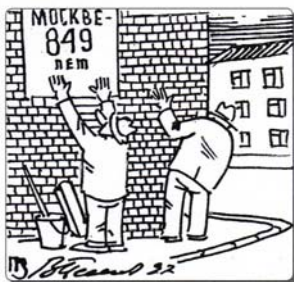
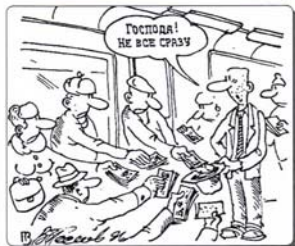
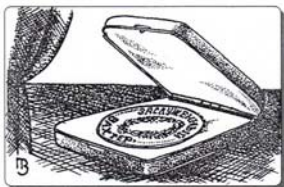

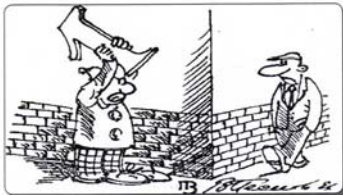
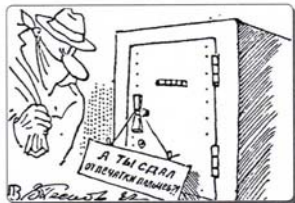
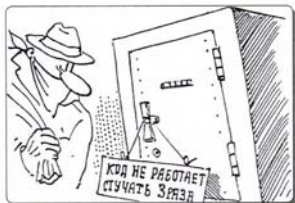

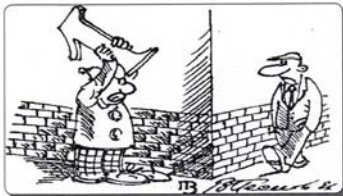
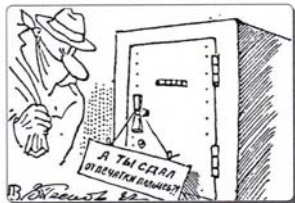
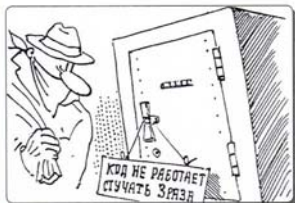

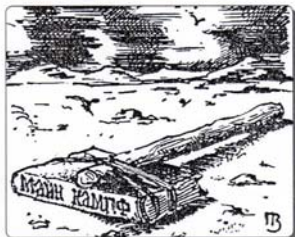
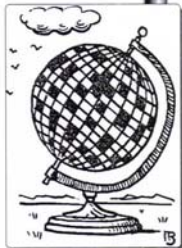

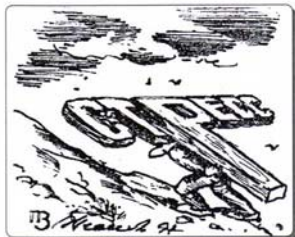
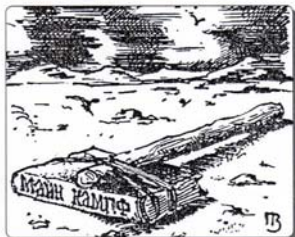
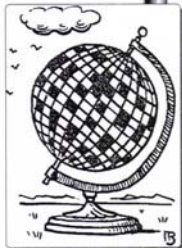

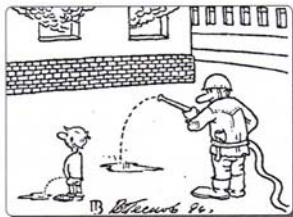
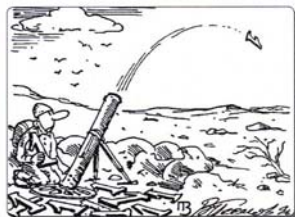
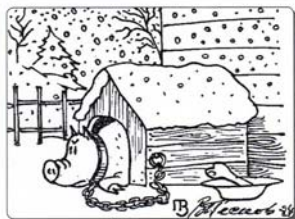
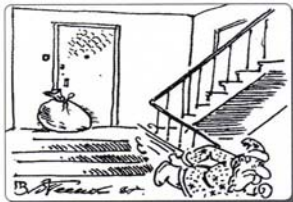
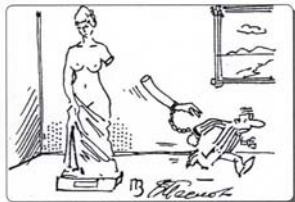

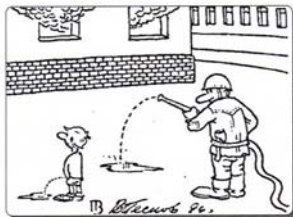
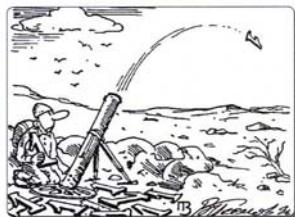
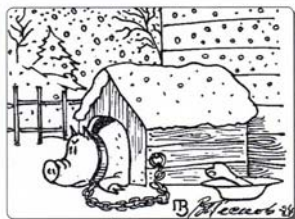
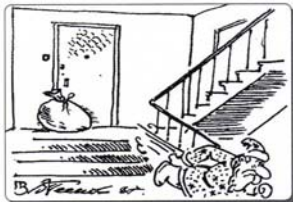
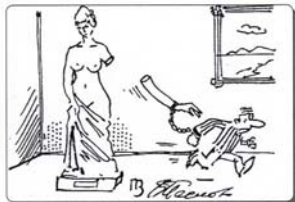

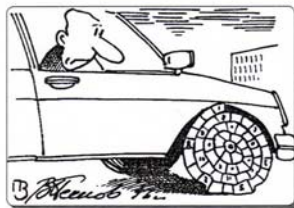
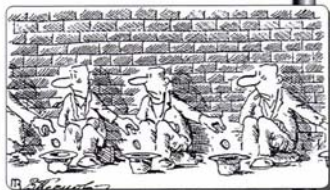
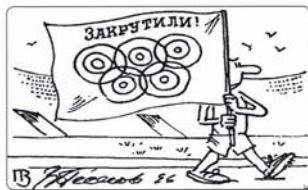

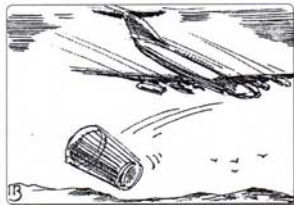
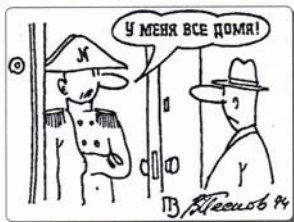

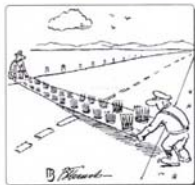

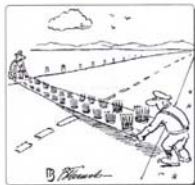

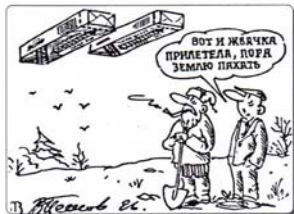
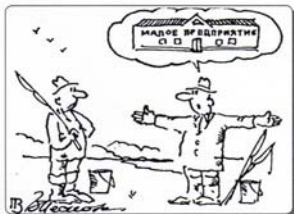

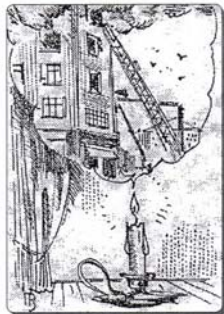

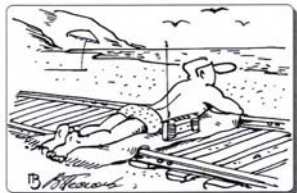

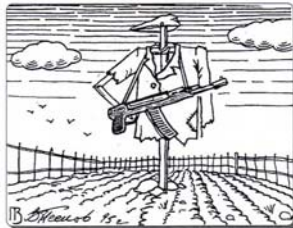
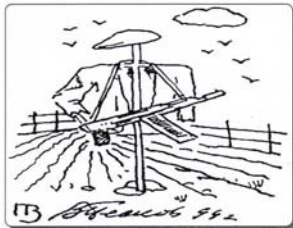

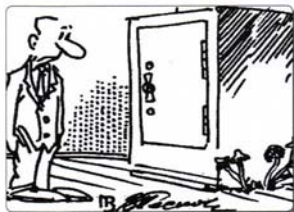

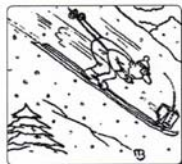
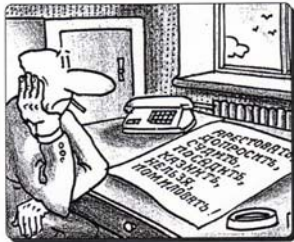

не один. И в прошлом году были... Да на вас все время приходят какие-то деньги... Так это вы вовремя не получаете! А почему вам вообще должны сообщать? Вы мне что, отдельную зарплату платите, чтоб я вам звонила?... Надо было прийти за деньгами вовремя – тогда вам бы полагался процент. А раз четыре месяца прошло со дня перевода, а вы не появились, – значит, деньги отходят... Государству отошли ваши деньги! Все! Не со мной обсуждайте! – подытожила девица на «П», откинув причесанную, только что из парикмахерской, голову.

Я успела подумать, что если я вцеплюсь ей в волосы, это, наверное, будет не очень интеллигентно, вызовут милицию. Но ты меня, конечно, сплешь – до тюремной камеры не дойдет, но это все равно в анналы милицейской истории войдет под твоим именем. Вот невежуха – ведь все, что я ни сделаю, будет связано с твоим именем. Вечно я влипаю! Да и что решает эта дама на букву «П», она всего лишь ходит сюда на место службы за зарплатой, которую, небось, как и вся страна, вовремя не получает. Вот с этой мыслью, пронесшейся с бешеной скоростью в моих мозгах, я и вылетела в коридор,

хлопнув дверью так, чтобы эта материализовавшаяся буква «П» помнила хотя бы несколько минут – потом все равно забудет.

– Чего ты выскочила? – ты вышел через некоторое время в коридор, где я тебя ждала, сжав пальцы у подбородка – у меня такая привычка, когда я волнуюсь.

Я тяну тебя прочь от этого места и что-то говорю – что я их всех ненавижу, что гению вообще не место в подобных заведениях. Подальше, подальше... И даже бутылке водки, приобретенной по дороге в ларьке, я не противлюсь сейчас. Едем на Арбат, оттуда нам вечером – в Дом журналиста на какую-то встречу.

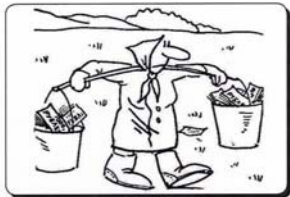
– Нам обязательно туда идти? Ты не в том виде...

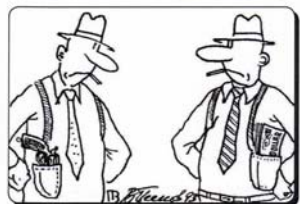
– Я всегда в нормальном виде... Обязательно ли? Понимаешь, пригласили, значит, что-то нужно. Закрытое какое-то собрание устраивают. Лучше бы пойти. Тем более тут рядом. Пропуск я велел заказать на меня и на тебя, на два имени.

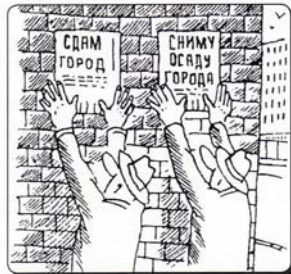
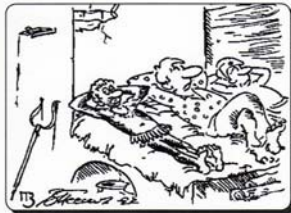
Ладно, пойдем, действительно рядом с Арбатом. В крайнем случае, доташу, не впервой. Значит, и ночевать будем на Арбате. Хорошо, не собирать баночки с едой. Этими баночками у нас в Черемушках уже весь подоконник забит. Два горшка с кактусами, оставшиеся от твоей мамы, которые я изредка поливаю, обрамлены ими, словно находятся в аквариуме. Обычно я готовлю на Арбате и везу баночки с котлетами и гарнирами в Черемушки. Продуктами лучше снабжается центр. В Смоленском гастрономе, если туда подоспеть к открытию, можно хоть что-то достать. Иногда мы бежим туда вместе с мамой одноклассника моего сына – папа его уже уехал в Америку и оттуда присылает деньги, на которые как-то существует семья, – она, допустим, в молочный отдел, а

я — в мясной, потом делимся добычей. Однажды в твоих Черемушках я почти два часа простояла в гастрономе за куском мяса. Ты уже сходил с ума: где меня носит — ушла вроде «на охоту» в магазин неподалеку...

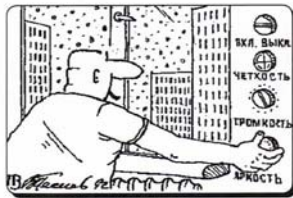
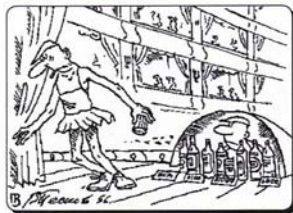

Народу вся эта свистопляска начинает надоедать, люди постепенно разъезжаются. Кто куда пристроится. Израиль и Америка, Германия и Англия становятся не чем-то романтически неизвестным, а вполне конкретными местами проживания российских граждан. Уезжает в Америку мой двоюродный братик Алеша – якобы учиться, но все близкие знают: возможно, навсегда. К

его отъезду ты спешно готовишь рисунки. Алеша получает важное задание – сунуть их, куда возьмут, и денег брать, сколько заплатят.

Уезжает Рита, твоя двоюродная сестра. Ты приходишь от нее, с Кутузовского проспекта, с огромным тортом и пакетом с едой – она распределила все остатки прощального пиришества по проважавшим ее гостям, – не пропадать же такому диковинному ныне товару, как продукты питания!.. Пришел и, смеясь, процитировал давний стишок Маяковского о похожих обстоятельствах: как он нес любимой морковку «за зеленый хвостик».

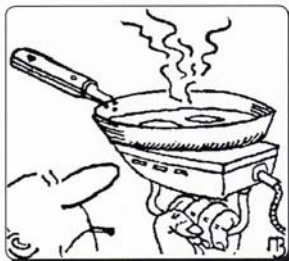

Однажды зимой где-то в полночь появляе-
 мся у дома в Черемушках, а код подъезда не
 работает. Домофонов тогда еще не было, и во
 всех подъездах по решению нашего любимого
 мэра Лужкова устанавливали электронные
 коды. По странному совпадению коды наших
 подъездов отличались в одну – среднюю – циф-
 ру. Оказалось, что какие-то юные ленинцы
 разожгли костер в подъезде, и хрупкое элек-
 тронное новшество не выдержало пионерских
 традиций. Пока вызвали соседей, стуча заин-
 девевшими прутьями в окна, пока нас призна-
 ли за своих и открыли двери, прошло время.

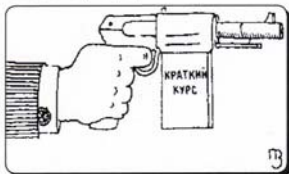
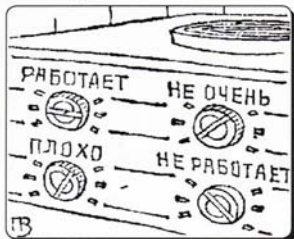
Выяснилось, что электричества не было
 несколько часов, и все, что находилось в мо-
 розилке, успело оттаять, а потом заморозиться
 еще раз и пребывало в ледяной луже. Что-то
 чересчур большая лужа заледенела...

– Виташа, у нас, кажется, ломается холоди-
 льник...

Плита сочилась газом уже давно, чтобы
 готовить на ней, необходимо было пройти спе-
 циальный курс.

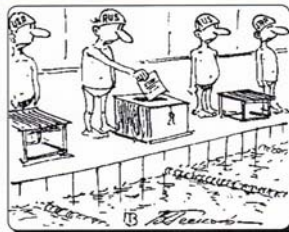
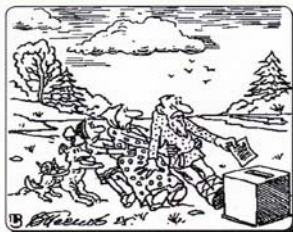
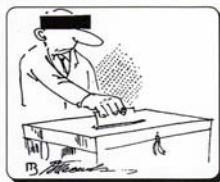
– Сейчас только этого не хватало! Я во-
 обще-то тоже стал замечать, что он барахлит.
 Ладно, закрой его. Знаешь, сколько ему лет!
 Когда сломается совсем, будем думать. Сейчас
 все равно новый не достать. Звони родителям,
 что мы живы, они уж с ума сходят наверняка!
 – И сам же прошел к телефону – я услышала,
 как ты объясняешь в трубку про сломанный код
 и что это не мы его специально сломали, чтобы
 не попасть вовремя домой и не позвонить, что
 мы благополучно добрались.

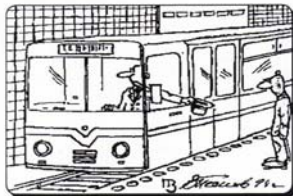
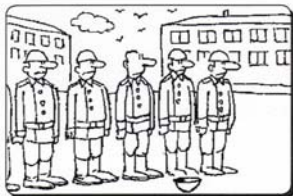
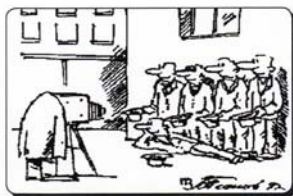
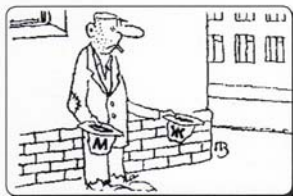
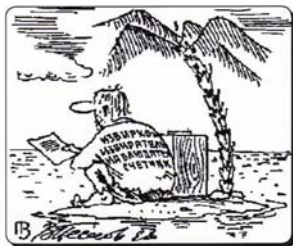
Время действительно стояло неблагоприятное. Дух свободы, понятый каждым по-своему, гулял по ночным улицам безо всяких препятствий со стороны милиции. В арбатских переулках все чаще ночные разборки кончались выстрелами, от которых просыпались местные жители и спать уже не могли. А по утрам на улице, припорошенной свежим снегом, валялись трупы крыс, кошек и людей, и это уже никого не удивляло, не возмущало. Кри-

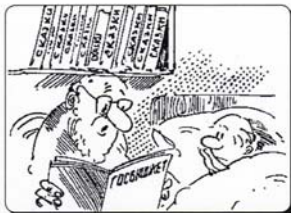
минал еще действовал внизу, захватывая все большие площади и объемы некогда спокойно-рутинного хода жизни, и только готовился войти во властные структуры. И все это мешало безразличия, нищенства и полного разгула преступности гнало все больше людей на поиски хоть мало-мальски спокойной жизни... Собирали чемоданы с нехитрым скарбом и разъезжались кто куда: кто - до лучших времен, кто - навсегда...

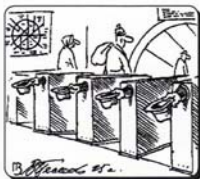
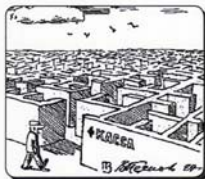
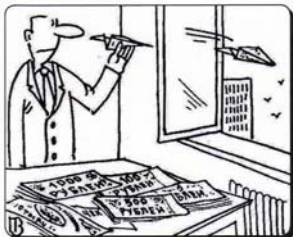

От Алеши пришло странное известие: для работы в Америке нужно специальное разрешение... Мы ничего не поняли: как это – в свободной стране? Все это я поняла уже потом, когда сама оказалась за кордоном. Моим весьма немалодым родителям, да еще и тете с дядей необходимы лекарства, которых в Москве в то время не было. А кроме того, в Америке можно заработать деньги на нормальную квартиру – уже немало семей уехали в Америку на заработки и вернулись с деньгами на жильё.

– Ты что, совсем с ума сошла?! Какая Америка? Что ты там заработаешь?! А я? Ты обо мне подумала, как я без тебя! Ничего ты там не заработаешь, английского ты не знаешь, а делать ничего не умеешь! Кончится тем, что ты все равно вернешься с Витюшкой в Черемушки! Тут и будем жить!

Ну, не заработаю, значит – действительно вернемся. Слава богу, есть куда возвращаться. Пока все равно родителей бросить не могу. Я и сама не знаю, как буду там, да еще без тебя. У меня болезнь всех москвичей – не могу жить не в Москве. Не так давно мы не могли уехать на работу в Америку из-за болезни твоей мамы. Теперь я вынуждена уезжать без тебя – из-за болезни моей. И вот уже я получаю какой-то твой гонорар по своему новому – заграничному – паспорту.

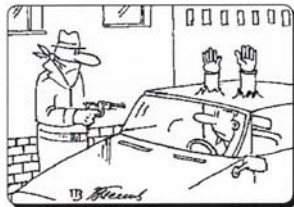
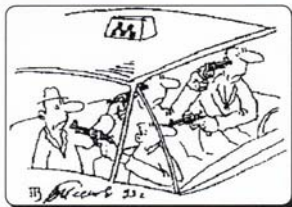
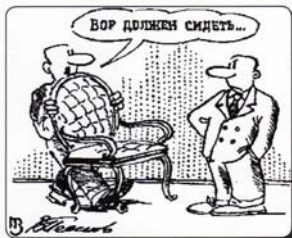
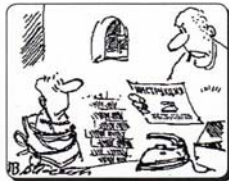
– И вы уезжаете?! – восклицает кассирша, отсчитывая мне пачки денег. Деньги уже давно выдавали (когда выдавали) не отдельными купюрами, а исключительно пачками. – А Виталий Викторович?

– Виталий Викторович остается, а я уезжаю временно.

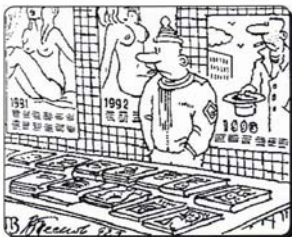
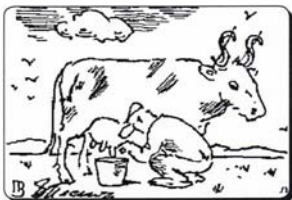
– Вы бы лучше его забрали – он же такой талантливый!

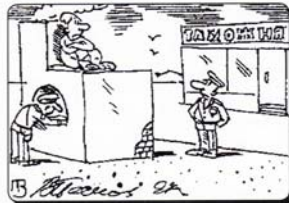
Что я могу сказать? Я и стараюсь, как лучше... Одно дело – уезжать на работу на год по контракту, как тебе предлагали три года назад; другое – в пустоту, в неизвестность, лишаясь всего... Нельзя тебе в другой стране – ты русский художник. Не по животному-национальному признаку, об этом даже говорить не хочу. Ты – русский, российский, московский, проходящий каждую ступенечку жизни страны со своим народом. Каждый твой рисунок проходит через эту всеобщую жизнь, и каждый твой «носатик» – это всегда каждый из нас и хоть немножечко ты сам. Нельзя тебя отделить от жизни народа – ты часть его. Как ты без него? Да и как он – без тебя?

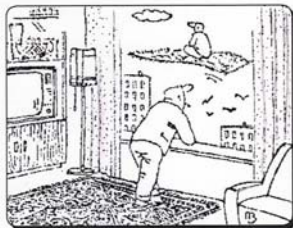

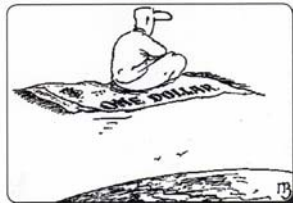
Однажды мы стояли на троллейбусной остановке втроем с моим тогда еще маленьким сыном. Троллейбуса долго не было, и на остановке собралось много народа. Рядом топтался неказистенький пьяненький помятенный мужичонка. Порассматривая тебя некоторое время, он нерешительно приблизился и тихонько что-то сказал, показывая за угол, где размещался ларек.

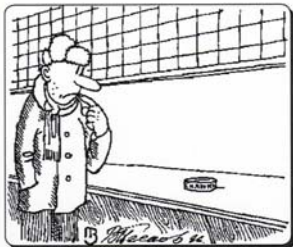
— Выпить? Не, сейчас не могу. Я — с семьей. Извини.

Мужичонка уважительно оглянулся на мой 158 см, вздохнул, отошел.

Троллейбуса все не было, топта на остановке росла. Но, видно, так и не сумев отыскать в ней другого достойного кандидата, мужичонка тихонечко, боясь показаться излишне назойливым, вновь оказался перед тобой с той же просьбой в умоляющем взоре.

— Ну не могу, — мягко объяснял ты. — Извини. В следующий раз. Даст бог, еще увидимся. Тогда — конечно...

Я абсолютно уверена в том, что тот мужичок не узнал тебя в твоей кепочке-неузнавалочке, надвиннутой на глаза. Я даже думаю, что и само имя Виталий Песков ему неизвестно, а слово «карикатурист» он и выговорить не сумел бы даже в трезвом виде. Но он узнал тебя по-другому, по своей собственной шкале, — он узнал в тебе народ.

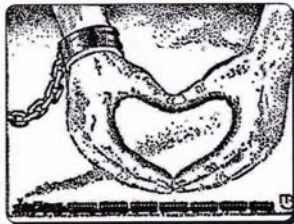
— Ну вот, я лишилась московской прописки, — объявляю я.

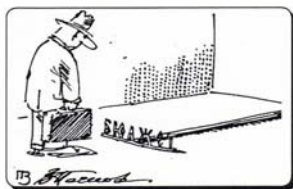
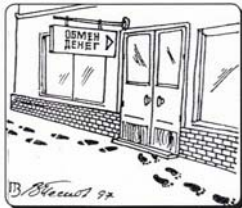
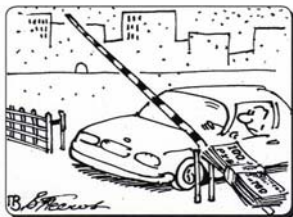
Вот это как раз ерунда, — уверяешь ты: как только мы распишемся, я сразу получу московскую прописку как твоя законная супруга. Ну, пропишусь не на Арбат, а в Черемушки — какая, собственно, разница? К тому же московскую прописку вообще скоро отменят. Все к этому идет. Тебя волнует другое — вот зарабатываем мы деньги на квартиру, а как ты меня будешь обратно вызывать в Москву?

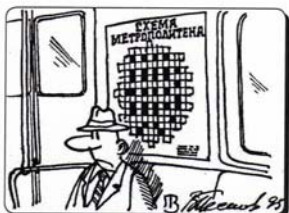
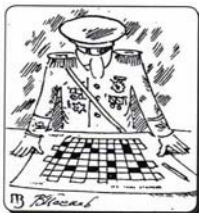
— Мне надо будет оформить тебе приглашение? Ты теперь будешь иностранкой? Маразм какой!

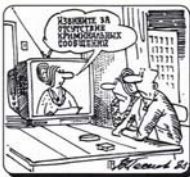
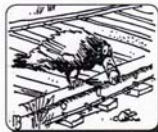
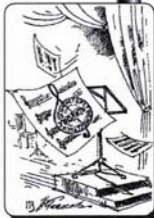

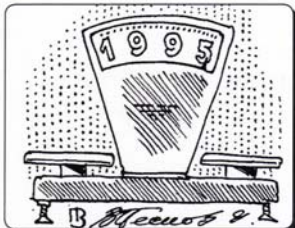
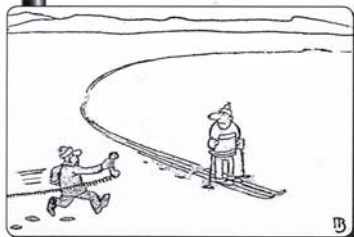
Выясняется: ничего подобного. Теперь российский граждане могут проживать в любой стране — хоть временно, хоть постоянно, не лишаясь гражданства. Можно даже получить несколько гражданств, пожалуйста! То, что обыденно и нормально для всех цивилизованных стран, для нас еще в новинку. В общем, мы теперь — прямо как настоящие люди.

Но первая же моя посылка все повернула:
 – Джинсы годятся, все замечательно! – кричал ты мне в телефонную трубку. – Сырки, будешь писать в мемуарах, – любимое блюдо наравне с креветками! Деньги, сама понима-

ешь, всегда к месту. Что с деньгами делать – откладывать на квартиру или я могу тратить?
 – Ну что за вопрос? Разбирайся сам, как тебе надо. Сначала трать на себя. Главное – нормально питайся. Остальное – откладывай.

Первые мои деньги тебе из Америки – 70 с чем-то долларов. Сегодня смешно звучит. Но для Москвы 1994-го – для нас в то время это была сумма. Средне-московская зарплата не превышала тогда 25 долларов, доллар стоил более 6000 рублей, а, к примеру, батон хлеба – рублей 100.

Своей шуточкой о мемуарах ты доводил меня: какие мемуары, если я без тебя в этой жизни не справлюсь! А ты отвечал: да куда ж ты денешься... «Тебе писать мемуары – запоминать: любимое блюдо – креветки, любимый художник – Дали, любимый кинорежиссер – Феллини...» Причем любил все фильмы Феллини, кроме «Восьмь с половиной», особенно тебя поразила короткометражка «Релетиция оркестра», которую показывали на Московском кинофестивале, кажется, году в 1981-м. Мы смотрели не вместе. Я работала на кинофестивале, но в конкурсе детского фильма. И когда ты увидел этот маленький киношедевр, велел изловчиться и посмотреть. Пришлось увильнуть с работы в другой зал. Не потому, что я уж так собралась тебя слушаться – еще чего! – но надо же знать, что тебя так поразило!

Короче, резолюция сверху: пока сиди в Америке. Ну что ж, сию. Другого выхода теперь ведь нет.

Итак, Америка. Первое, что удивляет в Нью-Йорке нас, москвичей, – белки. Мы привыкли к городским голубям, а здесь – городские белки.

Родители сразу по приезде получили первый подарок. Он выдается всем нашим пожилым людям, приехавшим в Америку лечиться, – календарик с рекламой похоронного бюро. Что ж, очень заботливо и со вкусом, можно заранее заказать себе приглянувшийся памятник. И название хорошее: «Добро пожаловать в Америку!».

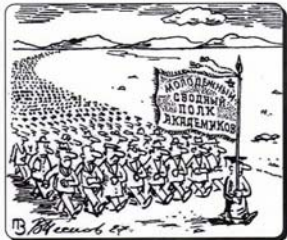
А что касается бандитизма на улицах, то его в Нью-Йорке не меньше, чем в Москве. Но люди, потерявшие работу, оставшиеся без куска хлеба, ограбленные на своей родине и гонимые главным инстинктом – голодом и страхом перед взмахнувшим на всю страну бандитизмом, все мчатся и мчатся в эту страну, надеясь найти здесь хоть какой-то приют.

Русских – много, русские газеты, журналы, программы телевидения и радио. Прямо какое-то государство в государстве. Это относится не только к русским. Свои газеты у францу-

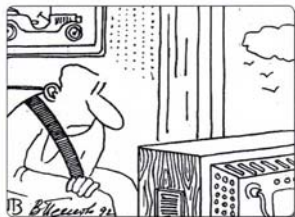
зов, китайцев, поляков, латиноамериканцев... И невольно позавидуешь Америке: здоровая страна, никакой шпиономании, комплекса неполноценности типа «Америка для американцев», всех и всё принимает... В школах даже организуют специально русские классы, чтобы наши дети – не дай бог! – не забыли ни родной язык, ни родину. «Новости» по русскому телеканалу ведет известный, еще московский, комментатор Юрий Ростов, которого мой ребенок тут же прозвал Ростовым на дому. А нормальная возможность досыта поесть кажется немыслимым американским изобилием по сравнению с тем, что творится в России, где по улицам то и дело проходят беспорядочные толпы с разными лозунгами, время от времени раздаются выстрелы, возле станций метро торгуют документами, справками, паспортами, аттестатами, дипломами – покупай, – если, конечно, есть деньги, – вписывая свое имя – и ты уже дипломированный специалист. А отечественная литература осваивает новый образ героя нашего времени: бизнесмен, маклер, брокер, дилер, киллер...

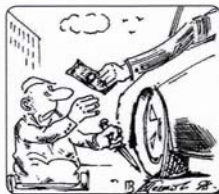

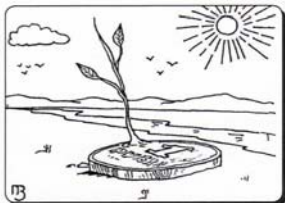
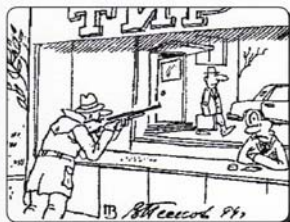
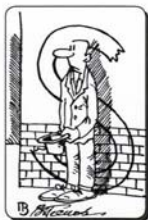

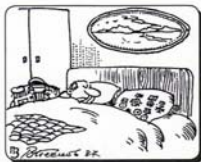
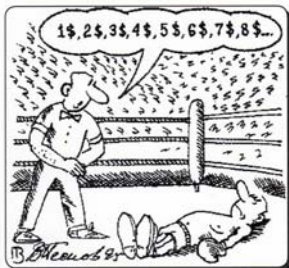
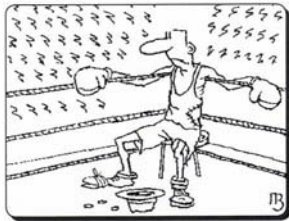
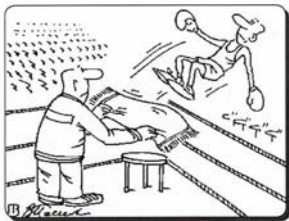

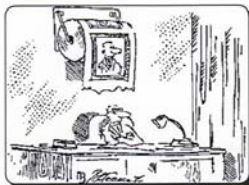
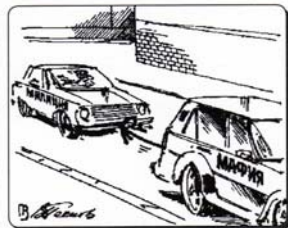

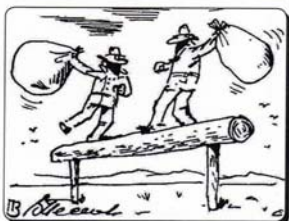
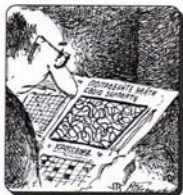

А я ясно осознала свое женское благополучие, о чем даже написала тебе большое письмо: женщины, как известно, делятся на пристроенных и пристроенных. Первые молча – или не молча – несут свой крест, а непристроенные собираются стайками и ищут объект, вернее – субъекта. Если у женщины счастливо складывается семья, то, как правило, у нее нет близких друзей и подруг. Приятельницы и приятели, связи, подружки – это заменитель женского счастья. Я оказалась в полной изоляции, без возможности подыскать себе хотя бы временных подруг. К рыщущим стайкам я не подходила по разнице интересов, а в семейные посиделки не вклинивалось из-за своей вынужденной «обездоленности», поскольку замужние дамы обычно строго охраняют свое богатство. Впрочем, было не до них. Работать пришлось по 14–16 часов. И слава богу, есть работа! А у тебя на это свой взгляд: вот и хорошо, чем меньше возле меня неизвестно кого – тем лучше...

Ревновал ли ты? Вообще-то бывало. Хотя правильнее сказать: ты просто срывался. Однажды, давно, еще задолго до моей Америки, ты подружился с одним арбатским художником, который попутно промышлял продажей модной одежды на том же Арбате. Я ему явно нравилась, и он шутил, что в следующий раз обязательно женится на мне. Мы с тобой улыбались этим словам и реагировали, как и положено на шутку: никак. Однажды этот твой приятель зашел к нам на Арбат, когда мы обедали, – отогреться и снова бежать на «работу»: была зима. Он принес с собой и сумку с новомодным тряпьем.

– Ты посмотри, – может, тебе самой что-то подойдет, – сказал он.

Я посмотрела, а потом взглянула на тебя.

Холодный взгляд и сжатые губы были красноречивы; ты ни слова не произнес. Таким образом, ответ был получен, и все товары вернулись на свое место, в сумку. Вскоре ты увел твоего дружка вместе с его сумкой. Вечером началось «пропесочивание»:

– Зачем ты его допускаешь со всяким тряпьем, если знаешь, что нравишься ему?

– Знаешь что! – возмутилась я. – Все было при тебе!

– Еще не хватало бы без меня.

На следующий день встречаю этого твоего дружка «на точке». Торговля зимой идет не очень напряженная, хотя он продает все: и свои картины, и шмотки, и новогодние игрушки...

– Твой-то мне выдал такой бенз, когда мы вышли от тебя: «Что, мол, ты приходишь с дамским шмотьем к моей невесте; это не любовница, это – невеста; неужели ты думал, что она будет у тебя что-то покупать, не посоветовавшись со мной?»

Несчастный художник пробовал объяснить, что предлагал не руку и сердце, а штаны и куртки.

– Он, конечно, любит тебя, но что ж он, совсем ненормальный? – мне же все это продавать надо...

А через несколько дней ты сам завел разговор:

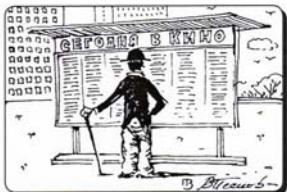
– Тебе понравились те кожаные брюки? Вообще, ты посматривай по сторонам, если что-то хорошее – купим. В конце концов, ты выходишь замуж не за последнего художника страны... Есть деньги, купим. Но... не у него.

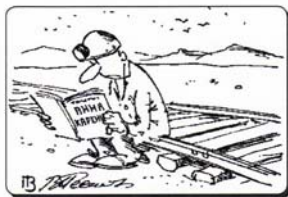
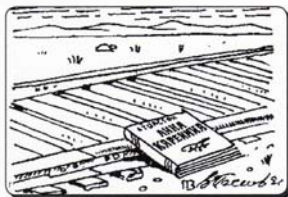
Был и еще один «приступ ревности», но это уж совсем потом, когда я приехала из Нью-Йорка. У тебя уже начинались сердечные сбои. Думали поехать утром на дачу, а на рассвете начался приступ. «Скорая» отвезла нас

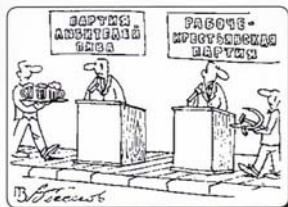
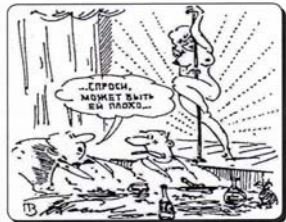
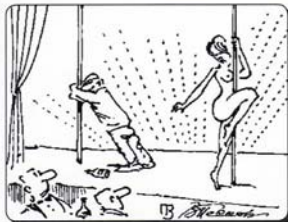
в больницу. Я сидела в приемной, с тобой меня не пустили. Пробовала объяснить, что тебе будет лучше, если я рядом, но меня не слушали – тебя увезли. А потом из дверей появилась пожилая медсестра:

– Пескова! У вас нет инфаркта! Муж просил передать, сказал: наверняка там сидит и волнуется. Приступ у него прошел, но врач оставит в больнице. Проходите к нему, его сейчас в палату оформляют. Всех извел: если инфаркт – жене не говорить! Проходи, милая, иди, совсем белая сидишь...

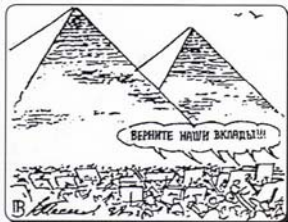
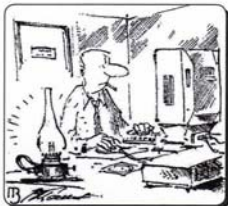
В четырехместной палате вас было трое «сокамерников», по твоему выражению. А когда через пару дней ты встретил меня в больничном дворе, сказал, что из резинимации перевели новенького – очаровательного мужика, архитектора, после двух инфарктов. «Умница, интеллигентный мужик, мы с ним болтаем вовсю, смеемся. Сейчас увидишь. Зовут Володя. Когда узнал, кто я, – просто обалдел: вы Виталий Песков, тот самый? И вы – в обычной больнице?» Володя действительно оказался очень симпатичным человеком, к нему постоянно приходили жена и взрослая дочь, и они все трое смотрели на тебя с обожанием. Когда через несколько дней тебя выписали и я пришла за тобой, Володя быстро набросал мой портрет и подарил нам. И всю дорогу до дома ты ворчал: «Что он тебя вздумал рисовать? Надя приезжала меня навещать, Петя с Олечкой приходили... Да в больнице полно медсестер – рисуй, кого хочешь! У него и своя жена есть – пусть ее рисует!». Я хихикала, прекрасно понимая, что этот мой портрет на самом деле ко мне никакого отношения не имел – это было признание в любви к тебе. А я – уж так, твой выбор...

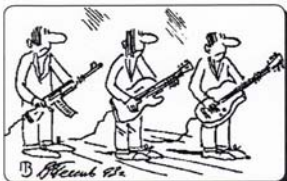

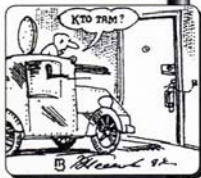

В Америке я сразу почувствовала себя в изоляции – привыкла к другому окружению. Ясно одно: чужая страна. Говорят, родная земля дает силы, чужая – забирает. В этом, наверное, все дело.

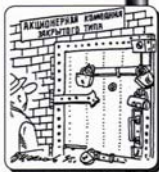
И я пишу тебе подробные письма про страну, в которой совершенно неожиданно оказалась, и получаю письма от тебя, а раз в неделю обязательно болтаем с тобой по телефону – иногда чуть ли не по часу, сколько бы ни стоило. Ты рассказываешь про жизнь в Москве. С бешеной скоростью меняются только министры и премьер-министры. Остальное – так же: ни лекарств, ни продуктов, ни одежды купить, по сути дела, невозможно. В частных ларьках продукты появляются, но по таким ценам, что об этом даже несерьезно говорить – на сегодняшние гонорары, которые и не платят вовремя, тебе бы не протянуть без моих посылок. Зато бандитизм и коррупция цветут пышным цветом, а заказные убийства никого не ужасают, к ним привыкли.

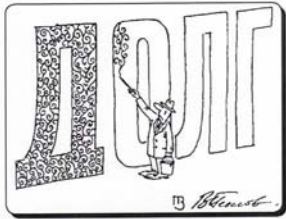

В последнее время открывается много российско-американских предприятий, и новоявленные наши бизнесмены не смеют отказать в просьбе передать посылку мужу в Москву.

На твоё 50-летие я приехать не смогла – не готовы документы. Ничего, у нас вся жизнь впереди, – утешил ты меня, – пока Галка помогает. Тебе, как обычно, даже в голову не приходит, что я нормальный человек и могу самым примитивным образом ревновать. Ладно, Галка так Галка – лучше, чем никого. Спасибо ей за то, что была рядом. Зато я послала тебе белые кроссовки, а двоюродная сестра Рита из Филадельфии выслала свой подарок – белые носки. Это обилие белого цвета на ноги повергло тебя в полное изумление. У нас как-то не принято носить белую обувь.

– У вас в Америке что, только белые тапочки производят? Обе прислали! – ворчишь ты в телефонную трубку.

Я заливаюсь смехом:

– Виташ, это мы обе – от любви.

– Я вижу, что обе – от любви.

Постепенно квартира в Черемушках становится какой-то базой по переправке товаров из Америки в Москву. О новой квартире еще только мечтается, а я уже всюю покупаю посуду, папотенца, какую-то кухонную утварь. Из Америки выдаю приказы по поводу окончательно сломавшегося холодильника, который срочно пришлось заменить на новый:

– Покупай сразу большой, двухкамерный.

Он и будет в новую квартиру.

Теперь, слава богу, деньги есть, и ты заодно купил новый диван и к нему два кресла.

– Боже мой! – восклицаю я без всякой радости. – А куда это все ставить?

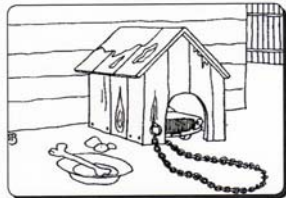
– Я уже поставил. Диван – на место старого. Старый мы с Колькой выбросили. А кресла – возле шкафа.

– А как ты попадаешь к шкафу?

– А я туда не попадаю. Я вытащил то, что мне нужно, и положил на новое кресло. Ты приедешь – сама разберешься.

Мне остается только согласиться. Да и что возникать, если все уже куплено и расставлено. Ладно, приеду – разберусь.

В общем, мы впервые почувствовали себя не то что богатыми, но все-таки... Игорь Смирнов, твой приятель-художник, даже предлагает нам приобрести дачу на выгодных условиях: часть участка оплачивает Союз художников. Моя родня давно издевалась над моим пристрастием к сельскому труду, который я осва-

НАЙДИТЕ РАЗНИЦУ МЕЖДУ ДВУМЯ РИСУНКАМИ В. ПЕСКОВА.

ивала еще на даче в Переделкине – исключительно из любви к искусству, на практике оно мало выражалось. Мама в свое время рассказывала моему маленькому сыну сказку про то, как посадила мама репку. Выросла репка маленькая-премаленькая. Пошел дедушка тянуть репку, ищет-ищет, найти не может. Позвал дедушка бабушку – и т.д. К сказке прилагались все родственники, друзья и соседи – в зависимости от количества времени, требуемого на поедание супа или прогулку и т.д.

Поэтому едва ты заговорил о даче, я почувствовала приступ влечения к сельхозработе. Мое очередное письмо к тебе полностью посвящено огурцам в колочих пупырышках – хочу дачу! Ты слабо сопротивляешься: как бы нам не застрять с этой дачей – сначала квартиру нужно! Но я уверяю тебя, что деньги мы заработаем, из-за дачи не застрянем... И ты в конце концов уступаешь. И уже следующий мой звонок ты встречаешь словами:

– Я стал землевладельцем!

Вскоре ты уже сам влюбился в эту дачу, в ее строительство, углубился во все тонкости нового дела. В этом ты весь – делать что бы то ни было плохо, не вкладывая души, не умеешь. Ты рассказываешь про упавшее дерево, про укладку дороги... Я только прошу тебя меньше работать, но все строительство – на тебе.

– Высылай деньги, – со вздохом резюмируешь ты. – Я один не потяну. Теперь родина смотрит на тебя.

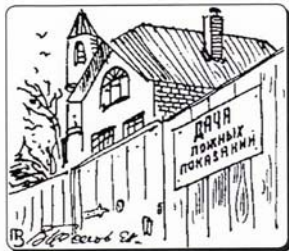
Как будто она до этого не смотрела на меня твоим лучистым взором.

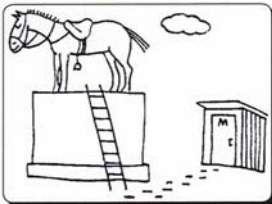
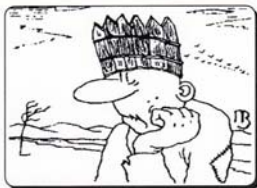
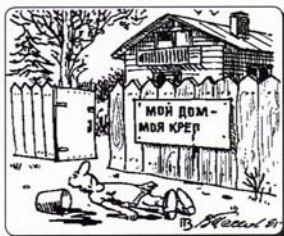
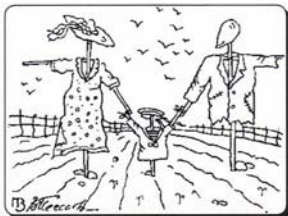
Дачу нам строили интеллигентные люди, молдавские инженеры, отправившиеся в Мос-

кву зарабатывать деньги, которые мы в свою очередь зарабатываем в Америке:

– Хозяин, раз хозяйка в США работает, платите в долларах...

Так закончилась великая советская социалистическая дружба народов.

И началось... Это поймут только те, кто прошел через подобное строительство. То нужны какие-то гвозди, то винтики... Потом выясняется, что винтики не те... Шурупы тоже не те... Доски – и подавно... И вообще, все не так... Но как ни странно, что-то все же возводится. А без крыши нельзя – и говорить нечего. Я все равно в этом ничего не понимаю и только киваю, как будто по телефону ты можешь видеть мои кивки.

– Слово «крыша» в наше время имеет много значений, – смеется твой друг Вагрич, единственный, кому я могу жаловаться на мои невзгоды, – он поймет, он в Америке давно. А я, кажется, за все эти значения «крыши» и отвечаю – как Атлант.

В общем, на этот раз я лечу к тебе с «крышей» – то есть с деньгами на нее. Сегодня твоя главная любовь – дача.

– Ну для тебя же, ты же сама хотела... Знаешь, нам надо поговорить...

Ты привез меня домой из аэропорта и тут же, пока я не заснула из-за разницы во времени, объявляешь о предстоящем серьезном разговоре.

– Развод не дам, – заявляю я: наш брак так до сих пор и не зарегистрирован – сначала долго оформлялся мой развод, потом напала Америка. А теперь надо дожидаться Витюшиного совершеннолетия – иначе, пока сын вписан в мой паспорт, при прописке он сразу попадает в лапы «непобедимой и легендарной». А нам достаточно и Петькиных проблем с этой организацией.

Ты засмеялся, чмокнул в лоб:

– Иришк, разговор действительно серьезный. Ты не будешь возражать? Знаешь, я хочу, чтоб у наших детей было не как у нас, пусть у них что-то будет. Я решил так: дачу оставляем Петьке, квартиру – Вите. Не сейчас. Пока живы – живем. Ну, ты как – не возражаешь?

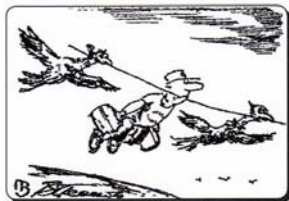
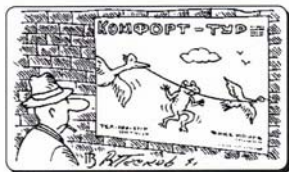
– Да нет, конечно.

Когда это, интересно, я тебе возражала? Нет, бывало, конечно, все бывало... Но это так, в мелочах.

– Я знал, что ты не будешь против, – доволен ты. – Пока мы в порядке, на даче будем жить все вместе. И Коляска с нами.

Как-то неожиданно выяснилось, что у нас, оказывается, большая семья: мы с тобой, Петя с Олечкой, Витя, «член семьи» твой приятель

Коля – и каждому нужна комната. И еще комнаты для гостей. Первыми гостями предполагаем Вагрича с его Ирой (причем Ире сразу ставим прижизненный памятник от всех, кто любит Вагрича, – хотя этого, естественно, не будет: кто и когда ставил памятник женам?). Правда, они уверяют, что государство Российское, как его ни назови, все равно остается бандитским. Действительно, с построением правового общества опять не получилось. А потом и вовсе про него забыли. Мы уже думали пригласить их в Москву, ты даже разговаривал с друзьями, и Игорь Макаров тут же сказал, что готов принять участие и предоставить им свою мастерскую для жилья – ваше «Литгазетовское» братство, но что-то у Вагрича не заладилось с документами.

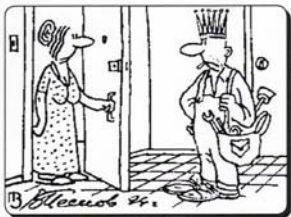

К каждому моему приезду ты готовишься: кухонная раковина ломится от немытой посуды, в ванной таз полон грязного белья, а в холодильнике – банка маринованных огурчиков, моя слабость, или что-нибудь другое вкусенькое. Значит, ты меня ждал – как приятно сознавать, что тебя ждут, – смеюсь я. И приступаю к делу. Пока отмываю кухню, у меня засорится раковина. Это уже стало нашей доброй «традицией». Каждое утро начинается с твоей просьбы:

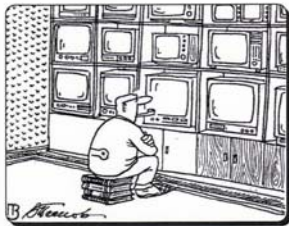
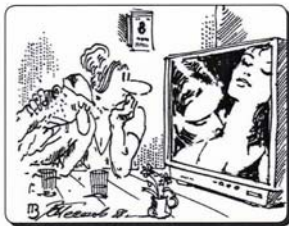
– Только не засоряй сегодня трубу.

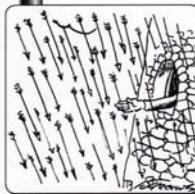
Иногда удается и не засорять. Но вот сосед Володя привычно входит к нам с каким-то замысловатым инструментом.

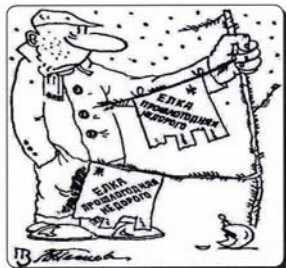
Он уже точно знает: раз приехала Ира, – значит, идет генеральная уборка, готовка, и водопроводные трубы этого не выдержат. В свободное от меня и наших засоренных труб время Володя по вечерам играет с тобой в шахматы.

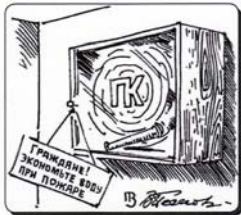
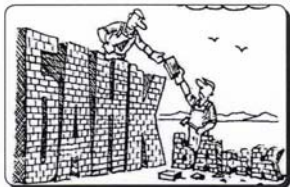

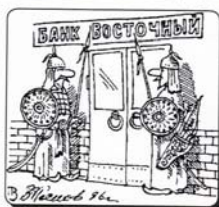
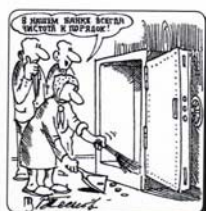

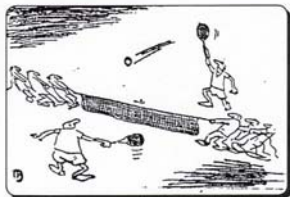
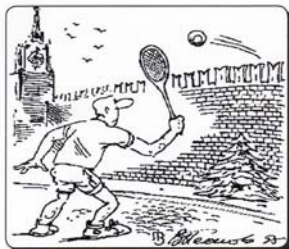
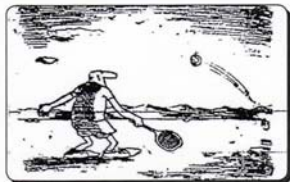
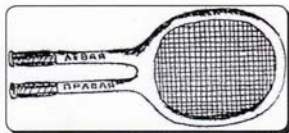
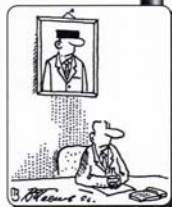

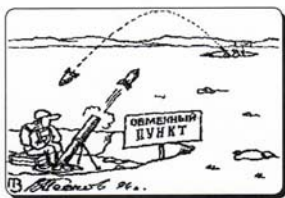
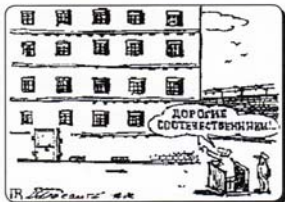

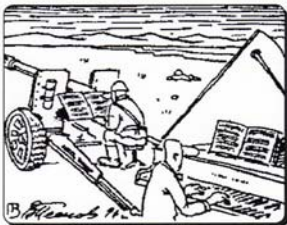
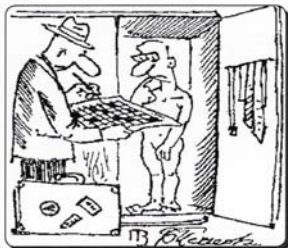
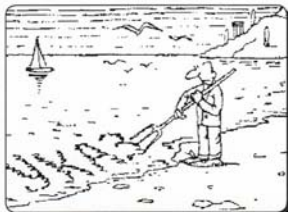

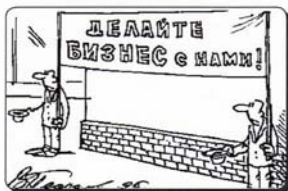
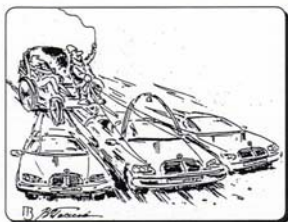
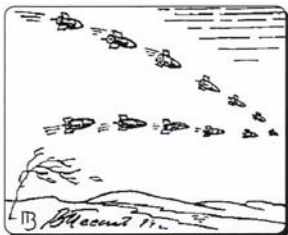

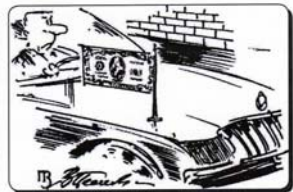
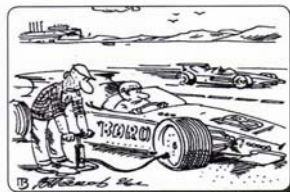
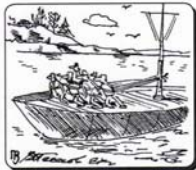
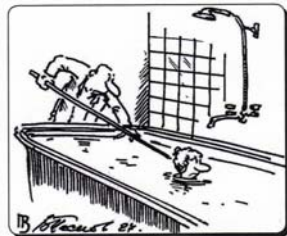

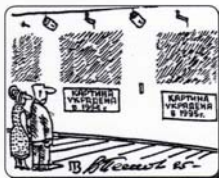
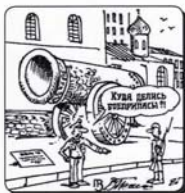

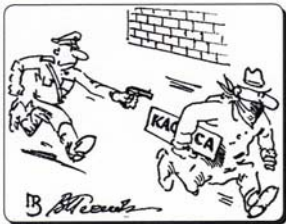

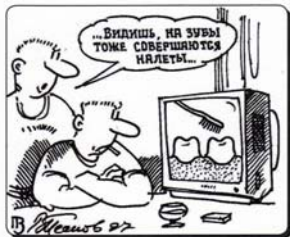
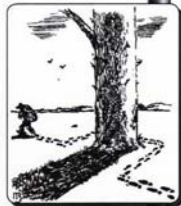
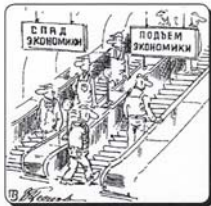

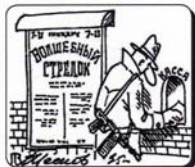

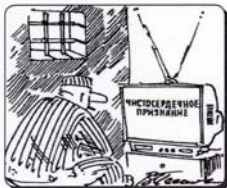

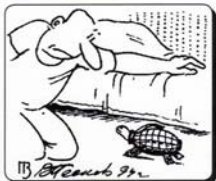
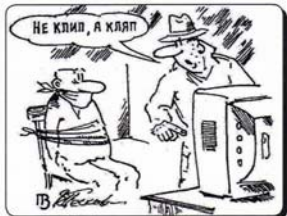

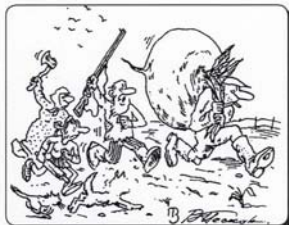
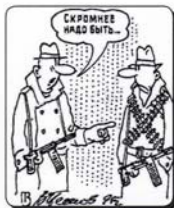

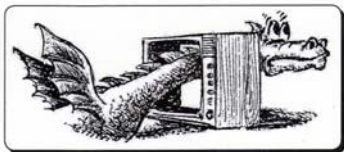
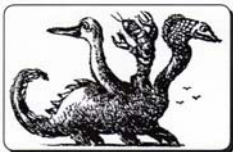

Ты все время едешь на дачу, на строительство, возвращаешься вечером уставший, и пока я подаю тебе на стол, довольно побрякиваешь:

– Ты целый обед приготовила? Вот здорово! Господи, как хорошо-то, когда ты дома. И что тебя потянуло в эту Америку?

Вопрос про Америку давно стал риторическим, не требующим ответа – ответ и так понятен.

Я подаю тебе список звонивших.

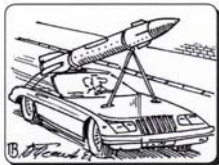
– Это из редакции, это тоже... Два раза я тебе сломала личную жизнь («Ой, а вы жена? Ой, а вы приехали?»).

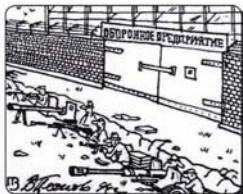
– Два раза? Две тысячи два раза! – поправляешь ты, но тут же снисходительно: – Я для этого тебя и выбрал. А это что за телефон?

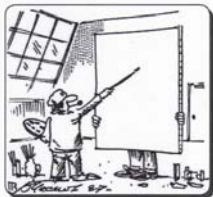
– Звонили из издательства. Предлагали дать книгу. Я записала их телефон.

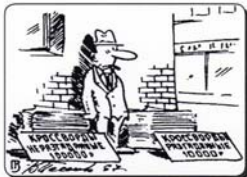
– Можешь выбросить. Знаешь, сколько этих издательств появилось!.. Все однодневки. Но на самом деле я буду делать книгу. Обязательно. Но не сейчас. Кстати, ты готовся – на тебя все ляжет. Все основные картинки у тебя.

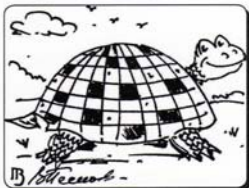

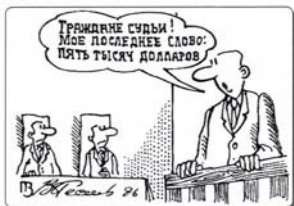
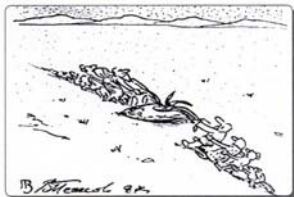

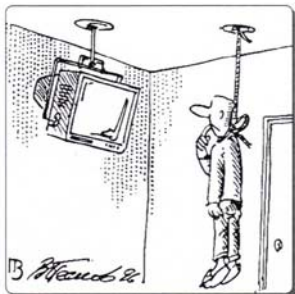

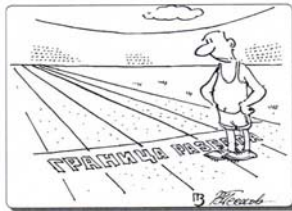
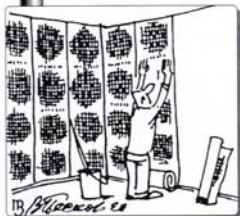

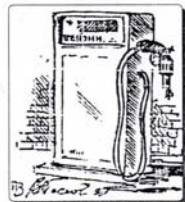
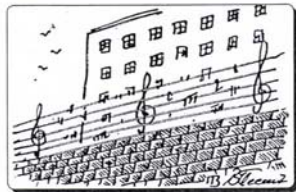

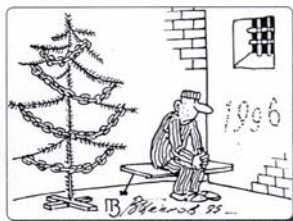
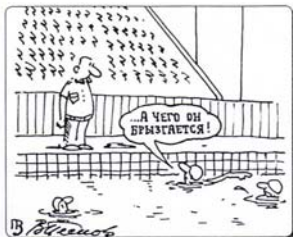

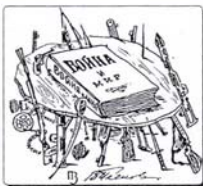

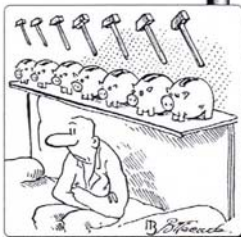

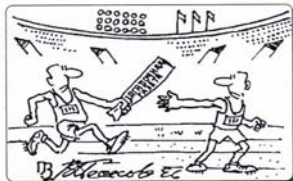
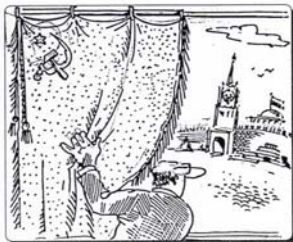

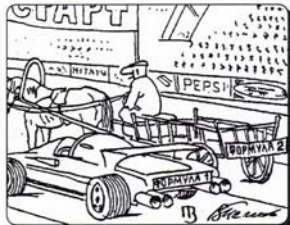

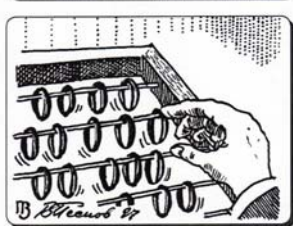

Деноминация приводит меня в полное замешательство. Придя из магазина, я в отчаянии заявляю, что ничего не понимаю ни в ценах, ни в долларах, ни в рублях, ни в нулях. Ты честно показал мне, привезя домой из аэропорта, как выглядят новые

купюры, но, когда я явилась с купленной колбасой, красноречиво посмотрел на оставшиеся деньги, велел сидеть дома и с пафосом заявил, что отныне будешь все покупать сам, — даже простейшей вещи доверять мне нельзя!

– Виталики дома нет, он ушел в магазин и, наверное, навсегда. Меня в магазины больше не пускают, но, кажется, это не от большой любви, а исключительно в материальных интересах, – объясняю я позвонившей Марине. Спустя несколько лет она опять стала общаться с нами. Ты предупредил ее о моем приезде, и вот она позвонила поприветствовать меня на родной земле. Когда я приезжала первые разы, она, занятая своими делами, и не звонила. Помню, я даже плакала – вот, приехала, а никому не нужна.

– Ты же ко мне приехала, – резонно объяснял ты тогда. – А у всех свои дела, свои семьи...

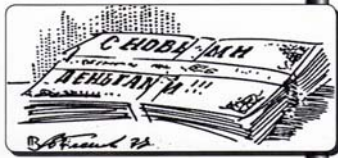

Когда-то давно именно Марина Сергиенко была очень близким тебе человеком, и часто молва приписывала ей совсем иную роль. Она не отнекивалась, с женским альтруизмом охраняя меня от шлейфа сплетен и болтовни. А я принимала эту помощь с каким-то юным эгоизмом, как будто так и надо, даже спасибо не говорила. Спасибо, Мариша! Но сколько же сейчас выпало на меня чужой ненависти! А ты же тогда с типично мужской честностью отвечал дамам, чтобы особо не рассчитывали

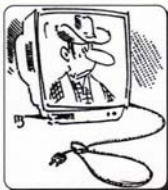
— есть Ира... В результате многие твои знакомые больше слышали обо мне, чем видели меня...

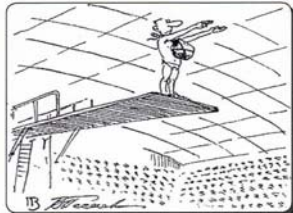
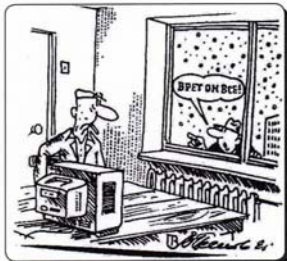
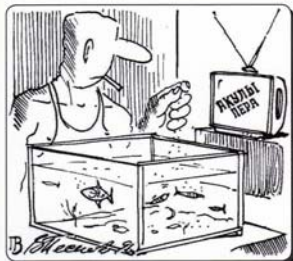
...Мы стояли на балконе восьмого этажа и смотрели вниз, на деревья. Было прохладно, ты накинул на меня свой пиджак.

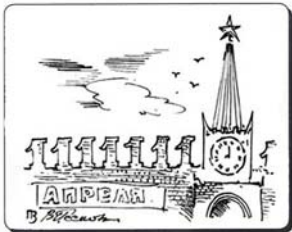
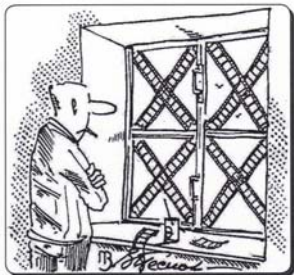
— Маразм какой-то. Я — художник с мировым именем, мои картины публикуют по всему миру. И не могу нормально обеспечить свою любимую, практически семью. Картинки публикуют, а гонорар не платят. Денег нет! А там тебе плохо, потому что ты без меня. И не знаю, как лучше. Но я сейчас выживаю только благодаря тебе. Я всегда знаю: кончатся мои рубли — я возьму доллары из твоего конвертика и куплю то, что надо. Мне даже стыдно бывает покупать что-то, когда рядом стоят нищие пенсионеры, и не только пенсионеры. Люди работают, но не получают зарплату... А я могу купить, что хочу... Ты не представляешь, как нас выручает твоя Америка. И лекарства, и одежда. И это тебе зачтется потомками! — заключил со смехом ты. Любой, даже серьезный разговор, ты всегда заключаешь своим заразительным смехом, не откликнуться на который невозможно.

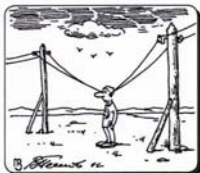

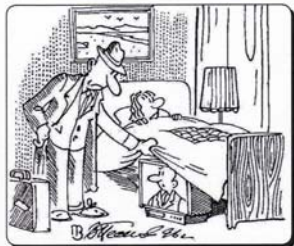
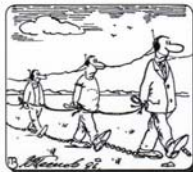

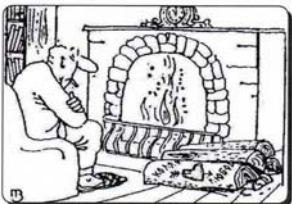
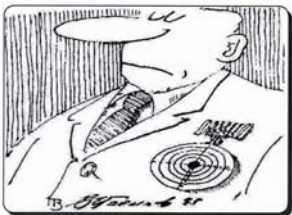

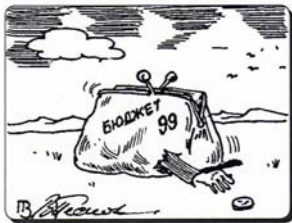

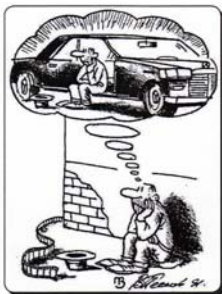
Потомками ничего мне не зачтется, и мы оба это знаем. Потомки и имени-то моего знать не будут. Только если в учебнике для художественных факультетов в главе про тебя будет опубликована наша совместная фотография с какого-нибудь столетнего твоего юбилея (к этому времени квартира, надеюсь, у нас будет) с подписью «В.В.Песков с женой». Но в следующих изданиях меня отрежут, останется только твой портрет – и уж он останется наверняка! А про эти наши страшные годы, когда мы вынуждены жить раздельно, кто из потомков узнает? Да и мы сами через несколько лет будем вспоминать их все меньше. А может, правильнее было бы жить в полной нищете, тесниться в твоей квартирке, но зато вместе? Кто это знает... Мы лишили нормального детства Витю, нормальной семьи – себя. Вите сказано было: хорошо выучить английский, он расстарался – учит даже различные языковые диалекты,

такое образование и в Америке расценивается как высший уровень, что же говорить про Москву. Да плюс приличный французский, да еще каким-то образом умудрился разобраться в испанском и итальянском. От тоски по родине и друзьям он заполнял Интернет анекдотами собственного сочинения: «Умер Билл Гейтс. Попал в ад. — Нет, ты ослепил человечество, весь мир работает в твоей программе. Тебе надо в рай». Полетел Билл Гейтс в рай. И — завис...», «Людоед: все-таки компьютер никогда не заменит человека», «Отчего он умер? — Так написано же: от семьи, от друзей, от коллег...» Да, мы лишили его нормального детства, но он получит хороший рабочий старт. И еще жилье, чего не было в юности у нас. Но оформлять регистрацию пока опасаемся — ждем Витюшиного совершеннолетия, когда его выпустят из моего паспорта. Особенно после истории, случившейся с его другом. Как-то вечером к Витюшину другу Коле пришел милиционер: «Знаешь такого-то? — и назвал имя его одноклассника. — Его задержали без документов. Надо, чтоб кто-то удостоверил личность. Он тебя назвал. А вы, мама, не волнуйтесь, через двадцать минут ваш ребенок вернется». Выручить друга — святое дело, и Коля ушел в милицию. Через двадцать минут он не вернулся, и еще через двадцать тоже, и еще через двадцать... В конце концов его мама, на ночь глядя, бросилась в отделение, благо близко. И там в «обезьяннике» обнаружила своего ребенка вместе с другими такого же возраста — мальчишек готовили к отправке в армию. От ужаса женщина начала орать: вы не имеете права, ему только 17 лет, он учится, я сообщу на телевидение!.. То ли милиционеры и впрямь испугались лишней огласки, то ли просто пожалели ее, но парня выпустили.

— Это ужас что в стране происходит! — делились они впечатлениями от пережитого. — При Ельцине было полное беззаконие, никто ничего не делал, а теперь, при Путине, — беззаконие в другую сторону! Они порядок так наводят!

Так что с регистрацией мы решили обождать — уже недолго осталось. И мы усиленно готовим собственную старость: квартира на зиму, дача на лето — ей-богу, ничего больше и не надо. Было бы чем заполнить холодильник, а он уже есть.

Через много времени, уже оставшись без тебя, я, «гуляя» по Интернету, найду там статью Аллы Боссарт на твою смерть. Привлеченная твоим именем, прочитаю. Статья очень теплая, очень дружественная, и я пошлю ей благодарность за добрые слова о тебе. Не знаю, дошла ли моя «интернетовская» благодарность до нее, да и нужна ли она ей. Но там, в этих добрых словах, я прочитаю, что последние годы ты жил аскетично... Может быть, так казалось из-за крохотности квартирки? Лишнего у нас не было, это правда, там бы просто ничего больше не поместилось. Но за время моего американского заточения мы впервые почувствовали себя с капиталом: ты купил автомобиль – беленький «жигуленок», посуду и всю кухонную утварь я присылала и привозила из Нью-Йорка, потом приобрели ксерокс и факс – они нужны были тебе для работы. Ксерокс – чтобы не рисовать дубликаты картинок. Факс – чтобы рассылать их, не выходя из дома. Чтобы Надя могла тебя возить на машине, мы оплатили ей курсы по вождению – я была категорически против, чтобы ты садился за руль. Конечно, что-то ломалось, портилось. У кухонного стола начнет шататься ножка, а сиденье стула, на который мы складывали сумки, станет проваливаться. Но ты на это скажешь: пока пусть стоит, потом выбросим – в новую квартиру не поедет! И строительство дачи продвигалось. Копим деньги на квартиру – то, что стояло в списке под первым номером, оказалось, как это часто бывает, в самом конце. А сколько раз ты будешь повторять: «У меня

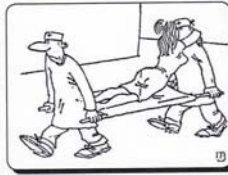
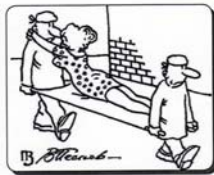
впервые есть все необходимое!». Может быть, подобное ощущение аскетичности складывалось из-за другого – была тоска, тяжелая, иссушающая тоска... И одиночество. И перекрыть все это было невозможно даже частыми моими приездами – для нас они все равно были редкими. Уже обычным стало мое телефонное нытье:

– Не могу больше, куда ни помотришь – везде сплошная Америка. И Витя сказал: если он не уедет сейчас из этой страны, то покончит с собой.

И твое, тоже обычное:

– Приезжай. Заказывай билеты. Фиг с ними, с деньгами, еще заработаю.

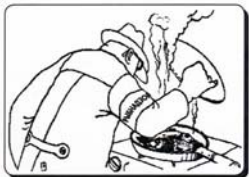
Так ты рисовал до приобретения ксерокса:

После Америки ты собираешься посадить меня дома – ни копейки больше зарабатывать не буду, перейду на твое содержание, буду учиться готовить... А вязание и штопанье ты к старости немножко освоила, издевательски резюмируешь ты.

не было; я дернулась к телефону, и пачка высыпалась прямо над кастрюлей. Ну и что? Мы съели и так, а остальное выбросили. Но ты просто издеваешься: гляди-ка, – говоришь ты, весело прищуриваясь и уплетая плоды моих стараний, – борщ не пересален; и картошка

Просто у тебя хорошая память и ты помнишь, как в молодости мы часами просиживали за игрой «Эрудит», которую ты называл на американский манер «скрзбл», – не виновата же я, что у нас в это время в сковородке все подгорало, а в кастрюле – переваривалось. Правда, не так давно я засыпала в суп слишком много вермишели – в самый ответственный момент позвонила моя подружка, а тебя дома

доварена; а рыбу пора выключать, она у тебя сейчас подгорит!

Ты смеялся всегда над всем и над всеми. В первую очередь – над собой, потом – над мной, и лишь совсем потом – надо всем остальным миром. Смех возникал спонтанно, вдруг, посреди обычных разговоров и быта. Мои резкие перемещения в географии и времени тоже рождали массу шуток.

В ноябре в Нью-Йорке еще теплая звонкая осень, а Москва уже застыла в ожидании заморозков. Промаявшись первые сутки в обычной восьмичасовой разнице, я, не давая тебе покоя всю ночь, вставала к холодильнику то ли ужинать, то ли завтракать, а чуть зобрезжило утро, обомлела от московской красоты – крыши за окном белели от первого снега:

– Виталька, смотри, снег выпал!

Ты повернулся на другой бок, послушно устался в стекло балконной двери:

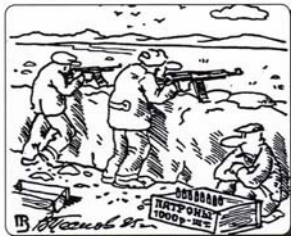
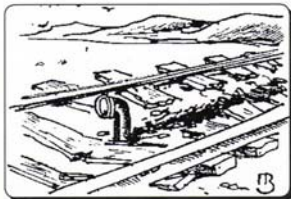
– Черт-те что... Холодно... И снег... И жена из Африки... – и повернулся спать дальше.

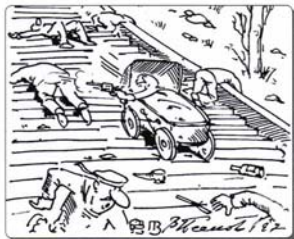
Сколько раз думалось в честь моего очередного приезда собрать гостей, прежнюю нашу компанию. И передумывалось: хорошо было одним – я возилась на кухне, убирала, что-то мыла и заготавливала впрок насколько можно продукты, забивала морозильную камеру. Когда-то давно наша будущая семейная жизнь представлялась скучной – стирка, готовка... А ты радовался этойкой полузанятости и объяснял мне, что гулянки не кончатся ни-

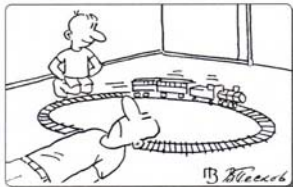
когда, потому что, оказывается, на женщин ты смотришь исключительно как художник, тебе это просто необходимо исключительно для работы – ни для чего другого. И я, посмеиваясь, кивала: еще не хватало мне влезать в твои похождения! А вот теперь, спустя годы, осознали, что эта скучная семейная жизнь – и есть наше самое большое и самое обыкновенное счастье. Мы смотрели телевизор и просто трепались – ни о чем и обо всем. И ты рисовал. Не было события, на которое ты бы не откликнулся. А ведь это значит – через все проходить твоей болью. За что, почему Господь дал столько страданий твоему сердцу? И что это – кара или дар?

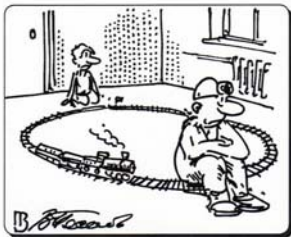
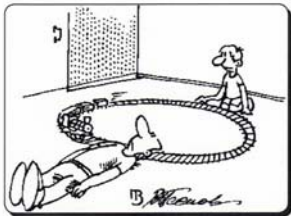
«Взгляд Виталия Пескова» – постоянные рубрики газет и журналов. Не важно, что именно становится темой: очередная смена очередного министра, приезд зарубежной делегации, юбилей известного поэта или артиста, ввоз ядерных отходов в страну, реформы, указы, призыв в армию, преступность, война в Чечне...

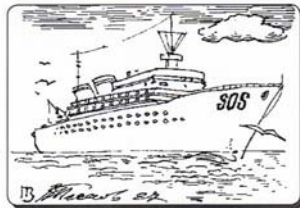
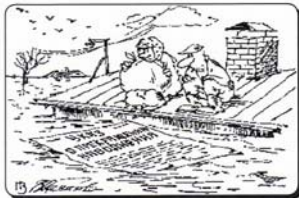

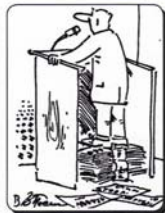
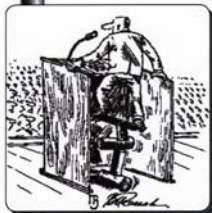
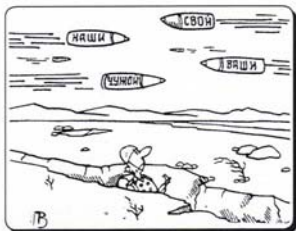
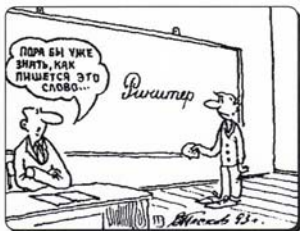

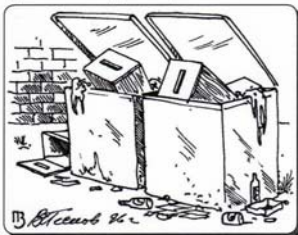

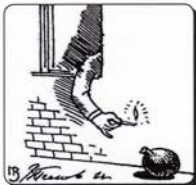

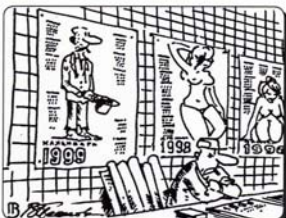
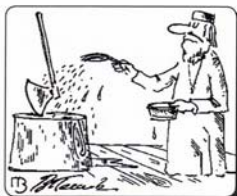

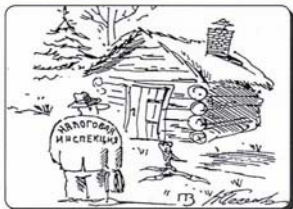
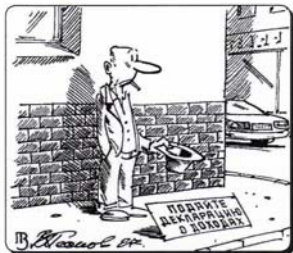

Ты как бы наблюдаешь за происходящим – иронично, лукаво и... сочувственно. Помню, телевизор готовил нас к очередным демократическим выборам, показывая, как выглядит бюллетень и в какой графе ставить галочку. Особенно долго объяснялась демократичность последнего пункта: против всех. Вечером, ложась спать, ты неожиданно объявил новый пункт: за всех. Ну, как не расхохотаться!

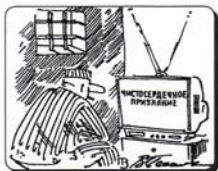

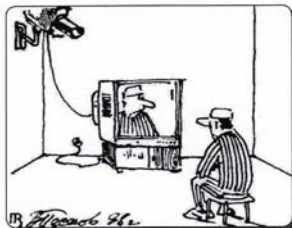
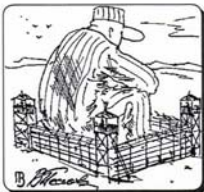

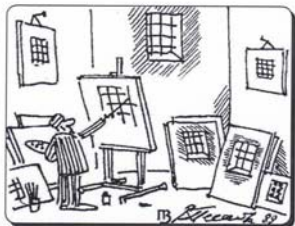

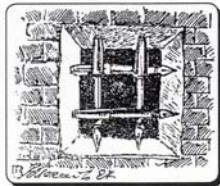

Жизнь действительно стремительно меняется – давно исчез с политической трибуны «премьер-оратор» Черномырдин, навсегда оставших в истории лишь великими фразами: «Хотели как лучше, а получилось как всегда», «Какую партию ни создаем – все получается КПСС», закатились звезды и последующих деятелей. Выбор остановился на чиновнике из вечно живых органов, тут же принесшего с собой незатейливую идею возвращения советского хорошо забытого старого.

В теленовостях рассказали про семью одного моряка с утонувшей подлодки «Курск». Подлодка погибла, потому что совершенно не была готова к нежданно свалившемуся на нее выходу в плавание. А вместе с ней ушли несколько десятков человек. (Ухмылочка: «Она утонула!») Все семи погибших получили помощь, и вдруг, спустя время, выяснилось, что у одного матросика осталась семья – жена и грудной ребенок. Брак не был зарегистрирован, и если б не соседи, написавшие на телевидение, ни о матросике, ни о его семье и не вспомнили б. Материальную помощь, положенную ей, уже получили другие родственники паренка. Телевизор показал деревенский домик, где со своими родителями и малышом жила юная вдова-мадонна, растерянная и от внимания телеоператоров, и от свалившегося горя. Чиновники поглавнее обязали чиновников помельче окружить заботой несчастные семьи. К кому попала положенная компенсация, – никому не интересно, как и неинтересно было узнать, где и как жил погибший на «Курске» паренек. Главное – отпаротовать президенту о проделанной работе, как раньше рапортовали партии и правительству.

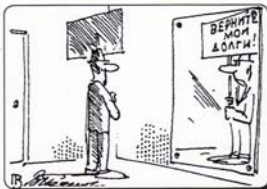
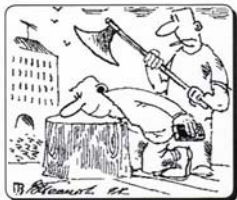

– Ничего в этой жизни не меняется, даже погода. – Ты выключил телевизор.

Причем тут погода? Смешно. И грустно.

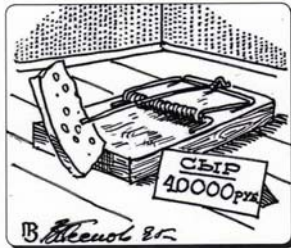
Сальери не подсыпал Моцарту отраву, – сердито объявила я после одного телефонного разговора, разозлившего тебя. Яд – оружие властителей и сильных мира сего. А вот когда Моцарт умер, тут-то и наступил час Сальери. Не он же придумал похоронить своего гениального друга в общей могиле – так уж случилось, а его, Сальери, дело было всего-то не вмешаться, не потребовать памятника и памяти: просто блаженно развести руки в стороны да тяжело вздохнуть, скорбно закатила глаза. А травить ядом – зачем? Есть так много способов мелких травлений с благородными порывами. Можно отпустить смехи вслед, ехидные колкости в компаниях с приятелями, предавать маленькими паскудствами, рассказывать гадости любимой... Да мало ли законных способов убийства гениальности!

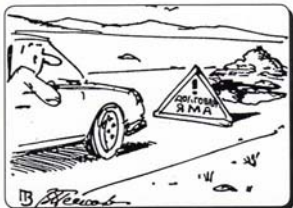

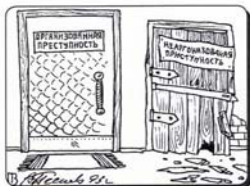

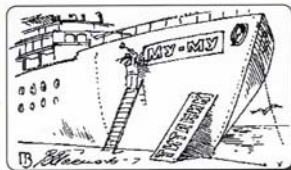
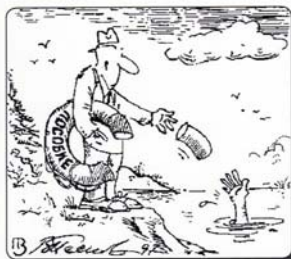
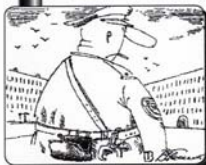

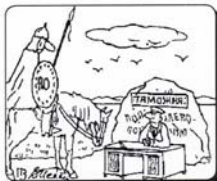

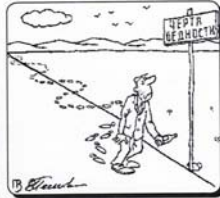
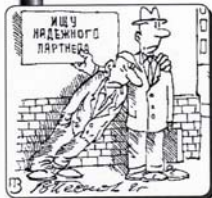

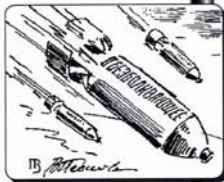
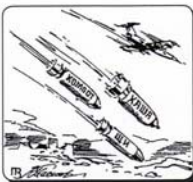
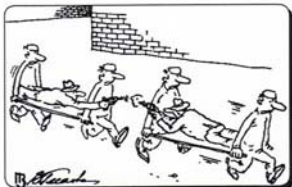

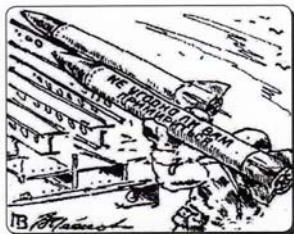
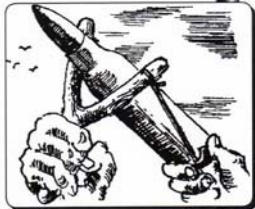

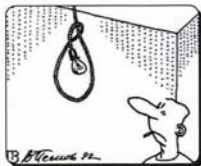
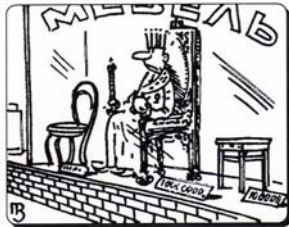
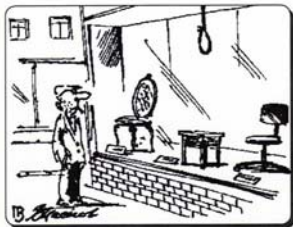

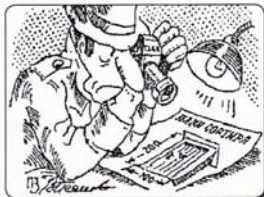
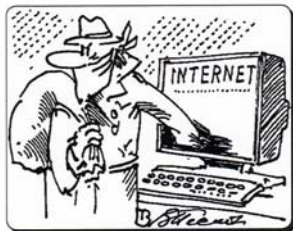
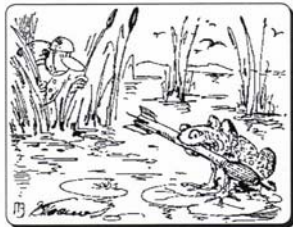

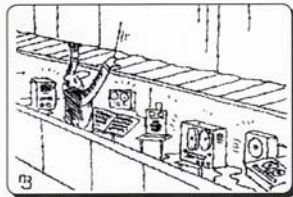
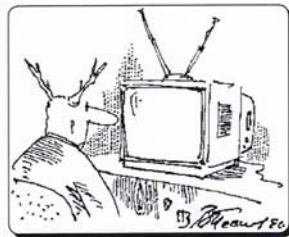
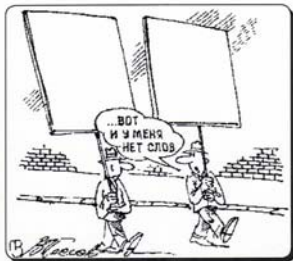

Нет, Сальери не подсыпал Моцарту яд, — вдохновенно, ни с того ни с сего заявляю я.

Любой нормальный человек, вдруг услышав это, тут же правильно решит: совсем с ума сошла, при чем тут Моцарт и Сальери — тут своих дел невпроворот! Ты же поднимаешь в этих случаях на меня глаза, в которых уже блещут искорки смеха, и суешь в рот палец, как бы показывая, что принимаешь самую что

ни на есть задумчивую позу. Иногда выспрашиваешь: а что это вдруг меня осенило? А по глазам, только что смеющимся и как бы ушедшим в себя, вижу — рождается новая картинка. Она еще не проявилась, она только зарождается, твой очередной маленький шедевр. Мое дело — не мешать, спинуть в кухню. Лишь потом, когда она окончательно созреет, сядешь рисовать. Раньше ты придумывал и рисовал свои картинки, не обращая никакого внимания на посторонних. Но в последнее время, когда стал больше уставать, тебе легче рисуется одному. Чмокнув меня в нос или лоб — что подвернется, ты ласково говоришь:

— Топай на кухню. И все твоё хозяйство возьми с собой: ножницы, картинки, пакетики, отбери сама, чего там у тебя нет. Да, и телефон прихвати.

Через несколько минут сам вбежишь ко мне в кухню и, заразительно смеясь, расскажешь о новом сожете и выбежишь рисовать.

Тут уж мое присутствие не возбраняется. Не всегда ты рисуешь сразу, как только картинка придумалась. Обычно темы придуманных картинок ты записываешь на листке бумаги. Получается список, в котором далеко не все ты используешь, отбираешь строго. Отработанная тема вычеркивается, когда картинка готова. Листочек с очередными заготовками-темами лежит на подоконнике возле стола – стол один: он же обеденный, он же твой рабочий. Моя мечта – выделить тебе в будущей квартире одну комнату под кабинет, но оба мы знаем, что квартиру с отдельным кабинетом не потянем. Но вот ты садишься рисовать, протягиваешь руку за листочком с темами, и начинается отбор. После чего листочек обычно теряется, правда, ненадолго.

– Ну, куда ты его дела? – ворчишь ты.

– Виташа, я даже не подходила туда.

– Да знаю, что не подходила, поэтому и ругаю тебя. Знаешь, как тебе пару недель назад попало, когда тоже листок потерялся?

Пару недель назад я еще была в Нью-Йорке, но это не имеет значения. Наконец листок я обнаружила на секретере, среди конвертов, куда я складываю отобранные картинки.

– Этот, Виталик?

– Вот он, конечно. А то наставила тут тарелок.

То, что тарелки на столе, а листок с темами оказался на полке, в данном случае тоже абсолютно не важно. Я и не обращаю на это внимания. Рисуешь ты всегда с удовольствием, горишь очередной картинкой. И одновременно подставляешь мне щеку с приставленным указательным пальцем правой руки: мол, целовать сюда (левой ты рисуешь) – чтоб не обижалась. Какие обиды? Время обид уже давно ушло, я уже давно превратилась в продолжение твоих рук, ног и всего, что там у тебя есть.

Но критический отбор на этом не завершается. Дальше вступаю в свои права я. Моя область – уже отработанное и даже опубликованное. Я распределяю по разным конвертикам и складываю в чемодан то, с чем предполагается работать дальше – уже в Америке. Основная база – хоть и временная – у нас в Нью-Йорке, где я уже спокойно, с толком и расстановкой, произвожу доскональный от-

бор твоих рисунков. Иногда ты провернешь, что я забираю:

– Это – ерунда. Зачем ты отобрала?.. Ну ладно, пусть, раз некоторым нравится. Это – тоже ерунда...

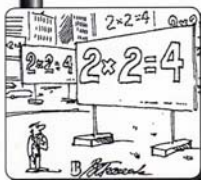
– Стоп, стоп! – возражаю я. – Как это «ерунда»!

Помнится, таким образом в «любимый» конвертик перешел не один рисунок. Так было с картинкой «Волка ноги кормят». Этого волка кормили свиные ноги, которыми он успешно торговал на рынке. Не было здесь никакой социально-философской направленности, высокой символики, но картинка мне показалась просто смешной. Как ты это придумывал?..

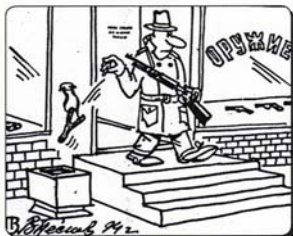

Часто какие-то несуразности в американском и нашем восприятии обыденных вроде бы вещей рождали и несуразности твоих маленьких шедевров. Но ты никогда не рисовал «с чужих слов», ты все как бы прорабатывал в себе, по-своему. Из каждого разговора что-то откладывалось, чтобы потом вырасти в какой-то совершенно удивительный, поражающий своей простотой и высочайшей символическостью пласт.

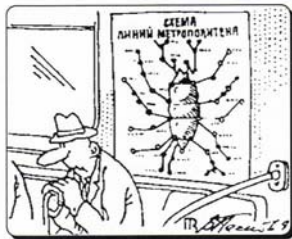
Мой сын позвонил мне на работу. Голос взволнованный:

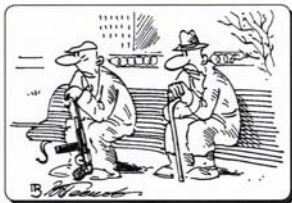
– От Пети пришло сообщение по Интернету! У дяди Виталика был инфаркт!

Ты велел друзьям не говорить мне, не волновать. Они и не сказали. Как будто я ничего не понимаю, не чувствую. Да и какие это друзья... Если что и сказали, то так... Не хочу об этом... Ты потом опять скажешь: «Не слушай никого! Меня слушай! А эти нарасскажут!.. Двадцать лет тебе повторяю!». В общем, только Петюша внял моим мольбам и, несмотря на твой запрет, счел нужным сказать.

...В Нью-Йорке еще всю светит солнце, а в Москве в ноябре уже лежит снег.

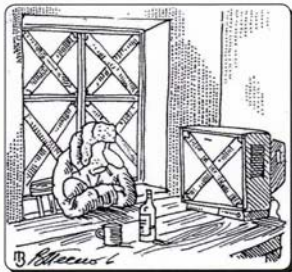
Я достаю привезенные из Нью-Йорка лекарства, смотрю выписанные рецепты. В холодильнике – кастрюля с супом; слава богу, значит, Надя недавно поедала. Часто бывать у тебя ей некогда, она устроилась на нормальную работу. Надя тебе понравилась: русская, родившаяся, кажется, в Подмоскowie, она взяла еврейскую фамилию умершего мужа. Выбрать еврейскую фамилию в антисемитском государстве под силу не каждому.

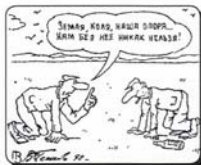

Ты очень устал – от зависти, от презрительно-насмешливых гримас – расплата за уникальность, за талант, за то, что не такой, как все, из другого мира: такой великий, а устроиваться не умеешь. Потому и великий. Как будто ты сам присвоил себе этот дар. «Нас мало избранных, пренебрегающих презренной пользой», – это Пушкин. Это – про вас. Сколько художников и сколько раз просили тебя о помощи, ты не

отказывал никогда. За пару-тройку часов иллюстрации к чужой книге были придуманы. Ты фонтанировал темами, идеями, словно брал их из воздуха, из ничего, из ниоткуда, соединял – и возникал рисунок. «У меня идей хватит на всех», – горько смеялся ты. Тебе давно уже куда комфортнее было в компании простых выпивох, те не понимали тебя – и не надо. Они были просты и естественны в своем невежестве, как ты – в гениальности.

И ты все больше погружался в скорлупу одиночества, не входя в чужие интриги, не вмешиваясь в карьерные и чиновные ристалища, отгородясь от всех и не допуская никого в свою жизнь.

Прибежав из аптеки с новой порцией лекарств, сажусь за сортировку рисунков – новая кипа бумаг уже дожидается меня. Последнее время карикатуры ты все больше скидываешь на меня. Твои носатые человечки как-то постепенно изменились, погрустнели, что ли... Или помудрели... И вот уже я решаю их дальнейшую судьбу, расфасовывая по конвертикам, отбирая самые значимые – те, которым предстоит войти в твою книгу: время каких-то осталось позади – настала иная пора, а жизнь других продолжится в новых публикациях... Какие-то «отыгранные» картинки я привожу или присылаю с оказиями из Нью-Йорка обратно, в Москву, ты их даже не разбираешь сам – ждешь моего очередного приезда. Твой «носатик» в последние годы стал заедлым путешественником, постоянно совершая авиарейсы Москва – Нью-Йорк. Иногда нам помогает твой сын – передает рисунки мне по Интернету. Ты же одержим другими работами, совершенно иными, где символика переплетается с реалиями

и выступают новые миры – фантастические, неизведанные. «Другой Песков!» Настала новая пора – пора новых твоих картин. Их даже не назывешь привычным словом «картинки», которым ты обычно определял свои работы. Ты хотел сделать выставку новых рисунков и готовился к этому серьезно. Впрочем, до этой выставки времени еще много. Впереди ждала операция.

Рассортировав очередных «носатиков», пытаюсь вывести тебя на прогулку.

– Давай вокруг дома походим, я же с тобой буду.

– Ладно, – нехотя соглашаешься ты, понимая, что все равно не откажусь. – Новости только досмотрим.

Резко выключается свет, а с ним вместе и телевизор. Соседи высыпают в коридор.

– А-а, Ира приехала! Здравствуйте, здравствуйте! А что случилось? Нельзя ли починить?

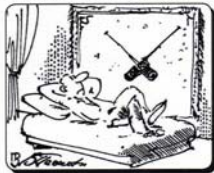
Сосед Володя в тусклом сиянии свечей и фонариков объясняет, что когда несколько лет назад в подъезде был пожар (очевидно, как раз тогда, когда мы вечером приехали – не работал электрический код, и мы с трудом попали в дом), были поставлены какие-то другие пробки, и эти пробки в каком-то другом месте. Найти их может только специальная бригада, которую уже вызвали... Откуда-то из темноты возникают еще голоса:

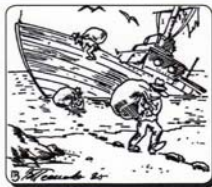
– Ирочка приехала!

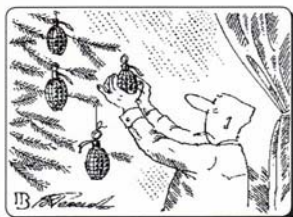
– Это я вам из Нью-Йорка теракт привезла!

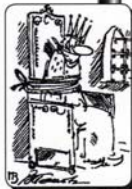
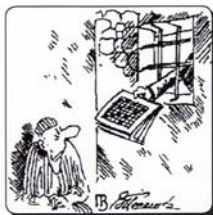
– У нас и без Нью-Йорка хватает, нам и привозить не надо! Довно, надолго?

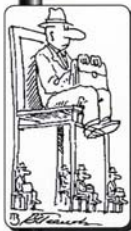
Постояли на лестнице, поговорили при свечах и в бликах зажженных спичек, разошлись по квартирам – ждать, когда починят электричество. Погулять мы так и не вышли – как там в темноте, на ощупь, одеваться.

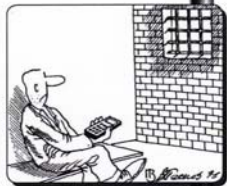

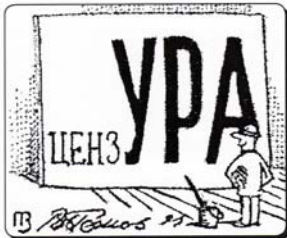

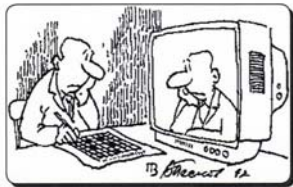

О чем мы говорили тогда, в том, последнем нашем долгом разговоре – не по телефону? Обо всем. О даче, которая уже достроена, и летом, после твоей операции, будем жить там, на нашей даче. Что это значит для нас, могут понять только те, кто, как и мы, долго не имел собственного угла. О новой квартире, на которую все не наскребем денег, но что-то уже отложено, и маклер Костя подыскивает нам жилье. О том участковом милиционере, который водил тебя чуть не за ручку, чтобы прописать в эту квартирку много лет назад. О том, что мы с тобой вместе уже почти двадцать пять лет. И нет у меня в жизни никого ближе тебя, а у тебя – ближе меня. Сколько всего было за это время... И никакая Америка не смогла нас разлучить.

Мы так и сидели в темноте, я слушала тебя... Как ты пошел за продуктами пару недель назад, и вдруг начался приступ. Ты сидел на ступеньках у магазина «Марина», в котором мы так часто бывали, и просил, чтобы хоть кто-то помог добраться до дома. Но никто даже не дослушивал. Ты пытался объяснить, что не пьяный, что у тебя сердечный приступ – хотя какое это на самом деле имеет значение, если

человеку плохо. Но никто не смотрел на тебя. Рядом газетный киоск, и люди покупали газеты и журналы с твоими рисунками, сборники кроссвордов и анекдотов, которые ты оформлял своими карикатурами, и проходили мимо тебя. Постепенно приступ утих, ты дошел до дома. Дома тоже пустота. Мои кроссворды и телевизор – «рыбий глаз» во весь экран как символ времени.

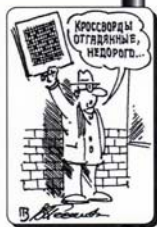

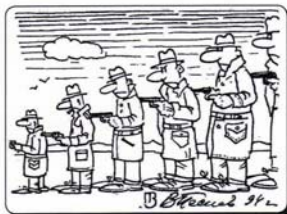
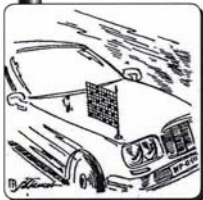

— Виташ, наверное, мне лучше остаться с тобой...

— Я уже думал об этом. Но ты же не кардиолог. Вот врач-кардиолог — за стенкой живет, только что он сделать может... Надя иногда зашккивает, готовит. А потом я же, чуть что, сразу «скорую» вызываю. Ты из Америки все-таки доллары привозишь. Ты же сама хочешь сунуть меня на операцию! Где взять деньги! Кто еще мне даст?..

Больше никто не даст, я это понимаю — мы зависим сейчас от моих заработков. «Литературная газета», в каждом номере публикующая твои рисунки, увы, давно неплатежеспособна. А «Криминальная хроника» и «Загадочная газета» с твоими карикатурами выходят лишь раз в месяц.

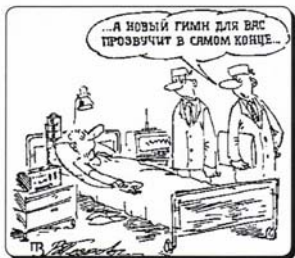
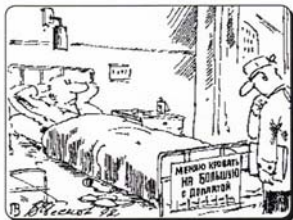

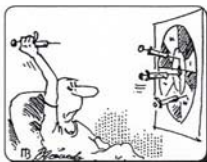
Да и нет у тебя сейчас сил много рисовать. Предложения поступают, но надо готовиться к операции.

— Лобков уже договорился в клинике, там сказали, что примут тебя в любой момент, без очереди.

— Знаю, ты говорила. Но без денег все равно ничего делать не будут. Вот когда приедешь с деньгами, тогда будем говорить. Тебе же сказали врачи: время есть, торопиться не надо.

На самом деле ты отодвигаешь время операции, и я с тобой на эту тему стараюсь не говорить вообще. Сама общу с Борисом Марковичем ближе к весне. Раз он договорился, можно не перепроверять. Заранее даже предупредить тебя не буду, чтоб не нервничал напрасно. В мае, когда приеду, просто увезу тебя — и все. Ты не вмешивался, но знал, что я договариваюсь. Ты просто поверил мне.

Свет в конце концов в доме появился – неожиданно заработал телевизор. Мы и забыли, что он включен.

Пока вожусь на кухне, раздаётся телефонный звонок. Слышу твой голос:

– А она сейчас в Москве, как раз здесь. Так что правильно позвонили! Учуяли!

Это Аня, моя подруга. Она и не знала, что я в Москве. Просто позвонила тебе – узнать обо мне.

– Ты давно в Москве? И даже не позвонила? С Витей? Ну хоть в гости заезжайте. И Виталика берите.

– Виталик болеет, он почти не выходит. Я с ним стараюсь быть...

Ты поднимаешь голову:

– Поезжай в гости, конечно. Что тебе все время сидеть дома? Я же без тебя неделями живу, месяцы даже. На один-то вечер поезжай, хоть развеешься. Хоть завтра. Только возвращайся пораньше, чтоб я тебя поздно не встречал.

Так и решили. Договорились, что я оттуда позвоню.

Звонить тебе стала сразу. Длинные гудки. Господи, да что же еще такое? Вроде все нормально было! И тут же набираю номер справочной службы «Скорой помощи».

– Да, есть такой, – слышу в телефонной трубке. – Доставлен в больницу... Только что сведения появились.

Так и проводим время в гостях: я – за телефоном, хозяева – за столом.

Утром собираюсь в больницу. Уже буквально в дверях меня застает телефонный звонок.

– Это Ирина Ефимовна? Вы не волнуйтесь, пожалуйста, я звоню из больницы по просьбе Виталия Викторовича. Он в больнице.

– Я уже знаю. Как раз еду к нему. А вы кто?

– Я – врач. Я дежурный врач. Он в реанимации. Вас к нему не пустят. Но он все равно обрадуется, что вы приедете. Он сказал, что вы скоро уезжаете, и просил главного врача, чтобы вас к нему пропустили.

– А вы можете помочь, чтобы пропустили меня к нему?

– Я не могу. Я не главный врач. Значит, вы сейчас едете к нему?

– Да, прямо сейчас. Я уже выхожу.

К тебе меня действительно не пускают. Но уносят все, что я приношу, а от тебя приносят записку. Слосик дел... Позвонить в «Литгазету». Дома на подоконнике рисунки для книги Жени Обухова. Эта книга оказалась твоей последней. Ты не успеешь ее увидеть, и авторские экземпляры Женя перешлет уже мне в Америку... Съездить в налоговую инспекцию не успею. Позвоню и скажу, что приеду в мае. Там ерунда: взяли еще за прошлый год лишние деньги. Но деньги эти копеечные. Нормальные люди во всем мире стараются недоплатить налоги, мы же переплатили. В поликлинику тоже не попаду – требуются еще какие-то документы, надо выяснить, что им надо; но занести не сумею. Какие-то твои бумаги относил туда соседка Ира, – может, еще раз поможет... И маленького Димку, только что родившегося твоего внука, не успели увидеть. А ведь я хотела уговорить тебя поехать... Опять – не успели, вот так все у нас...

В «Литгазету» звоню прямо из больницы. Павел Феликсович Хмара уже узнает мой голос с первого же слова.

– Опять в Москве?

– Да. Кажется, у меня сейчас самый частый вид транспорта – это самолет.

– Как там Вагрич? Привет ему от «Литгазеты», – как обычно, говорит он. И я, как обычно, обещаю передать.

Когда-то очень давно, впервые увидев меня, Павел Феликсович сурово поглядел в мою сторону, словно пронизывая насквозь опытным взглядом летчика: мол, кто это тут возле нашего Пескова? От этого взгляда хотелось убежать, залезть под кровать и укрыться одеялом. И ты схватил меня за руку, как будто я, действительно, могла убежать.

– Не обращай внимания, – успокаивал потом ты. – Меня тут любят, смотрят, кто это со мной...

Теперь, через много лет, Павел Феликсович Хмара со мною нежен и явно симпатизирует, а когда я забегаяю в «Литературную газету», загодя готовит пропуск на мою фамилию – помнит...

Наконец врач, заведующий, принимает меня: сегодня меня к тебе не пустят, но завтра разрешил приехать к двенадцати дня. Это время непрямое, но по благу меня к тебе пропустят. Состояние твое, с его слов, вполне нормальное. «Если ухудшений не будет, а судя по всему, их не должно быть, – сказал он, – завтра переведу его из реанимации в обычную палату. И думаю, скоро домой отпущу. Знакомлюсь с анализами и кардиограммами – и скажу подробности, – заключил он. – Завтра к двенадцати приезжайте – ваш муж очень хочет увидеться с вами, вы же должны уезжать».

К двенадцати дня я уже в больнице. Какие-то нянечки и гардеробщицы уже в курсе, что мне сегодня разрешат пройти в неурочное время.

– В Америке, значит, работаете? Там, говорят, сейчас много наших?

– Много.

– А в теракте 11 сентября наши тоже погибли?

– Также. Там много наших.

Имелся в виду теракт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, недавно, пару месяцев назад, произошедший.

– Вы, небось, тысячу десять получаете долларов?

Тысяч десять? А-а, понимаю я, в Америке принято называть сумму годового заработка, вот и у нас уже переняли эту традицию.

— Тысяч десять, спрашиваю, в месяц?

В месяц?! Я даже не нахожу, что на это ответить! Совсем, что ли, наш народ с ума сошел от цифр?

Но вот мне уже называют этаж и палату, где ты меня ждешь.

— Уже жду, уже предупредили, что есть одна — всю больницу на ноги подняла. Принесла чего? — ты встаешь мне навстречу и, поцеловав, берешь сумку.

— Принесла чего, — отвечаю в тон.

— Это хорошо, белье, сырки, Акунин — это я еще не читал, курга — это правильно, мандаринчики... Но я еще вчерашнее не съел, куда столько? Завтра улетаешь?

— Завтра улетаю. Поэтому и принесла побольше.

— Знаешь, что забыла? Сразу видно, что баба! Бритву!

Бритва так и осталась в ванной на полочке — твой «жиллетт», к которому я из Америки привожу лезвия. Почему-то в Москве дополнительных лезвий нет или они не годятся.

— О Господи! Сейчас в аптеке куплю одноразовые и передам медсестре внизу. Во второй раз меня к тебе уже не пустят.

— Кто-нибудь звонил?

— Тебе привел от всей «Литгазеты», с Хмарой говорила, Обухов сам болеет. Рисунки ему подготовлены, на столе, на углу — сразу увидишь.

— Петьке звонила?

— Звонила, он весь в делах... Оставила тебе на столе записку: что успела, чего не успела. В морозилке жареная рыба и все остальное. В общем, найдешь. Держи ключи. Домофон после аварии не работает до сих пор. Дверь открывается только с внутренней стороны. Хорошо, соседи меня увидели, открыли. Из больницы тебя заберет Марина — я оставила ей деньги.

В палате с тобой еще три человека вполне интеллигентного вида. Да и больница чистая, вполне приличная. Не то, что прошлая, куда мы попали по «скорой» два с половиной месяца назад.

Тогда ты собирался на телевидение, но

опять кольнуло сердце. Думал — полежишь, пройдет. Вроде бы действительно стало лучше, но на съемку ты уже не попадаешь. Я сама отвожу твои рисунки. Приступ не утихает, к вечеру я стучусь к соседу Жене — врачу-кардиологу. Его диагноз уже готов: надо ложиться в больницу, завтра же он ждет нас в приемном отделении. Но и к ночи легче не становится, и я решаю: вызываем «скорую». Ты привычно ложишься в машину, а я так же привычно сажусь рядом. Беру тебя за руку. Но тебе, видно, неудобно, и ты выдергиваешь руку. Получилось резко, и я удивленно поднимаю на тебя глаза. Ты тоже не ожидал такой резкости и сам протягиваешь мне руку. Но теперь я боюсь за нее взяться. Эта секундная игра у нас обоих вызывает улыбку. Ты хмыкнул, и я успокаиваюсь: раз смеешься — значит, приступ проходит.

Машина «Скорой помощи» мчится по ночной Москве. Куда, в какую больницу нас везут, мы так и не поняли. Наконец прибыли. В коридорах — тишина. Все спят. По-хозяйски проходят только дворовая серая кошка, оставляя на линолеуме следы маленьких лапок — только что прошел дождь.

— Ждите здесь, — командует нянечка и куда-то исчезает.

Мы ждем. Ждем долго.

— Вот Маринка, когда везла меня в больницу, сразу там сказала: спасайте лучшего карикатуриста мира! — назидательно поучаешь ты меня.

— Ну и что? Помогло?

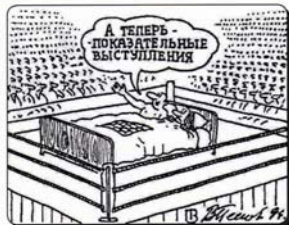
— Нет, конечно!

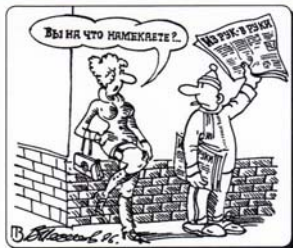
Марина отвезила тебя в больницу 1 апреля. Ты зашел к ней после открытия ежегодной Первоапрельской выставки карикатуры, в которой по традиции принял участие. Насколько первые постановки были интересны, талантливы, настолько в последние годы апофеозом юмора стали голые задницы, униаты и расставленные женские ножки. Эта пошлость и безвкусица последние лет тебя угнетали. Ты никогда не был лицемером в темах, считая главным мысль, идею, стоящую за выбранным сюжетом. Помнится, к Олимпиаде 1980-го, проходящей в Москве, ты придумал собственную эмблему — глядя на потуги советского правительства по превращению захламленного, захарканного, вонючего (мусорные бачки во дворах не вы-

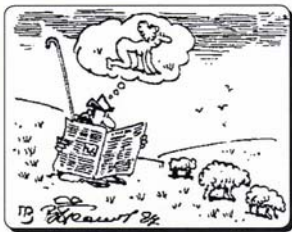
возились по несколько дней) города, многие жители которого томзились в коммуналках, а уж про продукты и товары вообще говорить не приходилось – магазины ломились от многочисленных очередей... К Олимпиаде решено было всех политически неблагонадежных выселить за 101-й км (особо неблагонадежные, как известно, были отправлены в Горький), завезти в магазины товары из всех остальных уголков страны, всех пожилых продавщиц заменить на молодых, пригнанных из других городков, и выдать каждой по калькулятору – юные провинциалки, стоявшие за прилавком, привыкли к счетам и понятия не имели, как пользоваться новомодной техникой, их учили покупатели-инженеры из магазинных очередей. Власти старательно выстраивали традиционную российскую «потемкинскую деревню», а Москва в их старании очень напоминала старую кокошку, решившую тряхнуть старинную и выйти на промысел. Ты не замедлил откликнуться карикатурой: пять колец Олимпиады в твоей эмблеме помещались в самом, можно сказать, интимном дамском месте... И не было в этом рисунке ни пошлости, ни скабрёзности. Конечно, по тем временам такую картинку публиковать было нельзя. Ты и не публиковал, рисовал ее для знакомых. У нас ее не оказалось. Может, у кого-то из приятелей еще сохранилась... Любая тема могла быть и умной, и тонкой. Тебя раздражало современное дурновкусие, отсутствие мысли в работах и образованности их авторов – этим теперь пестрела некогда элитарная Первоапрельская выставка. Как ни парадоксально, годы ельцинской свободы привели к исчезновению элитарности в искусстве.

Вот в таком настроении ты ушел один с открытия выставки и по дороге заглянул к нашей давнишней приятельнице Марине Сергиенко – у нее всегда было что выпить.

– Понимаешь, – оправдывалась передо мной та по телефону, – я совершенно не предполагала, что ему настолько нельзя пить...

– Нельзя! Ни пить, ни волноваться! – орала на нее из Нью-Йорка, больше злясь на себя: вот сижу в этой проклятой Америке и все никак не заработаю всех денег – образуются какие-то дыры, которые нужно срочно латать. Хорошо, что Марина поехала в больницу с тобой.

Я тоже, приехав с тобой в больницу в этот раз, сказала бы: немедленно вызвать лучшего врача к лучшему карикатуристу! Хотя в данном случае уровень твоего художественного мастерства меня меньше всего интересует – мне надо только одно: чтобы тот, кто в этой жизни называется Виталий Викторович Песков, был в полном порядке. Только говорить некому – кроме кошки, лениво и равнодушно обходящей свои владения, никто не услышит. Ну и больница!

– Ладно. Ты жди, – я скидываю с себя сумки и иду разыскивать ту единственно живую, которая повелела нам ждать. Захожу в какую-то дверь – никого, прохожу дальше. Возвращаюсь ни с чем, вернее – ни с кем.

– Поехали отсюда! Приступ уже прошел. Переночуем дома, а утром поедем в больницу к Женке, – решаешь ты.

– Куда мы поедем среди ночи? Мы даже не знаем толком, что за больница и где находится. Придет кто-нибудь. Поспишь до утра. А дольше я тебя все равно здесь не оставляю.

– Сама только не уезжай. Не вздумай среди ночи ездить одна.

Наконец уже совсем из других дверей появляется все та же нянечка в компании с полусонной растрепанной дамой в накиннутом белом халате – врачом. Тебя отводят в палату, а я в коридоре оформляю твои документы. Оформляю очень хитро: ни паспорт, ни страховой полис из рук не выпускаю.

– Так вы оформляете мужа, девушка? Или убираетесь отсюда!

– Убираться среди ночи с больным человеком я не могу. И вы не имеете права нас выставить. А утром мы уберемся – я в вашей больнице мужа не оставляю. Записывайте номера документов, а то и этого не дам.

– Ну и правильно делаете, – резюмировала нянечка.

Я осторожно прохожу к тебе в палату. Рядом – человек двадцать, не меньше. Возможно, что и больше. Тебе сделали укол, да, собственно, я уже вижу, что приступ миновал.

– Постарайся уснуть, – я сажусь на краешек кровати. Кровать скрипит. Мужики вокруг ропщут: им не дают спать, и вообще, что делает женщина в мужской палате, чего к этому новенькому жену пустили на ночь, а к нам не пускают, да если каждый придет в больницу со своим самоваром...

Понимаю, что мне надо выйти.

– Не уезжай никуда, – повторяешь ты.

– Конечно, я буду здесь. – тихонечко целую тебя и выхожу.

В коридоре опять пусто. Только кошка. Наконец откуда-то уже из других дверей, как фея из сказки, вновь появляется та же нянечка.

– А ты чего тут сидишь? Тебе не положено, – говорит она как-то лениво, беззлобно. Ясно, что она и не собирается меня выпроваживать.

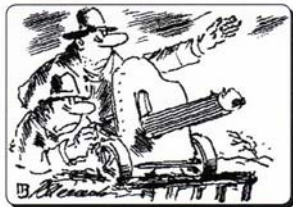
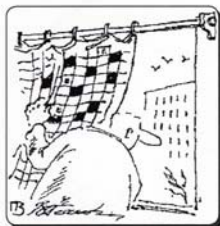
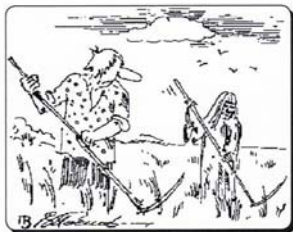
– А можно где-нибудь прилечь? – спрашиваю я. До рассвета еще далеко.

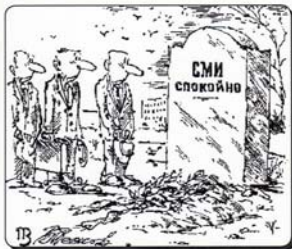
– Можно, чего ж нельзя! – Только что она говорила: не положено. Но добрая русская душа – пусть не положено, но можно.

– А где можно?

– Да где хочешь. Поищи по женским палатам, может, где есть свободное место – туда и ложись.

– Как?! – удивленно восклицаю я. – Просто пройти по палатам? Там же больные! И в такое время!

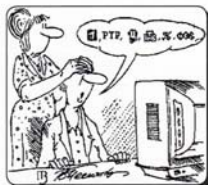

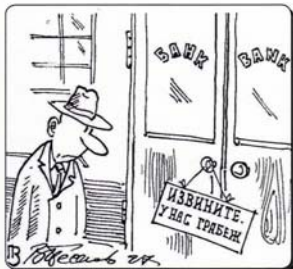

— Ну, тебе не угодил! И больница тебе не та, и палата тебе не та! Ложись, куда хочешь.

Дело кончилось тем, что я нашла в коридоре, прямо рядом с твоей палатой, полусломанные кровати. Попробовала прилечь. Пружины врезаются так, что не повернуться, с трудом нахожу какое-то положение, чтобы хоть присесть. Ладно, до утра бы чуть-чуть передохнуть, а утром сразу едем в закрытую больницу к Жене...

Этот рисунок («Бутырка» встречает хлеб-солью дорогих гостей) опубликован в «Литературной газете» к аресту бизнесмена В. Гусинского, владельца слишком свободолобивого телеканала НТВ, в июне 2000 года, когда общество едва начало отвыкать от политических арестов, но еще не успело основательно забыть их.

Это происходило в начале сентября. Теперь конец ноября. И опять больница. Вроде бы эта больница вполне приличная, и оборудование есть, и персонал...

– Значит, уже завтра улетаешь? – переспрашиваешь ты.

– Да.

Я вопросительно смотрю на тебя. Всегда ты решал все наши вопросы. Что делать? Может, все-таки остаться?

– Все будет нормально, не волнуйся, – ты провожаешь меня до лифта. – Видишь, сейчас-то все нормально. Приступ миновал – и все в порядке. Даже непонятно, что делаю в больнице.

Мы долго стоим у лифта. Уже раскрылись его дверцы, а я все стою возле тебя, словно удерживает какая-то сила. По линолеумному полу проходит яркая оранжевая линия – я

стою по одну ее сторону, возле лифта, а ты – по другую. Мы оба смотрим на эту линию, разделившую нас, хотя мы рядом, вместе, и руки наши сплетены. Я тяну тебя, чтобы ты перешел за эту линию, ко мне. Но ты стоишь твердо. И показываешь мне глазами: нет. Тогда я делаю попытку вернуться за нее, к тебе, и ты, не давая мне этого сделать, очень легонько, словно боясь причинить боль, но уверенно отталкиваешь меня.

– Девушка, вы идете? – молодая медсестра зашла в лифт и наблюдает за нами.

– Ну пока, иди, – торопливо говоришь ты.

– Не забудь про бритву.

– Виталий!.. Тебя скоро выпишут.

– Я знаю. Звони обязательно. Я жду твоих звонков. И вообще – жду.

Двери лифта закрываются, а за ними твоя улыбка, твои глаза – ты пытаешься меня ус-

покоить, но какая же безумная тоска в твоих глазах... Мне надо вырваться из этого лифта – к тебе! Но я покорно подчиняюсь его силе, увозящей меня от тебя, вниз. Это была последняя наша встреча.

– Вас ждет врач, – говорят мне в гардеробе, показывая, куда пройти.

– Кто вы ему? – привечно спрашивает врач, хотя ты сам еще накануне просил пропустить к тебе жену – меня. Очевидно, такой вопрос входит в обязательную программу протокола.

И почему-то я вместо обычного в таких случаях «жена», отвечаю:

– Самый близкий человек.

Ответ несколько удивляет врача, но он начинает заготовленную речь:

– В принципе я считаю, что особо срочного нет ничего. Был инфаркт. Я видел заключения из других больниц, посмотрел кардиограммы. Надо готовить его к операции.

– Да, я уже знаю. Мне говорили, что надо найти хорошего кардиохирурга.

– Нашли что-то? Подберите получше. Раз вы пока в Америке, то можете заплатить.

Наши люди почему-то совершенно искренне уверены, что доллары в Америке растут в цветочных горшках на подоконниках, причем сразу в крупных купюрах. Но я уже к этому привыкла.

– Я не очень в курсе современных наших больниц. – И называю клинику, о которой мы договорились с Борисом Марковичем Лобковым. – Это, по-вашему, как?

– Это замечательно! Если есть возможность попасть туда, очень хорошо!

– Какая срочность? Как вы считаете, если в мае, это не поздно?

– Ну, понимаете, сердце – такая вещь, что приступ может быть в любую минуту. Но в принципе это нормальный срок. Должен пройти острый период. А сейчас у него острый период. Гарантий ведь вам все равно никогда никто не даст... Но я думаю, что правильно выбрали.

После разговора с врачом стало легче, хотя эта безмолвная игра с прочерченной яркой линией на линолеуме покоя не дает. Конечно, все может быть, как сказал этот врач.

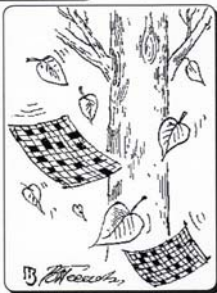
Не так давно умер сын твоего близкого приятеля. Двадцатипятилетний парень шел по улице и вдруг замертво упал – остановилось сердце. Как раз за несколько месяцев до этого я приехала в Москву, и мы втроем – ты, Коля и тот твой друг – поехали меня провожать в аэропорт. Он давно меня не видел и много расспрашивал про Америку. Я отвечала на его вопросы.

Станция метро в Нью-Йорке значительно больше, чем в Москве, так ведь

и весь город больше – огромный мегаполис. Троллейбусов нет – считается, что линии открытых проводов вредны. При этих словах мы все четверо посмотрели через автомобильные окна наверх.

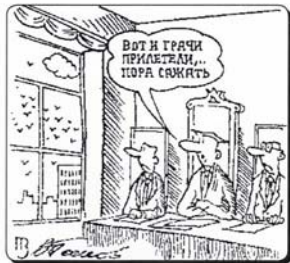
Московское небо прочерчено троллейбусными проводами. «Вредно», – решили мы все четверо, ничего на самом деле в этом не понимая.

Когда-то давно ездили по Нью-Йорку трамваи. Даже сейчас кое-где сохранились трамвайные рельсы, видны через трещины асфальта. Но трамвайную компанию выкупила развивающаяся в то время автомобильная фирма, выкупила

– и уничтожила, чтобы не мешала развитию автомобилей. Конкуренция! Теперь по Нью-Йорку ездят государственные автобусы. Вообще транспорт в Нью-Йорке муниципальный, кроме такси, конечно. Потом твой друг стал рассказывать про своего сына: тот уже вырос, и теперь они стали общаться, и как это замечательно – иметь взрослого сына. А через несколько месяцев парень замертво упал на улице. Я была в Москве в те дни. Проводила тебя до станции метро, когда ты поехал на похороны. Ты сказал, чтобы я с тобой не ездил – знакомых там не будет. Вы с Колькой просто постоите возле друга, чтобы не оставлять его одного. Мы думали: как он перенесет это? Но удивительными создал нас Господь – порой мы можем перенести то, чего не должны, о чем знаем точно: не перенесем.

И все-таки врач меня успокоил. В мае я приеду, до этого созвонюсь с Борисом Марковичем, чтобы он еще раз обговорил все в клинике, и повезу тебя туда. Буду сидеть с тобой до самой твоей отключки, пока не выгонят – упрощу. Потом съезжу в налоговую инспекцию, разберусь с документами в поликлинике. Что там еще? Заберу тебя из больницы и наконец-то буду с тобой – на даче, на нашей даче. Вместе. Когда я впервые попала туда, строительство дома еще только начиналось, и ты показал, где будет поставлен забор. Я ходила по нашим личным владениям, по-хозяйски приговаривая: здесь посадим малину, здесь ежевику, крыжовник, шиповник... «Это без меня, – тут же объявил ты. – Мое дело – дом. А потом вы с Петькой (он как раз к тому времени и познакомился с тобой) сажайте кого хотите! У вас с ним российская привычка – сразу сажать...». Вот теперь будем сажать.

До этого необходимо оформить американские документы, и осенью я тебя заберу на долечивание в Нью-Йорк. Да, распишемся наконец-то. «Сбудется твоя мечта!» – смеюсь я. И даже Марине сказала, что скоро мы поженимся, – чтоб не обижалась, будто она не в курсе. Хотя ей уже Петя все сказал. Представляю, как по-идиотски звучит эта фраза, когда мы с тобой по сути дела всю жизнь представляем. Наконец пропишусь в твою квартиру и займусь ее приватизацией... И ты настаиваешь – тут же покупаем новую. Ты торопишься, напоминаешь, как мы договорились: Петя оставил дачу, Вите – квартиру... Хватило бы на все денег! Ты запретил просить в долг.

– Никто все равно не даст. Не проси, не унижайся... А если что со мной – как ты отдавать будешь? Нет!

Но я все-таки осторожно попробовала обратиться к разным знакомым. Откликнулась только одна – школьная подружка поэтесса Леночка Григорьева, не самая богатая семья в Москве: «Много у нас нет, но если не хватит, немощко мы дадим».

В общем, этим летом мне будет, чем заняться.

На следующий день я улетаю в Америку. Через несколько дней звоню – ты уже дома. Из больницы тебя забирала, естественно, Надя – у Марины своих семейных хлопот достаточно. Голос бодрый. Или это для меня специально стареешься?.. Из головы не выходит эта идиотская линия на полу в больнице, надо было мне перейти за нее... Теперь основное – психическая атака. С невеселым юмором объявляю Вагричу его боевое задание: позванивать тебе и незнать рассказывать, что сейчас всем делают операцию на сердце, дело это житейское, обычное, как прививки новорожденным.

– Ира, но он же сразу поймет, что мы договорились, – отвечает умный Вагрич и со своей стороны обещает привлечь к «военным действиям» Игоря Макарова.

А в начале марта ты вновь в больнице. Обеспокоенный звонок от Вагрича: Игорь Макаров просил срочно связаться со мной, он звонит тебе – телефон не отвечает. Я объяснила – 33-я больница в Сокольниках. Может быть, Игорь сумеет съездить, привезти фрукты – я вернусь, отдам деньги. Вагрич смутился: «Что вы, Ира! Игорь, конечно же, найдет деньги на яблоки, мы же все старые товарищи». Действительно, ляпнула глупость, это от отчаяния. Пока звоню в Москву и умоляю нашу приятельницу, которой специально оставила какую-то сумму на тебя:

– Пожалуйста, поезжай к Виталику в больницу. Он же совсем один.

Потом Петя расскажет мне, что сразу, как только узнал, что отец в больнице, ринулся к нему. Но я этого не знала – в эти месяцы он оказался без Интернета, по которому мы обычно связывались.

– Мне сейчас некогда, – объясняет подруга: у нее забелела мама, полно работы, семья... – Ничего страшного! Он даже не в реанимации.

Видно, я уже ее «достала» своими делами. Но привожу последний довод:

– Я же тебе специально деньги оставляла.

– В ближайшие дни все равно не смогу. Только если во вторник – в честь дня рождения твоего сына. Такой тебе подарок!

Ладно, пусть так. Сейчас я не могу лететь в Москву – мне необходимо подготовить на тебя американские документы. Если в Москве что-то не так с операцией, я тут же перевезу тебя в

Нью-Йорк, уже договорилась в американском госпитале. Больше обращаться не к кому, мы давно уже были одни – вдвоем – на нашей густо населенной планете. Надо ждать вторника.

Мы опоздали. Она – на несколько часов. Я – на всю оставшуюся жизнь.

Виталик!

Виталик!

Палный шок... Я ничего не понимаю... Потому что этого не может быть... Я не успела... Уже звонил Вагрич Бахчанян с соболезнованиями – как первая правда этой страшной неправды...

Яд действительно до декабря 2002. Сам ты до этого срока не дожид.

Нет, их яд действительно навсегда!

Аэропорт... Москва... И впервые никто не встречает – пустота в том месте, где обычно стоял ты. Пустота для меня – на самом деле там теперь какие-то другие люди... И встречают они других... Сначала Петюша сказал, что сам встретит меня, но с организацией похорон меня дожидаться почему-то не стали, все взял на себя Петя. Я только объяснила ему, где лежат семейные реликвии, доставшиеся тебе от твоего отца, теперь это по праву принадлежит Петюше. Деньги привезу...

Похороны... Слова соболезнования... Да что ж они говорят? Я не хочу без тебя!.. Я не могу без тебя...

Вот и все.

Ты ушел в день рождения моего сына. Мы давно удивлялись совпадению дат в наших семьях – это стало не первым. Оно оказалось и в датах рождения и смерти – с точностью поразительной – моей бабушки и твоей мамы. Совпадения ли? Сейчас уже не знаю... Уж слишком много случайностей.

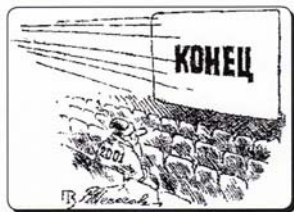
В клубе «Муха», расскажут мне, что-то организовывается в твою честь. Петя в бешенстве: нас с ним туда не пригласили, зато пригласили его маму (у нее издательский бизнес), там свои дела, свои интересы – там решают, как делить то, что им не принадлежит. Петя объявляет, что пойдет туда сам – напоминать о себе. Мне это все неинтересно. Да и я там со своим горем не нужна. Меня и пригласили б – все равно не пошла бы. Не надо бы туда Петюше – раз не пригласили самых близких людей, значит происходит что-то совсем подлое – квартира к этому времени уже была разграблена. Но остановить не могу – нет сил. Привлечение Петини мамы – в братстве бизнеса свои счета и расчеты – решило их проблемы: сын не пойдет против матери.

Как, по какому праву могли решать вопрос о творческом наследии два человека, не имеющих к тебе никакого отношения? Ясно, что один к этому времени уже имел рисунки, а другая была нужна для воздействия на сына-наследника. Меня они уже в счет не брали.

Очевидно, консенсус был достигнут – через две недели после этого мероприятия в клубе «Муха» торжественно открылась выставка украденных рисунков. Но я об этом узнаю лишь через много месяцев, из специально присланных мне из Москвы газетных статей «Коммерсанта» и «Российской газеты», где незнакомый человек – нет, не человек, а какая-то мерзость, мразь – по имени Леонид Тишков, художник и бизнесмен, хозяин клуба «Муха», лихо и нагло будет давать интервью о «замечательной» дружбе с тобой и о том, что в квартире художника он обнаружил около трехсот твоих рисунков. По какому праву разбирал чужие вещи, он в интервью не объяснил. Что и какими методами обещал он другой участнице переговоров – можно лишь догадываться.

Но после этого Петя резко перестал со мной общаться, – как видно, стало стыдно за что-то, с чем он оказался бессильно бороться. Возможно, хозяин «Мушки» не знал, что у меня огромный архив рисунков. Почему-то ни Петя, ни Леночка, ни оба Игоря не сказали этого. Впрочем, наверняка сказали, и Леночка в ответ услышала назидания, с кем ей правильнее дружить, – видно, «Муха» слишком высоко взлетела, чтобы слушать что-то предостере-

жения. Названия всегда олицетворяют идеалы времени. Значит, пришло время мух. Ты все предвидел, ты говорил: еще крышку гроба не успеют закрыть, как сбегутся за картинками те, кто не имеет к тебе никакого отношения. Живой ты им был не нужен, а теперь они будут устраивать тусовки и называть их твоим именем. «Шелупонь», — называл ты все это. И прибавлял: «Как скучно!». А я не хочу их знать. Никого.

Теперь до конца моих дней я буду нести мою собственную вину, ругать себя за слабохарактерность, за то, что думала обо всех, кроме тебя. И только ты простишь меня — уже простил, я это знаю по снам, в которые ты приходишь: ты пытаешься утешить меня, говоришь что-то смешное, рисуешь новые картинки. Как странно: я их вижу, узнаю твой почерк, и сон не уходит до тех пор, пока я не рассмеюсь твоим шуткам. А проснувшись, ничего не помню — остается только улыбка. И сознание того, что ты рядом. Только тебе решать, простить ли меня, что не оказалась рядом, что опоздала с операцией, что столько сделала не так, неправильно. Только тебе и Богу. И знаю: ты простил мне все — как всегда. И только ты встретишь меня, когда придет мой черед, и только ты отведешь к Богу и будешь просить Его за меня, пытаясь уменьшить мои грехи.

После кремации я вернулась в Нью-Йорк — в моей родной любимой Москве деваться мне некуда. Американская мышеловка залхнула. Опять Нью-Йорк... Холодный, чужой, ненавистный и ненавидящий... Полная обреченность еще и для моего ребенка, не умеющего выживать в чужой стране — дети и гении не выживают в обществе хамов. Звонки,

соболезнования, слова... Из русского радио в Америке... Откуда-то еще...

— Я не даю интервью.

— Но вы же больше всех знаете про него... Вы же можете рассказать... Мы с вами знакомы, помните, мы встречались...

— Извините, я не даю интервью.

Теперь надо договориться о захоронении на Ваганьковском кладбище. Мы с Петей так решили сразу: там Есенин, там Высоцкий, там место и Виталию Пескову. А для меня — пусть маленькое местечко возле тебя, только для своих. Мы с тобой еще давно решили, что будем похоронены вместе. Теперь уж нас не разлучат. Петроша это знает, обещал все сделать сам.

Тенгиз Сулханишвили, когда-то знаменитый футбольный комментатор и телеведущий, еще недавно один из основных редакторов программы «Время», ныне каким-то ветром занесенный в Нью-Йорк и пару раз «служивший» у нас курьером при поездках в Москву — негласный закон соотечественников помогать друг другу с оказиями, — придет на помощь, поднимет свои связи, и Академия художеств возьмет на себя все хлопоты по Ваганьково. К слову сказать, помощь предложили и другие наши соотечественники — сегодня при открытых границах в Нью-Йорке много российских именитых людей. Твоему сыну останется только привезти нужные документы, хранящиеся у него в Москве, — ему позвонят из мэрии и скажут, куда и когда приехать.

Но что-то резко меняется. Я чувствую это во сне по твоему обеспокоенному взгляду во сне — ты торопишь меня, ты что-то пытаешься сказать, я разберу слово «предательство», — по странному молчанию наших общих приятелей и знакомых. И только на один звонок получаю ответ. Мама нашей подруги:

— Ириша, там нельзя его оставлять. Это грех. Надо перезахоронить.

Я ничего не поняла. Что значит «пере...»? Где? Как? Почему мне ничего не сказали? Как же можно было не вызвать меня? Кто это решил за меня? Я пытаюсь выяснить, где ты, но — полное молчание. Подруга передала — не сама сказала, сама постеснялась: место захоронения от меня скрывают, и для пущей надежности — так ей велели передать для меня — захоронение зацементировали. Оказыва-

ется, так надо, чтобы я не претендовала на квартиру. Господи, да причем же тут квартира? Я же сразу сказала Пете: забирай все, мне ничего не нужно без папы... Пусть будет Пете – от папы, от нас с папой... Там не так много уже оставалось – Петя признался, что на антресолях, где были спрятаны семейные реликвии и ценности, уже было пусто. Петяка называл тебя «бате́й», детского «папа» он не знал, да и вообще долго не знал, кто его отец, – родители развелись при абсолютном взаимном согласии, едва дождавшись его рождения. А еще через несколько лет ты познакомился со мной. Так получилось. И никто не виноват.

Однажды – как-то давно – мы сидели с друзьями в квартире на Арбате, и ты объявил, что не пьешь, потому что с утра едешь к двум шкетам на дачу. Первая часть реплики меня порадовала, вторая привела в некоторое изумление: откуда двое – я опять не уследила? Но мне же и попало:

– Так, как ты следишь, можно десяток понаделать! – но сжалился и объяснил: второй – племянник, Алеша. Петюша был тогда совсем маленьким – вряд ли помнит. С маленьким сыном ты виделся всего пару раз. Его мама была против этих встреч. Петя обожает мать, это его самый дорогой человек. Может, потому отношения с отцом, столь бурно начавшись, так же быстро сникли. В одном письме Петюша мне даже написал, что отношения с мачехой у него лучше, чем с отцом. Жалко.

Моя подруга будет умолять какого-то не известного мне художника, редактора карикатурного сайта, назвать кладбище – он окажется главным организатором этого надругательства: лишить тебя собственной могилы, подложить к чужим тебе людям! Вот тогда мне назовут его имя, скажут, что он владелец карикатурного сайта и галерейки «Муха». Кто он, не знаю (хотя когда-то я посещала литературную студию с его женой, но должных способностей не проявила, а общая подруга ест до сих пор). Ни в друзьях, ни даже в товарищах он не значился. Очевидно, очередной процелыга, зарабатывающий на чужом имени, теперь это называется бизнесом. Воспользоваться тем, что молодой парень мало знаком с собственным отцом, представиться скорбящим другом – дело нехитрое, только вовремя прояви смекалку. Это

он уговорит твоего сына, что практичнее и умнее – приберечь наши деньги; объяснит, что все равно тебя забудут... Ему важнее низвести тебя пониже. Мне только передадут издательское послание от него. У него на то свои причины: он получил твои рисунки – те самые, которые ты торопился закончить к моему очередному приезду и которые мы собирались выставать к твоему 60-летию. Откуда они у него? Да что тут говорить! Сегодня в России один закон – кто что надывал, кто что нахапал, тот то и имеет.

Только через много месяцев мне покажут вырезанную из газеты статью о презентации выставки твоих рисунков в частной галерее «Муха», устроенной владельцем этой галереи, карикатурного сайта, издательства и чего-то еще неким художником Леонидом Тишковым. Выставка открылась 12 апреля 2002 года, через месяц после смерти, даже не дождался

сроковин! А ведь еще нужно время для подготовки! «Он был другом моим замечательным», – скажет этот не известный мне человек, никогда не бывший не только твоим другом, но и просто приятелем. Значит, пока я, чуть не обезумев, разыскивала тебя по разным кладбищам, эти люди уже весело подсчитывали барыш, наживаясь на рисунках, украденных из квартиры, цинично принимая искреннюю благодарность от пришедших на выставку людей, не знающих, что их обманывают...

Как, каким образом горстка циников и хамов, оснащенных улыбками и высшим образованием, сумела подчинить, парализовать столько людей, которые искренне восхищались тобой, искренне любили тебя, но вдруг послушно испуганно заторопились закивать, заулыбаться, замереть в поклонах... Кто все эти страные, страшные люди, какие огромные посты они занимают – не знаю, да и не хочу знать. Наверное, они смеялись, представляя, как я буду искать тебя по разным московским кладбищам – о подзахороненных (слово-то какое!) справок в администрациях кладбищ не дают.

Неужели кто-то и впрямь думал, что я не разыщу тебя? Какая глупость! Жестокая и бессмысленная глупость. Обычно все московские кладбища и найду. Я и нашла. Одна из редакций, с которой ты сотрудничал, предложила помощь – машину с водителем. Но по кишасей равнодушными самовлюбленными иномарками Москве легче передвигаться по старинке – в метро. Я хотела посадить на твоей могиле куст жасмина – помнишь, какой рос на даче в Переделкине? Но я не могу этого сделать на чужом, не нашем месте. Это даже не могила, это называется «подзахоронение» к чужой могиле.

«Шелуполь», – говорил ты. За что они так? За твой талант. И за твое умение быть свободным – везде... Изыскали способ надругаться. При жизни не получалось, не смели – получилось теперь. К тебе же должны приходиться, приезжать отовсюду художники – да и не только художники – поклониться твоей памяти, положить цветок, склонить голову... Но никто не будет разыскивать тебя, как я, – по всем кладбищам. Вопреки всем рассказам я не поверю, что это надругательство совершил твой сын сам. Он не успел полюбить тебя – слишком мало вы были знакомы. А мы делали для

него все, что могли, и он пытался ответить на это и понять тебя.

Я обращаюсь ко всем, кому дорого имя Виталия Пескова: помогите в переносе могилы на достойное место, свое место в русской земле, которое по праву должно стать могилой Виталия Пескова. Да что значит для них мой голос? Ответом служит лишь ехидная ухмылка да улюлюканье: все-таки разделались...

Эта страна, любимая и родная, лишила тебя даже собственной могилы. И друзья, предавшие, как предают всегда, во все века, с обаятельной улыбкой и развода руками – те самые друзья, которым ты помогал. Сколько раз ты просил прислать для кого-то из Америки лекарство для старой мамы, кому-то одежду для ребенка, кто-то просит предложить рисунки в американские газеты.

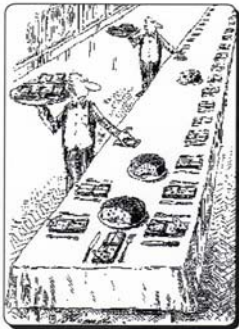
– У нас там есть какие-то лишние деньги? Надо помочь, – говорил ты и диктовал размеры одежды или названия лекарств для каких-то знакомых, порой даже не близких.

А теперь они притумили надругаться над тобой руками твоего же сына и ждать моей реакции, чтобы потом мной на законном основании, при участии адвокатов и судов, уничтожить твоего ребенка – вот будет шоу, вот потеха! Ненависть изощрена. Но шоу не будет. Они опять ошиблись, они опять не дотянули до твоего роста. Уж слишком явно за всеми механизмами угадывается не растерявшийся мальчишка, а группа опытных и хитрых интриганов. Предательство и подлость всегда совершаются с тихой обаятельной улыбкой, с объяснениями, что так получилось, что виноват кто-то другой, с кем завязан по иным своим делам... Говорят, за глупости мы отвечаем на этом свете, за подлости – на том. Тогда хвала глупости – из-за нее не совершено столько подлостей...

Две подружки взяли на себя миссию дилкурьеров, когда я прилетела в Москву разыскивать могилу. «Ты чего приехала?! Искать могилу своего? Не найдешь!! И ничего тебе не обломится – катись в свою Америку! Мы и без тебя обойдемся! Тебе с нами не справиться! У нас такие люди, одни знаменитости, с такими связями...» Правда, набравшийся вдруг смелости, чтобы объявиться, вконец запутанный, запуганный Петя тут же сказал, что никакой Светланы Новиковой не знает и передавать ей ничего, соответственно, не поручал. Я и не сомневалась. Мнение Петюши, если оно и было, никакого значения не имело. А будет «неправильно» себя вести, вообще обойдется без него.

Вторая – талантливая поэтесса – высказалась более витиевато: «Тебе просили передать, но просили не говорить – кто...». И, как водится у подруг, тут же, не нарушая обещанного и не назвав имени, весьма прозрачно намекнула: жена Тишкова, ныне детская писательница – та самая Марина Москвина, с которой когда-то, очень давно, на занятиях в литературной студии при Союзе писателей мы дружески болтали на разные темы: от литературных до всяких пустяков. Та Марина, которая после занятий, открывая дверь на улицу и видя тебя, оборачивалась ко мне со своей обаятельной улыбкой: «Твой ждет. Уже...». Помню, мы разбирали (и почему зря критиковали все подряд) сказку про вражеское осиное гнездо, и Марина сказала, что уничтожать ничьи гнезда нельзя ни при каких обстоятельствах: ведь это чей-то дом, чье-то жилище... Эти слова запомнились, потому что действительно – нельзя. Как же я не разбираюсь в людях! Через много лет та же Марина Москвина ничтоже сумняшеся примет активное участие в уничтожении нашего жилища... «Она очень изменилась», – скажет подруга. – Мы все изменились. У нее теперь свои авторские передачи на радио и телевидении, это же такие

связи!» А я все равно так и не могу принять, что умная, милая, интеллигентная, обстоятельная, обходительная, осмотрительная Марина Москвина превратилась в примитивную новорусскую дамочку, охотницу за чужим имуществом. Издеваться над прахом Художника; смеяться над тем, как я разыскиваю могилу, не зная, с какого кладбища начинать поиски; передать мне через общую подругу гнусную шутку о том, где вообще следует тебя хоронить, – на это способен только один тип людей

– мразь. В конце концов, ведь не только супружеская пара Тишков – Москвина это устроили, нашлись им старательные помощники, рассчитывающие на их благосклонность. И я не хочу их ни знать, ни судить – не только потому что это бессмысленно с их связями и возможностями в насковозь коррумпированной стране. Наверно, то, что они сделали, не подлежит ограниченному людским судам. И не важно, кто из них сам все это устроил, а кто тихонечко усмехался в сторонке.

Дело не только в самом факте воровства, не только в материальном банальном присвоении чужого имущества. Воровали всегда и везде. Но они украли все – все то, что мы тяжело копили, все то, что хотели передать детям, они нарушили связь не только материальную, но и связь времен, память, передующуюся поколениям. Но им и этого показалось мало – они стали глумиться дальше, до конца. Из всех их я назову только эти два имени – за их откровенный цинизм («Мы не будем обращать на нее внимания») – передали мне слова писательницы Марины Москвиной, сказанные на появление моего сайта «Памяти Виталия Пескова»; «на нее» – это на меня), остальных называть не хочу – ведь это книга твоей памяти, а не мести. Их имена и не должны стоять рядом с именем Виталия Пескова, но промолчать не хочу, не могу, и называю их только потому, что при завуалированных намеках читатель легко может

подумать на другого человека, невиновного. А этого не должно быть.

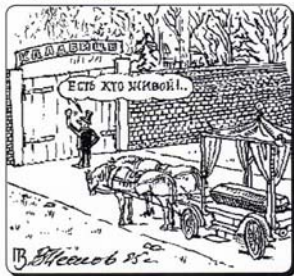
Я бессильна перед ними. Но и они бессильны перед твоими рисунками. И ты продолжаешь все так же смеяться над ними, потому что постепенно они уйдут, исчезнут, сотрутся, превратятся в ничто... А ты – останешься. И они это знают очень хорошо.

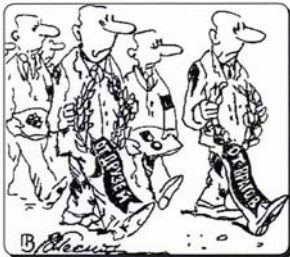
Подружка объясняла мне: ты не знаешь, что сегодня происходит в России, ты приезжала, но занималась только своей семьей. И начнет излагать что-то несусветное про «братьев-писателей», больше похожих на «братьев-разбойников», про то, что все давно куплено-перекуплено... Что в стране нет ни правительства, ни законов... Что такое наше время, в котором надо выживать... Но мне это скучно. Время всегда не то, оно всегда ставит препоны, и каждый всегда с ним один на один – как и с собственной совестью...

– Ты собираешься воевать с мафией, с бандитами? – вторила другая подружка.

Нет, воевать не собираюсь. Я знаю другое. Это только они, надругавшиеся над твоим именем, думают, что тебя нет и с тобой можно теперь безнаказанно делать что угодно; они не понимают, что наши умершие всегда с нами. Никто не растворится в небытие. Я знаю, что ты есть, что ты со мной – и для меня это самое главное. В «Литературной газете» тоже начнут выяснять странный выбор места захоронения. Получили объяснение: это временно, потом, когда будет постоянная могила, Петюша сам отвезет меня и выберет со мной место, и все будет, как мы хотели. Мне эти слова и передаст редактор «ЛГ» Женя Обухов – его письмо у меня в компьютере осталось до сих пор. Поэтому, очевидно, мое письмо в «ЛГ», которое мы придумали с Вагричем Бахчаняном; если честно, идея принадлежала Вагричу, считавшему, что надо немедленно что-то делать. Я же, раздавленная твоей смертью, ни на что не была способна, – решила пока не публиковать. Наверно, я несправедливо бросила твоим друзьям, что они предали тебя, как Христа, – чтобы потом поклоняться... Сальери, блаженно разводивший в стороны руки: что же можно сделать, бросили Моцарта в общую могилу... А кто-то, передавая мне соболезно-

вания через Интернет, проведет аналогию с украденным прахом Чаплина... Твои друзья разыскали меня – по телефону, по Интернету, через общих знакомых. Однажды, давно еще, ты сказал: «Запомни: если что – Вагрич Бахчанян и Игорь Маковров!». Что «если что»? – «Сама знаешь. Запомни». Я запомнила. Игорь и Вагрич первыми подняли вопрос о перезахоронении и о том, что я должна заявить о своих правах на память о тебе. Да что заявлять? У меня другая задача: не выставить невзначай на всеобщее обозрение то, что ты старательно прятал от надругательства толпы. Только великим шутам позволено то, что не прощается никому, – так было во все века. Шут, не превратившийся в лакея, – великий шут. А лакеи этого не прощают.

И привидениями мне представляются те, живые, лишённые нормального человеческого сочувствия, простых понятий о чести, совести, любви, дружбе; они так стараются выглядеть модно крутыми, современными, а остаются ничем, фантомами.

Олечка с Петей дали мне кассету с твоим интервью. Оно тебе не понравилось, и ты не разрешил публиковать. Оля чуть не плакала. Я пробовала утешить, вспоминая, как ты критиковал мои первые публикации, придираясь к каждой фразе: видишь ли, твоя невеста должна и писать безукоризненно. Потом, правда, сжалился и махнул рукой – все равно это, мол, мне не пригодится.

Интервью Оли так никуда и не пошло, а я зато могу слушать твой голос.

Твой приятель, драматург Борис Лобков, пригласил меня в гости, чтобы отдать пачку старых твоих рисунков, хранившихся у него много лет.

– Разыскали Виталика?

– Да.

– Я пробовал выяснить, – словно извинялся он, – но никто ничего не знает. Втихомолку... Зачем так, для чего?..

Мы сидели в квартире на верхнем этаже в доме-башне на проспекте Вернадского. Последний раз я тут была, приехав прямо из больницы, где навещала тебя, когда Борис Маркович помогал мне договариваться о клинике, где тебя будут оперировать. Тогда, в этой же комнате, я с отчаянием и надеждой ловила каждое его слово помощи и точно знала: все будет хорошо – по-другому не может быть! Теперь – леденящая тоска, и ничего, кроме нее – повсюду. Он помолчал, потом спросил:

– А вы знали, что Виталик гений?

– Да. Только, знает, жизнь...

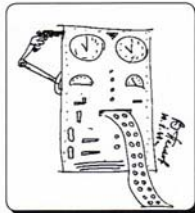
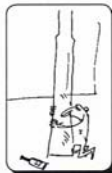
– Это не важно, – прервет он. – Главное, что знали. А он сам это знал?

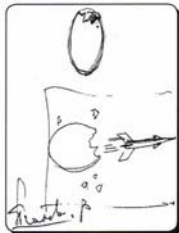
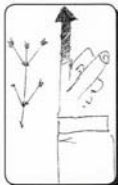
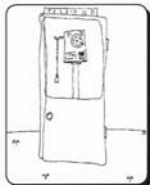
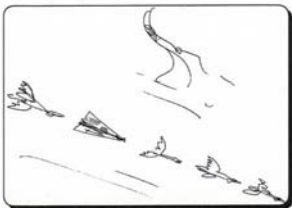
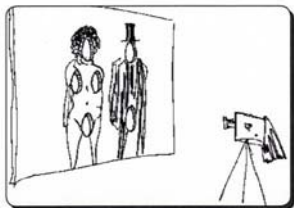
– Да.

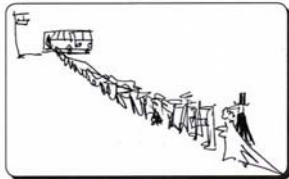
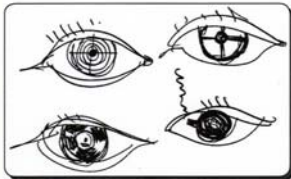
Опять помолчал, он сказал:

– Это очень важно, чтобы любимая женщина, та, которая рядом, понимала...

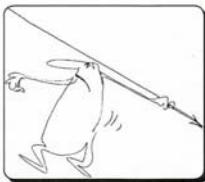
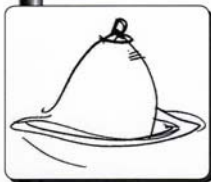
Он попросил, чтобы в публикацию вошло что-нибудь из тех ранних рисунков, хранившихся у него и теперь подаренных мне. Они подписаны 1968 годом – мы еще и знакомы не были! Мы еще ничего про себя не знали!

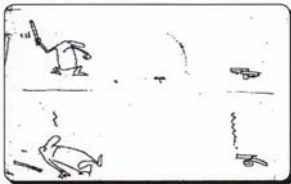

В последнее время ты снишься мне молодым, с длинными, почти до плеч, волосами по моде того времени, когда ты – любимец славы и друзей, тех друзей и того братства «Литгазеты», которым ты оставался верен до конца и которые предали тебя так легко и равнодушно. Последняя твоя картинка для «Литгазеты»: «Поддайте протест!».

И я уже не знаю, какой мир более реален. Ты раздвигаешь руки, словно оберегаешь меня – как всегда, и словно подбадриваешь: не бойся, иди, ведь я с тобой. И я не боюсь, Виташа. Ты же видишь – я иду. Одна. Как стояла одна у твоего гроба.

Ты часто говорил с неотвратимо грустной улыбкой: «Тебе писать мемуары, а то ведь напишут, понарасскажут... Запоминай: любимый художник – Дали, любимый режиссер – Феллини...». Последней твоей любимой книгой стала «Кысь» Татьяны Толстой.

Вот так ты нарисовал один из первых твоих автопортретов и подписал – справа налево, всецелое бесхитрое озорство...

Борис Маркович отдал мне эти рисунки с маленьким условием: сделать ксерокопии и отдать ему. Я условие выполнила. Ксерокопии рисунков должна была передать ему моя подруга. Она позвонила ему и ждала ответного звонка – договориться о месте и времени встречи. Но звонок был другой: в грубой форме, ссылаясь на якобы мое распоряжение, кто-то потребовал отдать рисунки. Она растерялась, отдала. К кому попали эти ксерокопии?

Наверняка, кто-то презрительно поморщится, что я сделала не так, – мол, они бы на моем месте!.. Но на моем месте всегда была я. По крайней мере, в моих словах куда больше правды, чем в торопливом писании в «Московских новостях» талантливого поэта «Правдоруба», – «Правдорубу» некогда было выяснять, что так, что не так, он спешил доказать кому-то, что и он в коллективе и достоин куска в дележке «пирога»; но каждый сам решает, как

использовать собственный дар. Говорят, он тогда тоже строил дачу – нужны были деньги, а значит – надо исполнять пожелания работодателей: владельцев издательств, клубов, галереек. Бог ему судья. Только правда – вот что, возможно, и есть самое главное. Я не судья и тем более не Судия. У меня нет права судить – у меня есть право сказать правду. Мы с тобой хотели сделать книгу о тебе, о твоей жизни, нашем поколении – в твоих картинках... Вот она, Виталик.

* * *

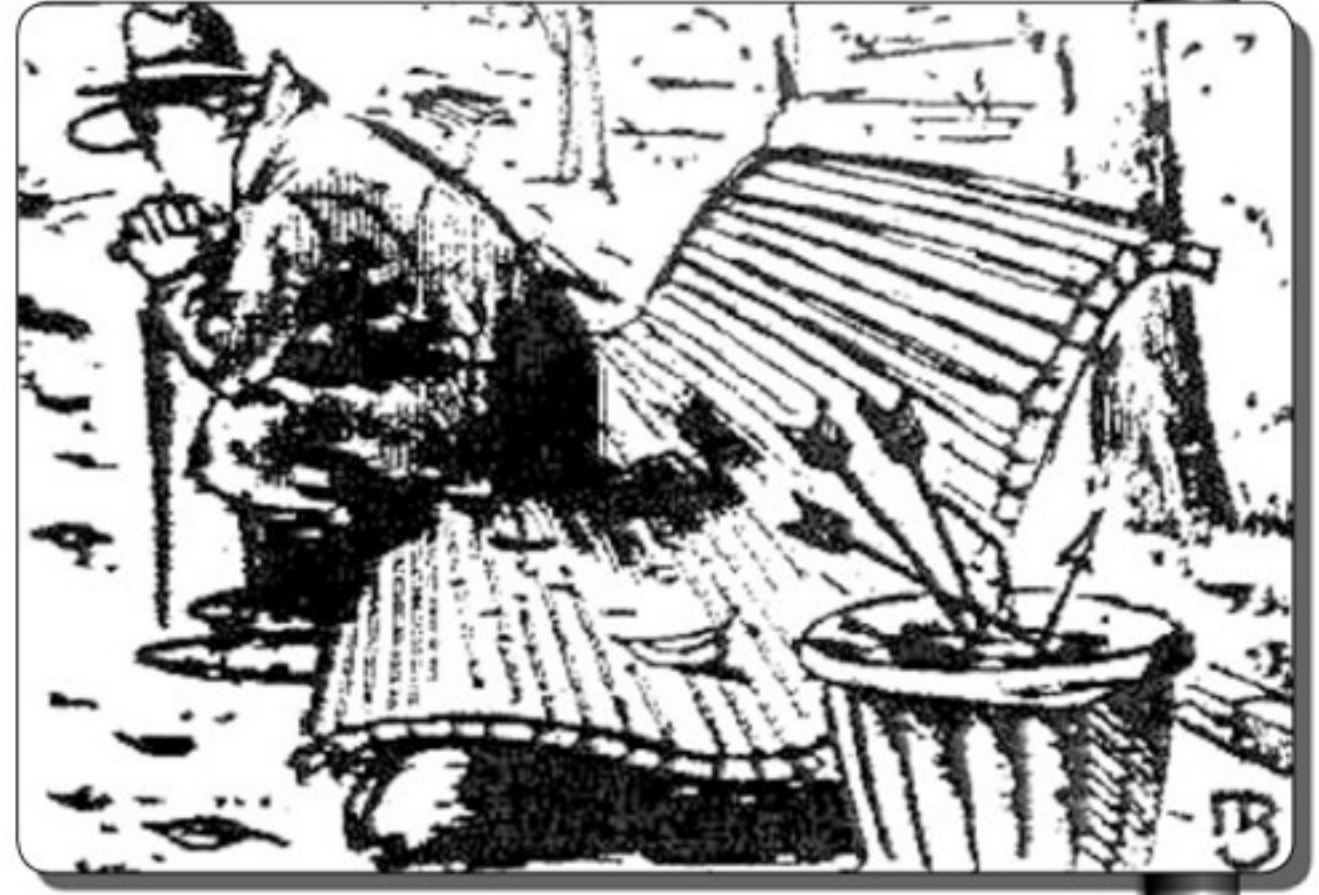
Через полтора года, когда эта книга уже была готова, а американская медицина с тупым усердием сделала (и продолжает делать) все, чтобы отдалить нашу встречу в том вечном мире, хозяева дома потребовали освободить квартиру, и, собирая вещи при переезде, я нашла две визитки, подаренные мне на похоронах с дежурными словами: если что-то нужно, обращайтесь. Одна – художника Андрея Рыжова, другая – художника Игоря Смирнова, туда же вписал номера своих телефонов Игорь Макаров (кстати, никто из них не полюбывствовал, где я в те дни похорон ночевала). Игоря Смирнова немного знаю – он перезванивался с тобой, обращался и ко мне с просьбами; он же занимался организацией похорон. Что ж, обратилась – и к Игорю Смирнову, и еще в Министерство культуры – о перезахоронении, и потом – надо же куда-то девать огромный архив. Я очень боюсь, что рисунки пропадут – своего жилья у меня теперь нигде нет; где, как и на что я просуществую оставшиеся дни – Бог ведает... Куда делись рисунки из московской квартиры, не знаю. Выяснять, что с самой

квартирой, одеждой, деньгами, мебелью, бессмысленно – не для того разгромили, чтобы возвращать. Машина, очевидно, так и осталась у Нади – пусть у нее, я так хочу, пусть будет ей от тебя. Дачу мы успели перевести на имя Пети. Ты хотел заранее обеспечить мальчишек, чтобы после нашего ухода было чисто. Вагрин узнал через свои источники, что Тишков успел отпраздновать и там, на нашей даче. Правда, источники проявили недовольство: мне открыли имя Тишкова по секрету, а я назвала его во всеулышание. Действительно, как-то не деликатно с моей стороны...

По всей видимости, рисунками торгуют вместе с фотографиями и мои оставшиеся письмами (приятельница похвасталась, что приобрела парочку). Спасти бы хоть то, что у меня.

Как бы то ни было, даже если отбросить личные мотивы, как могло произойти, что художник с мировым именем, поднявший карикатуру до уровня искусства, символики, философии, художник, сотворивший целый пласт в истории искусства страны, без которого немислимы новые веяния и направления, художник, давно и прочно занявший свое место в мировой культуре, талант и слава которого неоспоримы, захоронен на чужом месте, с чужими для него людьми. Ведь уже была договоренность о Ваганьково. Ответа от Игоря Смирнова я не дождалась. Из Министерства культуры ответ пришел быстро: Министерство культуры и музеи России не заинтересованы в творчестве художника В.Пескова. И подпись: Т.М.Антонова. Ни исходящего номера, ни занимаемой должности, ни бланка, ни адреса и телефона для связи. Мне это показалось странным. Знакомые – извечная жизнь России с черного хода

карикатурист Виталий Песков. Опять Неправда! Уж что касается хорошей бумаги – у нас и на не очень хорошую не всегда хватало... Ты никогда не размышлял над недостатками. Кто знает, что такое «недостатки», кто смеет делить людей на «хороших» и «плохих»? Нет, ты любил людей, не народ, а именно людей. С их неловкостями, неправильностями, ошибками, слабостями... И они отплатили тебе сторицей – это они принесли мне одежду и обувь, они собрали деньги, чтобы нам хоть было на что жить, это они, прочитав в сайте, что много ранних рисунков исчезло со старыми газетами, прислали вырезанные из старых газет твои рисунки, предложили помощь по компьютерной обработке, это они сказали: надо спасать рисунки – хотя бы то, что есть, – из России и Америки, Прибалтики и Украины, Германии и Израйля, Казахстана и Англии, Франции и Нидерландов, Испании и Финляндии... Это политики разъединяют людей по государственным границам, а искусство и человеческая порядочность – объединяют. Это благодаря им,

самым обычным, нормальным людям, далеким от политики, от власти, от чрезмерных богатств, стало возможным издание твоей книги. А это и есть настоящее народное признание.

В одном интервью меня спросили о главной твоей черте характера. Я растерялась: в человеке не бывает чего-то одного. Лишь потом поняла: наверное, благородство.

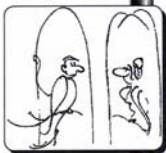

Это твой самый последний рисунок – еще не заверченный, набросанный на обратной стороне моего последнего письма тебе. Петя нашел его среди бумаг в развороченной квартире и отдал мне.

Я перебираю твои письма, фотографии, листаю газеты и журналы с твоими публикациями, доверенности, документы, рисунки...

Эту картинку ты нарисовал на листочке со списком вещей, которые я должна привезти из Америки, она – не для печати, она – просто для нас с тобой.

Дорогой мой! Любимый мой! Родной мой! Мой самый любящий и самый любимый! Я вспоминаю какие-то эпизодики нашей жизни – этими воспоминаниями я спасаюсь от пустоты и тоски. Но это всё версия для печати. А все наше – останется с нами двоими, в том мире, где мы только вдвоем, где никого больше нет, кроме нас. Где мы вместе всегда. И навсегда.

*Целую, люблю.
Твоя Ирина
2002 – 2004*

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА

Когда эта книга готовилась к изданию, разразилась еще одна страшная трагедия. Семьи художника Виталия Пескова больше нет. Ушел из жизни Виктор Коршиков.

Его нашли в маленьком номере гостиницы "Университетская" всего окровавленного, слишком поздно.

Ему прочили судьбу блистательного литературного переводчика, знающего и чувствующего тонкие языковые нюансы. Ему прочили будущность талантливого драматурга и переводчика. Его педагог по художественной литературе, известный американский драматург Терри Куинн, автор пьесы по письмам Набокова, назвал Виктора Коршикова одним из самых талантливых своих учеников. Сам он думал о работе режиссера оперного театра. К своим юным годам он уже давно был известен как музыкальный критик. Он успел написать столько музыкальных статей и литературных произведений, что в Москве готовится к изданию его книга.

Америке русские таланты не нужны, России – тем более.

Это его, еще маленького, Виталий Викторович Песков забирал из детского садика, а потом водил в школу; это ему он отработывал почерк в младших классах; это с ним он сидел, когда тот болел; это он нес в себе все вкусы Виталия Пескова – и в одежде, и в еде, и в искусстве, и в манере поведения... И он ушел из жизни тихо, без стонів и жалоб, достойно, мужественно, по-мужски – как учил жить Виталий Викторович Песков. Ушел, чтобы не жить той мерзостью, той пустой чужой жизнью на чужбине, в которую его ввергли бездарные, вечно завидующие талантам интриганы. Мы глубоко убеждены: самоубийств не бывает – бывает доведение до самоубийства.

Тем не менее до сих пор никто из названных в этой книге не понес наказания за свои злодеяния. Все они – чиновники, художники, писатели, поэты, издатели, владельцы художественных галерей – по-прежнему занимают свои служебные места, являются членами творческих союзов, по-прежнему ненавидят все талантливое, яркое и самобытное и уничтожают память о них, по-прежнему издают собственные книги, выступают в концертах, дают лживые интервью и продолжают победное шествие по России.

В жизни
какая горькая
симпатичнее!

ВЫЖИВАЙТЕ!
РЕЗЫСКИ

БРАТНИЦКА
ПОМИРАЕТ
УХИ ПРОСИТ...

КОГДА ЖЕ МЫ ВСЕ
ЭТО ЧИТАТЬ БУДЕМ?

ВИТАМЮ ОТ ИРИНЫ

ПР. Т. В. 11

ВРЕМЯ,
ПРЕСЬЯ

КАРТОШКА
ПРОЦЕДУРА

ЗА КАЖДУЮ БУКВУ
ТЫСЯЧА РУБЛЕЙ

ПОДАЙТЕ
НА ЛЕВЧЕКЕ
СЫНКА

ПОДАЙТЕ
ТРЕБУЕМ
ВЫПЛАТЫ
ЗАРПЛАТЫ!

В. С. С. С. С. С. С.